

ЭЛЛА КАЗАНОВА

УРОКИ
ВОЖДЕЛЕНИЯ

18+

Дэйнара Эштон – любящая дочь, девушка строгих моральных правил и настоящая леди. Лорд Кройд – само воплощение порока, имеющий репутацию распутника, картежника и жестокого беспринципного человека. Оскорбленный отказом Ары, он превращает жизнь ее семьи в кошмар наяву. Чтобы спасти близких, девушка решается прийти к своему палачу с унижительным для нее предложением...

- [Элла Казанова](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Эпилог](#)
-

Элла Казанова

Уроки вождения

Сердце грохотало о ребра с такой силой, что грозило вот-вот проломить их, ладони вспотели, в ушах шумело, а напряжение достигло невыносимого накала.

Тогда сидящий за столом мужчина первым нарушил тишину.

– И чем же обязан вашим визитом в столь неурочный час, мисс Эштон?

Стоящая в центре комнаты девушка прерывисто втянула воздух, но ответила спокойным негромким голосом.

– Думаю, вы знаете, зачем я пришла, лорд Кройд.

Мужчина приподнял уголок губ и откинулся в кресле, не отрывая от нее холодного взгляда. Его гладко выбритое лицо осталось совершенно бесстрастным, только в глазах зародилось, какое-то глубокое пугающее мерцание.

– Не имею ни малейшего представления. Просветите меня.

Ее пальцы слегка подрагивали, а жар камина опалял и без того пылающие щеки, но Ара не отводила прямого взгляда. Хотя кабинет был довольно просторным, а от маркиза ее отделяло не меньше полдюжины шагов и широкий полированный стол, девушке казалось, что они стоят вплотную, что он заполнил собой все пространство, что она чувствует на своей коже его дыхание.

Крупная широкоплечая, но не массивная фигура – тело зверя, по ошибке заключенное в костюм джентльмена, – коротко стриженные вопреки моде волосы, отливающие сталью, словно припорошенные вечным инеем, и обманчиво мягкие движения. Этот мужчина вызывал в ней неприязнь и... неконтролируемый страх. Маркиз был похож на затаившегося хищника: расслабленная поза, ленивое движение пальцев, которыми он крутил сигару, словно раздумывая, закурить или положить обратно в шкатулку – все было призвано продемонстрировать, что разговор ему неинтересен, почти скучен. Вот только серые глаза, неестественно светлые, почти прозрачные, пристально наблюдали за каждым жестом Ары, а тонкие ноздри время от времени трепетали, словно втягивали аромат добычи.

И от этого взгляда, от загустевшего воздуха, от смеси запахов – сигары, горячих углей, дорогого парфюма, а за всеми ними запаха этого мужчины, – волосы на ее шее поднимались, а пальцы в перчатках потели, но девушка не позволяла страху прорваться наружу, отразиться на лице.

– Полгода назад вы просили у отца моей руки, – тихо начала она. – И вам было отказано.

На последнем слове ее голос все-таки дрогнул, а уголок рта маркиза приподнялся еще немного. Его пальцы небрежно вернули сигару в шкатулку.

– Вы передумали? Боюсь, я тоже: понял, что брак не для меня. – Крышка ящичка захлопнулась с громким щелчком, как мышеловка. – Да и обстоятельства, увы, переменились: дочь преуспевающего графа была куда, как более завидной партией, чем дочь разорившегося и, по слухам, находящегося на грани помешательства.

Ара на миг прикрыла глаза – этого ответа она ожидала, – и продолжила.

– Да, была. До того отказа. До него у нас действительно все шло хорошо. А через неделю после... сгорели отцовские фабрики.

– Несчастья случаются сплошь и рядом, достаточно одной случайной искры, – насмешливо заметил маркиз, откидываясь в кресле.

Ара не думала, что можно ненавидеть еще сильнее. Оказывается, можно.

– Целых пять сторели в одну ночь. А еще через месяц богатейшая медная жила резко истощилась.

Последнюю фразу девушка произнесла с легким удивлением. Если одновременные пожары на фабриках еще можно было объяснить слаженным поджогом, то, как объяснить истощенную жилу, она не понимала, но чувствовала причастность сидящего напротив и даже не предложившего присесть ей мужчины.

– И в этом тоже виноват я? – приподнял бровь он.

– Фермеры один за другим отказались от аренды и съехали с земли, а отца исключили из клуба, который посещал еще его прадед.

– Должно быть, за долги, – вежливо заметил маркиз.

Девушка не отрывала от него серьезного взгляда:

– Возможно, я многого не понимаю, но далеко не глупа, лорд Кройд. Поэтому это я вас спрашиваю: чего вы хотите?

Мужчина не торопился с ответом, лениво рассматривая ее, и Ара еле сдерживалась, чтобы не стиснуть пальцы в кулаки. Ни один джентльмен не позволил бы себе так откровенно ее разглядывать! Но маркиз, разумеется, не джентльмен.

– Снимите плащ, – негромко велел он.

Помедлив, Ара потянула за тесемки и позволила плотной ткани соскользнуть на пол. Взору маркиза открылся ее обычный повседневный наряд: наглухо застегнутое платье с высоким воротом-стоечкой, сколотым камеей, а из-под длинного подола не видны даже кончики туфель. Каждый дюйм кожи укрыт тканью, открытым оставалось только лицо, но Ара чувствовала себя сейчас такой уязвимой, словно стояла перед маркизом в нижней сорочке или... вовсе без нее. Одним только взглядом этот мужчина словно сдирал с нее тонкий муслин, трогал, щупал, прикасался, оставаясь на месте. Взгляд спокойно опустился к ее груди, задержался, а потом снова поднялся к лицу.

– Снимите перчатки и шляпку.

Ара снова послушалась, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, а виски сдавливают все сильнее.

Распустила атласный бант под подбородком, сняла и положила в кресло боннет. Мягкий завиток упал на плечо, тогда, как остальные волосы остались собранными в высокую простую прическу. Перламутровые пуговички, которых на каждой перчатке насчитывалось ровно двенадцать штук, долго не давались дрожащим пальцам, но мужчина не подгонял.

Безмолвно наблюдал за каждым ее движением, и тишину нарушал лишь шелест ткани и шорох пламени в камине. На стенах гуляли тени, словно всматривались в происходящее, а булавка в шейном платке маркиза вспыхивала обжигающим янтарем.

С каждой секундой Аре становилось все труднее дышать. Голова кружилась, в горле пересохло, и внутри все изнемогало от глупого желания обхватить себя за плечи, закрыться от того непонятного, пугающего и подавляющего, что исходило от этого мужчины, схватить плащ, выскочить в ночь и бежать, бежать без оглядки до самого дома, лишь бы больше не видеть ледяных колющих инеем глаз, внушающих ей такой животный ужас пополам с ненавистью.

Избавившись от второй перчатки, Ара снова застыла, но на этот раз опустила глаза, не в силах больше смотреть ему в лицо. Особого облегчения ее оголившимся нервам это не принесло: она ощущала маркиза каждой клеточкой своего существа, ощущала, как оседают

пылилки на шторы, как огонь выедает нутро углей в камине, как мягкий ворс ковра упирается в кожаные подошвы туфель, и мастика впитывается в свежее-отполированную мебель.

– А теперь скажите, Дэйнара, мне отказал ваш отец или... вы? – в мужском голосе больше не звучало и тени насмешки.

Ара не видела смысла лгать, да и, что-то подсказывало, что маркиз сразу почует фальшь.

С трудом, но все же она подняла глаза, вновь посмотрев прямо.

– Отец сомневался... – она запнулась, – из-за вашей репутации.

– А вы?

– А я не сомневалась. Я уговорила его отказаться вам.

Повисла тишина, и, казалось, даже пламя в камине застыло, боясь шевельнуться и привлечь внимание хозяина дома.

В кабинете стало тихо. Очень-очень тихо. И, как-то темно... Только глаза маркиза светились двумя пульсирующими точками, вгрызаясь в глаза Ары, не отпуская их, пока кончики его пальцев выбивали дробь по столу.

Но спросил он прежним холодным бесстрастным тоном:

– Итак, что вы готовы мне предложить?

Ему не нужно было пояснять вопрос: Ара ждала его, пожалуй, с той самой секунды, как переступила порог этого кабинета четверть часа назад. Нет, еще раньше, дома, когда приняла решение.

– Себя.

– Кажется, мы уже выяснили, что брак меня более не интересует.

Маркиз явно не собирался ей помогать, хотя, конечно, все прекрасно понял.

– Я тоже не о браке, лорд Кройд.

– А о чем же?

– Я сделаю то, чего вы от меня хотите.

– Наивное и безрассудное дитя: вы так уверены, что знаете все о моих желаниях?

Ара не будет играть в его игры. Она пришла сюда не за этим, и хватит уже оттягивать, пора покончить с фарсом.

– Я проведу с вами ночь. И позволю делать с моим телом все, что пожелаете. Если взамен вы оставите меня и мою семью в покое.

Он смотрел на нее так долго, что Ара, у которой то темнело, то плыло перед глазами, а в груди давило и обрывалось, внезапно испугалась, что все-таки лишится чувств. Унизительно и мелодраматично.

А потом маркиз откинул голову и расхохотался. Звук буквально разорвался в напряженной тишине кабинета и показался таким чужеродным, что девушка вздрогнула.

Отсмеявшись, маркиз вновь устремил на нее взгляд, в котором не было ни капли веселья – все тот же холод, – и медленно произнес, глядя Аре в глаза.

– Когда я имею женщину, то хочу, чтобы она стонала и текла от удовольствия подо мной. Чтоб не заматывалась в монашеские тряпки, а хорошо знала, любила и принимала свое тело, и желала меня до иступления, чтобы умела дарить и получать наслаждение. А вы ведь к тому же еще и девственница, верно? – Последнюю фразу он произнес так, словно это был недостаток.

Ара вспыхнула от стыда – никогда прежде она не слышала таких откровенных слов ни

от кого и даже не все поняла, – а еще ярости: какое он имеет право даже сомневаться в ее чести?! Впрочем, ответа маркиз не ждал, продолжив:

– Исходя из этого, а также из того, какой ненавистью горят ваши восхитительные глаза, заключаю, что ни вы, ни я не получим удовольствия от реализации вашего интересного, но, увы, не заманчивого предложения. Уж простите, если разочаровал: вы, как вижу, подготовились – даже платье светлое надели, собираясь принести себя в жертву чудовищу. Но ни в эту, ни в другие ночи мне не нужна девушка, которая будет, сцепив зубы, терпеть мои ласки, считая секунды до окончания постыдного, по ее мнению, акта, почитая себя праведницей и великомученицей. Иными словами, прекрасная Дэйнара, мне не нужно бревно на костре моей похоти.

Он замолчал, глядя на нее спокойно и отстраненно, Ара же чувствовала, что задыхается. Наверное, та же подруга Сесиль в такой ситуации ударилась бы в слезы или и впрямь лишилась чувств, но Аре хотелось схватить с каминной полки роскошную вазу и швырнуть в голову маркизу. Стереть это выражение превосходства и ледяного безразличия с его лица.

Вместо этого девушка резко развернулась и бросилась к выходу, позабыв про плащ и шляпку с перчатками. Но стоило потянуть дверь на себя, как чужая рука захлопнула ее до щелчка, а сама Ара оказалась притиснута спиной к створке, и по обеим сторонам от головы прижались ладони маркиза, поймав в ловушку.

Щеку обдало горячее дыхание, а лицо мужчины оказалось так близко, что она могла рассмотреть светлые, будто тоже прихваченные инеем, кончики ресниц, и даже через платье чувствовала тяжелый жар его тела, от которого ее отделяла лишь тонкая ткань.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, от испуга и непонимания: как он мог оказаться рядом так быстро? Так нечеловечески быстро? Ведь секунду назад расслабленно сидел за столом...

Девушка даже не сразу поняла, что погасли все светильники и камин – только угли мерцали в очаге рассыпавшимися рубинами, бросая на маркиза красноватые отблески.

В лице мужчины не осталось ни капли ледяного безразличия: теперь он хватал ртом воздух, пытаясь справиться с дыханием, сбившимся вовсе не от быстрого бега, а в глазах отражался такой голод, что Аре стало плохо.

– Выпустите меня, – потребовала она дрогнувшим голосом. – Вы ведь уже добились того, чего хотели: унизили меня, доказали превосходство, отомстили. Так, что еще вам от меня нужно?

Он склонился ниже, совсем низко, приблизив лицо вплотную.

– Думаете, мне нужно было это? – в его охрипшем голосе, казалось, проскользнуло легкое удивление. – Отомстить?

Ара была вконец сбита с толку, а думать, когда дрожишь от неконтролируемого ужаса, и любое неосторожное движение грозит соединить их губы и тела, не получалось.

– Если не это, тогда, что? Вы ведь отклонили мое предложение, а больше мне нечего предложить.

Маркиз все-таки не выдержал и ткнулся носом в ямку у основания ее шеи, втянул аромат кожи, и Ара застыла, чувствуя, как ключицу плавит жар его дыхания, а по спине сползает ледяной пот, и дрожат колени.

Мужчина наконец поднял голову, но не отстранился.

– Вы меня боитесь?

– Нет.

– Боитесь, – без улыбки констатировал он. – Я почувствовал это еще с другого конца комнаты. И правильно делаете: я не тот, перед кем можно помахать красной тряпкой, а потом сбежать.

Ара не ответила, потому, что он был прав. Только смотрела в пронзительно-светлые глаза, в которых схлестнулась вечная мерзлота зимнего океана и жар раскаленной добела стали. Наверное, она боялась не его, а того зверя, который прятался внутри, и которого она инстинктивно чувствовала за всем этим внешним лоском и обманчивой сдержанностью.

И судя по срывающемуся дыханию, по напряженным мышцам, по хриплому голосу, маркизу непросто было сдерживать этого зверя.

Наконец он немного отстранился, не убирая ладоней от стены.

– Я не отказывался. Лишь сказал, что не желаю женщину, которая не желает меня. Но у меня есть к вам иное предложение.

– Какое?

– Вы на месяц переселяетесь в мой дом. Не в этот, – добавил он, заметив, как она огляделась и нахмурилась. – Моей целью не является оповестить весь город, что вы живете у меня. В загородный особняк.

Девушка настороженно смотрела на него.

– В качестве кого?

– Моей гостьи.

– Переселюсь и... что потом? Что я должна буду делать в этом вашем доме, и, что ждет меня через месяц?

– Будете выполнять небольшие... задания. Или, скажем так, уроки. А еще отдыхать, гулять на свежем воздухе, вести привычный образ жизни, насколько это возможно, делить со мной трапезы, постель, а в конце указанного срока покинете мой дом. И акции вашего отца, вложенные в оставшиеся две фабрики, резко подскочат в цене, владельцы клуба принесут ему свои самые горячие извинения за досадную ошибку, как и арендаторы, а медь вернется в жилу.

За этим будничным перечислением девушка даже не сразу уловила главного. Уловив, не сдержала горькой усмешки.

А ведь на, какую-то долю секунды она почти поверила, что он действительно предоставляет ей выбор.

– Значит, несмотря на свое глубокое отвращение к бревнам, вы все-таки собираетесь принудить меня разделить с вами постель.

– Вы не поняли: я не буду вас принуждать. Вы сами этого захотите.

Мгновение-другое Ара пыталась осмыслить услышанное, а потом чуть не расхохоталась, хотя веселье было последним, что она сейчас испытывала. Девушка с вызовом вздернула подбородок:

– А если не захочу?

Маркиз слегка пожал плечами.

– Тогда через месяц просто уедете обратно домой, в лоно семьи, дела которой резко поправятся. Но вы захотите, мисс Эштон.

Сам факт, что она ведет с маркизом этот безумный разговор, не укладывался в голове. Но на кону было больше, чем ее бесчестье. Гораздо больше.

– И если я соглашусь жить у вас, вы обещаете, что не будете касаться меня?

– Такого обещания я дать, разумеется, не могу. Прикосновений не избежать.

Ара сделала глубокий вдох. Эта беседа, вся эта ситуация не умещалась в ее привычную картину мира, где практически единственным законным поводом для прикосновений между незамужними девушками и молодыми людьми являлись танцы на балах, а речи джентльменов отличались деликатностью и предупредительностью.

– Я имела в виду прикоснуться ко мне, как мужчина к женщине, заставляя против воли.

– То есть трахать вас, иметь, заниматься любовью? – бесстрастно уточнил маркиз.

Ара сцепила зубы.

– Да.

– Как я уже сказал: только если вы сами захотите.

И снова пауза, в процессе которой Ара собиралась с духом на то, на, что внутренне уже решилась, а маркиз просто молча смотрел на нее.

– Как я объясню свое месячное отсутствие дома?

Оба знали, что означает этот вопрос: согласие дано.

– Вы же неглупая девушка, как сами любезно сообщили мне. Вот и придумайте. – Маркиз убрал ладони, отстранившись, и дикое напряжение, державшееся между ними, а заодно державшее Ару на ногах, исчезло, и девушка чуть не сползла вниз по двери.

Маркиз тем временем вернулся к столу и нажал кнопку вызова.

– Чтобы ни у вас, ни у меня не возникло искушения нарушить соглашение, скрепим его официальным договором.

Ара вдруг заметила, что все светильники снова горят, рассеивая мягкие круги света, а в камине весело танцуют языки пламени, словно празднуя победу хозяина.

В кабинет, негромко постучав, проскользнул незаметный мужчина неопределенных лет в таком же незапоминающемся, как вся его внешность, сюртуке и зауженных брюках.

– Варэнс, прошу засвидетельствовать наш с мисс Эштон договор.

Мужчина склонил голову в молчаливом согласии, а Ара дернулась, нервно воззрившись на мужчину.

– Не волнуйтесь, мисс Эштон. Варэнс работает у меня не только потому, что он лучший стряпчий в округе, но и потому, что умеет держать язык за зубами. Не так ли Варэнс?

– Точно так, милорд, – прошелестел тот, уже вытаскивая документ.

И Ара почти не удивилась, увидев заранее подготовленный подробный договор.

Она честно попыталась вникнуть в него, но смысл фраз ускользал...

Он знал. Маркиз с самого начала знал, что все так и будет. И она лишь тешила себя иллюзией, что сама приняла решение прийти сегодня сюда, предложить себя, тогда, как это он привел ее, он сделал все, чтобы у нее не осталось другого выбора.

Четко спланированная партия, а шахматы Аре никогда не давались...

– Прошу, мисс, будьте любезны приложить безымянный пальчик левой руки сюда. Нет-нет, просто приложить, – стряпчий забрал у нее перо, которое Ара уже поднесла к странице, и девушка, слегка недоумевая, выполнила указание.

Палец кольнуло, и на бумаге, там, где обычно ставится роспись, расплылось пятнышко крови. Сквозь рисунок папиллярных узоров проступил, подобно водяному знаку, герб Кройда – готовящийся к прыжку барс.

Маркиз смочил в коньяке и протянул Аре платок, который она машинально прижала к пальцу, слегка поморщившись, и тоже оставил на договоре эту странную подпись.

– Знаете, в древности существовало поверье, что от безымянного пальца левой руки идет вена прямо в сердце. Поэтому именно на него надевают обручальные кольца, и поэтому

такой договор нельзя нарушить.

Ара не собиралась вести с ним светские беседы. Снова облачившись в плащ и шляпку, она застегивала пуговички на перчатках.

– Я очень устала, лорд Кройд, и с вашего позволения хотела бы вернуться домой.

Это не было просьбой: она просто сообщала ему, что уходит.

Подвезти ее до дома он, конечно, не предложил, да и Ара отказалась бы.

Направляясь к двери, она чувствовала странное... сопротивление, так, что приходилось прикладывать остатки сил на преодоление этого короткого пути. Словно между ней и маркизом теперь протянулась нить, и с каждым шагом, удалявшим Ару от него, нить натягивалась все сильнее, доставляя дискомфорт.

Стряпчий, склонив голову, открыл перед ней дверь.

– Помните, мисс Эштон, завтра в три по полудни на постоялом дворе «Золотой бык» вас будет ждать экипаж, – раздался за спиной негромкий голос маркиза. – И не советую менять решение в одностороннем порядке. Это может оказаться... крайне болезненно.

Ара на миг замерла, а потом, не оборачиваясь, вышла из кабинета.

Снаружи грохотал дождь, затягивая город пеленой, и в этом буйстве стихии девушке тоже почудился недобрый знак.

Проскользнув в дожидавшийся ее наемный экипаж, Ара буквально упала на сидение и прислонилась пылающим лбом к прохладному стеклу. Что же она натворила...

Глава 1

Ара почему-то думала, что, что-нибудь обязательно ей помешает... надеялась, что помешает. Разразится гроза и размоет дороги, или маменька заявит, что никуда ее не отпустит, потому, что именно сейчас у нее разыгралась одна из тех жутких мигреней, от которых отец предпочитал спасаться на встречах с арендаторами, когда те у него еще были, и только Ара может подавать ей сердечные капли и читать вслух...

Но несмотря на сырость из-за прошедшего накануне дождя, погода стояла ясная, а маменька, когда Ара, запинаясь, сообщила, что Сесиль пригласила ее на месяц погостить в своем поместье, обронила лишь:

– Ах, дорогая, чудесная идея, не забудь захватить парочку шалей. В этих больших старых домах вечно сквозняки...

И запахнув поплотнее на груди концы собственной шали, уставилась в окно, наблюдая за гуляющими и редкими экипажами.

Матушка Ары была из тех хрупких созданий, которые предпочитали большую часть жизни проводить на кушетке, кутаясь в теплую одежду и предаваясь меланхолии. Она даже подруг принимала полулежа, жалуясь на нескончаемые мигрени, нервы и приступы слабости. Впрочем, подруги охотно поддерживали эти темы, тоже не отличаясь особо крепким здоровьем...

Разговор с отцом вышел очень схожим, и сердце Ары сжалось: прежде энергичный полный сил и планов мужчина за, каких-то пару месяцев превратился в собственную тень. Все чаще замирал прямо во время разговора на полуслове или на прогулке, как бы обращая взор внутрь себя и все меньше интересуясь тем, что происходит вокруг.

И Ара чувствовала вину... Нет, она не сожалела о том своем отказе маркизу. Она сожалела лишь о последствиях, которые это имело для ее семьи.

Горничную и камеристку Ара не взяла, сообщив, что Сесиль обещала ей своих, и, кажется, девушки приняли это на свой счет: укладывая чемоданы, они вздохами и взглядами всячески выказывали обиду.

Что они скажут в следующем месяце, когда получат расчет, потому, что отец Ары более не в состоянии выплачивать им жалованье? За ними последуют лакеи, младшие горничные, посудомойки, кухарка, экономка... Ара встряхнулась, не позволяя этим мыслям завладеть собой.

– Все ли готово? – обернулась она от окна.

– Да, мисс Эшгон. И Джером уже подал экипаж.

– Хорошо.

Их верный Джером предложил ей руку, подсаживая в карету, и покачал головой.

– Вы уж не сердчайте на старого ворчуна, мисс, но не следует вам ехать одной, хотя б Анну с собой возьмите. Она, конечно, дуреха, но, какая-никакая компаньонка в дороге...

Только такой заслуженный слуга, искренне любящий эту семью, при которой состоял еще его отец, мог допустить такую вольность без опаски наказания.

– Не волнуйся, Джером, – Ара спокойно улыбнулась старику, хотя на душе скребли кошки, – на постоялом дворе меня будет ждать экипаж Сесиль с горничной.

Дверца захлопнулась, карета качнулась, снимаясь с места, и застучала колесами по брусчатке. А примерно через полчаса булыжные мостовые закончились, сменившись

сельской грязью. Указанный постоялый двор располагался примерно в часе езды от города. Ара откинулась на сидение и прикрыла глаза, усилием воли унимая дрожь и твердя себе: «Я все сделала правильно, я все сделала правильно...»

* * *

Они прибыли намного раньше назначенного времени, и экипажа маркиза еще не было на месте. В дороге набежали облака, и задул сильный ветер, раскачивая скрипучую вывеску, на которой был изображен золотой бык, тянущийся к кружке пива. Возницы кучковались, согреваясь элем и разговорами – судя по взрывам смеха, не совсем приличными, – пока меняли их лошадей, и проводили взглядами одинокую девушку. Ара плотнее закуталась в плащ и решительно направилась к крыльцу.

Джером наотрез отказался покидать ее, пока не прибудет экипаж мисс Сесиль, и Ара сказала, что в таком случае подождет его в комнате наверху.

Слуга остался на первом этаже, а девушку расторопная хозяйка проводила в опрятную, хоть и скудно обставленную, комнату для путников и предложила подать обед, но Ара попросила лишь стакан воды и устроилась возле окна. Погода стремительно портилась, на оконное стекло падали первые капли, и сквозь них проступало лицо маркиза – голодное, жаждущее, пугающее, как в тот момент, когда он прижал Ару к двери...

Девушка поежилась, почувствовав, что снова начинает дрожать. Укол на пальце, как ни странно, полностью прошел, даже точки не осталось, но Ара непонятным образом чувствовала его, а еще чувствовала тонкую, тоньше волоса, ниточку, протянувшуюся от него к сердцу, хотя она не смогла бы объяснить это ощущение.

Девушка ни капли не верила в то, что действия маркиза продиктованы не мезтью. Если это не мезть, то, что тогда? Просто Его Сиятельство развлекается: ему мало унижить Ару словами, он хочет полностью ее растоптать. Развратить, опустить до своего уровня, чтобы больше никто и никогда не посмотрел на нее с почтением, чтобы больше никто не захотел взять в жены...

Но это сейчас неважно. Ара все вынесет, главное, чтобы маркиз сдержал обещание и отстал от их семьи, вернул отцу положение, без которого, чувствовала девушка, тот долго не протянет. Дождь и ветер крепчали, дышать становилось все труднее, а сомнения возрастали с каждой секундой.

Сдержит слово? О господи! Неужели она действительно поверила, что такой, как лорд Кройд – у которого даже фамилия под стать, фамилия хищника, – выполнит обещание? Поверила, что он станет придерживаться, какого-то глупого договора, несмотря на ту историю в игорном доме и историю с мисс Коннорс, и... мало ли сколько еще подобных на его счету! Никакие договоры ему не указ. Головокружение усиливалось, боль в пальце нарастала, а на сердце словно кто-то давил, так, что воздуха уже не хватало.

Она совершила ошибку! Надо немедленно разыскать Джерома и сказать, что они возвращаются домой! Ара резко вскочила, задев стакан с водой и не обращая внимания на приступ дурноты, когда казалось, будто в сердце вгоняют раскаленную спицу, выбежала из комнаты, слыша, как позади вдребезги разбилось стекло.

На первом этаже слуги не оказалось – хозяйка сказала, что он вышел по природной

нужде на задний двор, – и девушка бросилась туда же. Ветер тут же сорвал с головы капюшон плаща, а дождь хлестнул лицо ледяными струями. Ара прижимала ладонь к груди, где жгло так, что мир расплывался перед глазами, и сердце, казалось, вот-вот лопнет, а с безымянного пальца словно по ниточке сдирали кожу.

– Джером! – крикнула она, озираясь и пытаясь перекрыть шум дождя. – Где ты?

Тот не отзывался, и девушка бросилась к их экипажу, решив дожидаться слугу внутри. Уже показались очертания карет, и она почти различала фамильную, до которой, наверное, не добежит, потому, что очередная ввинчивающаяся в сердце спица, остановит его биение раньше, но тут прямо из темноты на нее выскочил экипаж.

Заржали кони, над самой головой взметнулись чудовищные копыта, и возница едва успел обогнуть девушку, так, что Ару только брызгами обдало.

Экипаж мгновенно остановился, и дверца распахнулась.

– Мисс Эштон? – позвал глухой голос с козлов. – Его Сиятельство ждет.

Ара, все еще оглушенная болью и испугом, кутаясь в плащ дрожащими руками, задрала голову, но из-за дождя, различала только контуры.

– Джером... мне нужно предупредить слугу.

– Его предупредили, ваш экипаж сейчас на полпути домой.

Дальше все запомнилось, как-то отрывками, и пришла в себя Ара уже в экипаже, стремительно увозящем ее прочь от постоялого двора «Золотой бык» и прежней спокойной и предсказуемой жизни.

* * *

Маркиза в карете не оказалось, как и слуг, чему Ара порадовалась – сейчас ей хотелось побыть одной. Впрочем, чего она ждала: что лорд Кройд лично приедет за ней и, едва фонари постоялого двора останутся позади, набросится и обесчестит? Хотя такой вариант тоже не исключала...

Следующим пришло осознание, что палец больше не горит огнем, и на грудь ничто не давит. Осталась только тянущая даже не боль – след недавно пережитой боли, и Ара не была уверена, остался ли он в теле или только в голове. Главное, что мука, которая терзала ее с того мига, как накатили сомнения в принятом решении, прекратилась. И слава богу: Ара бы долго не выдержала!

Дорога тянулась и тянулась однообразными скрытыми пеленой дождя пейзажами, и не то, чтобы девушка стремилась поскорее оказаться наедине с маркизом, но обрадовалась, когда с холма открылся вид на его дом. «Вид» громко сказано: спустившиеся сумерки и непогода позволили разглядеть только множество освещенных окон, словно бы подвешенных в тумане ливня, но даже их количество и количество труб, к каждой из которых был подведен камин, говорило о достатке лорда Кройда.

Если ему и нужно было, когда-то приданное Ары, то явно не для того, чтобы выбраться из нищеты...

Маркиз не вышел встречать – то ли давал ей время прийти в себя, то ли подчеркивал таким образом незначительность ее приезда.

Встретили Ару расторопные, но молчаливые слуги, которые сразу препроводили ее в

отведенные покои. Слишком уставшая после дороги и пережитого, она едва замечала залы, по которым ее вели. Обстановка запомнилась не конкретными деталями, а общим впечатлением: роскошная и... подавляющая. Как сам маркиз.

Семья Ары тоже далеко не бедствовала до встречи с лордом Кройдом, однако девушка привыкла к светлым интерьерам, тонким пропорциям, женственной мягкости – обстановкой всегда занимались они с маменькой, – но от жилища маркиза веяло совсем иной энергетикой: подчеркнуто мужской, тревожащей, даже агрессивной.

Паркетные полы из темного ореха, бархатные шторы, массивные каминные и блеск многоярусных люстр – Аре казалось, что она кожей чувствует все эти поверхности.

Вопреки ожиданиям ее покои оказались больше похожими на то, к чему девушка привыкла, и состояли из спальни и соединенной с ней гостиной. Просторные эркерные окна, камин из белого мрамора, бюро для письма, кушетка... На кровать за полуоткрытой дверью Ара старалась не смотреть. Она остановилась перед камином в нерешительности, грея озябшие руки и не зная, что делать дальше, в каком положении будет здесь жить, и имеет ли право отдавать приказы слугам.

Проблему решила горничная Мари, которая сообщила, что с минуты на минуту для мисс Эштон будет готова ванна. Мимо уже сновали девушки с ведрами. Только, когда Мари помогла снять тяжелый влажный плащ, верхнее платье и корсет, Ара поняла, насколько промокла и продрогла. Но от помощи в купальной отказалась. Кажется, Мари удивилась, но Аре не хотелось, чтобы ее касалась чужие слуги в этом чужом доме.

Большая фаянсовая ванна ждала ее в смежной комнатке, распространяя приятный травяной аромат. Снять последние детали – холодные липнущие к телу чулки, белье и нижнюю рубашку, – оказалось настоящим блаженством. Ара опустилась в горячую исходящую паром воду и прикрыла глаза, позволив себе насладиться последним мигом, когда она принадлежит самой себе. Но лишь мигом.

Омывалась она торопливо, чувствуя напряжение и посекундно оглядываясь на дверь купальни, которая так и не открылась.

Наверное, в воду были добавлены, какие-то масла, потому, что кожа после нее лоснилась, как шелк, и благоухала. А еще стала сверхчувствительной, поэтому пушистое мягкое полотенце почти царапало.

В гостиной Ару уже ждала Мари с высушенной у огня почищенной одеждой и сообщением, что маркиз ждет ее к ужину. Он не спрашивал, устала ли она с дороги и нуждается ли в отдыхе. Просто ставил перед фактом. Но Ара знала, на, что идет, поэтому спокойно кивнула служанке, сделав вид, что находит происходящее естественным.

Пока, что Мари обращалась с ней почтительно, как с гостьей, но много ли пройдет времени, прежде чем Ара начнет различать на ее лице оскорбительные усмешки и презрение? Слуги ведь не настолько слепы, чтоб не сделать выводов, в каком качестве молодая девушка может проживать в доме неженатого мужчины, да еще и без компаньонки.

Но Ара запретила себе об этом думать.

Облачаться снова в дорожное платье после ванной было не слишком приятно, но судьба багажа пока оставалась неизвестной, а спрашивать Мари ей не хотелось.

Поправив тугую и такую же простую, как накануне, прическу, из которой не выбивалось ни единой пряди, и взглянув напоследок в зеркало, где отражалась бледной, но спокойной и собранной, Ара последовала за служанкой.

Ужин накрыли в малой столовой.

Когда Ара вошла, маркиз курил, откинувшись на стуле и даже не встал для приветствия. Лишь молча, слегка прищурившись, наблюдал, как лакей помогает ей сесть, и кончик его сигары тлел оранжевым, вспыхивая в полумраке.

Почему-то маркиза всегда окружал полумрак, даже сейчас, хотя в комнате горела люстра и свечи. Но их свет казался, каким-то тусклым, приглушенным.

Он сделал знак, и слуги удалились, плотно притворив двери и оставив их наедине. Только тогда Ара заметила, что все блюда уже есть на столе. Значит, никто не будет подавать новые, прерывая их тет-а-тет.

Сердце заколотилось, дыхание сбилось, но девушка спокойно расстелила салфетку на коленях и посмотрела прямо на маркиза.

С минуту он держал взгляд, заставляя сердце уже не колотиться, а сходить с ума и обрываться от страха неизвестности, а потом вдавил зашипевшую сигару в пепельницу, по-прежнему не отводя глаз от лица Ары.

– Рад, что вы все-таки доехали, мисс Эштон.

– Разве у меня был выбор?

– Не было, – согласился маркиз. – Если, конечно, не считать выбором смерть. – Он выразительно посмотрел на все еще слегка припухший палец девушки, и Ара почувствовала, что краснеет.

Маркиз, каким-то невероятным образом узнал, что она пыталась отменить сделку в одностороннем порядке.

– Надеюсь, вам доставила удовольствие причиненная мне боль.

– Не доставила, – бесстрастно ответил он. – И вы ошибаетесь, полагая, что ее причинял я. Это сделали вы сами, когда пытались нарушить уговор, несмотря на мое предупреждение. Было очень больно?

– Да.

– Замечательно. Теперь вы знаете, что бывает за попытку забрать данное мне слово. После третьего нарушения сердце остановится. Это стандартный пункт в таких договорах, и я надеялся, что вы внимательно его прочли.

Ара вообще не читала договор. Была не в том состоянии.

– Для вас не должно стать новостью, что я не желаю находиться здесь.

– А вот это, мисс Эштон, явно лишняя и не интересующая меня информация. Мы заключили сделку, очень щедрую с моей стороны по отношению к вашей семье, не для того, чтобы я месяц терпел в своем доме хмурую девицу, считающую, что делает мне одолжение и перечащую по любому поводу. Поэтому поберегите кислые выражения и дурное настроение до возвращения домой. Я ясно выразился?

– Более чем, лорд Кройд, – сдержанно ответила Ара, когда совладала с дыханием и смогла быть уверенной, что голос не дрогнет от ярости.

– Прекрасно. Значит, мы можем наконец приступить к ужину. Думаю, вы голодны.

Девушка не стала спорить, потому, что правда проголодалась – ела в последний раз утром, дома. А еще потому, что маркиз действительно ясно донес мысль.

Ара ела суп, зачерпывая понемногу ложкой от себя.

Наверное, он был даже вкусным, но несмотря на голод приходилось буквально проталкивать его в себя – слишком давила обстановка: полумрак, запах оплывающих свечей, бархатная обивка мебели, высокий натирающий воротничок, шпильки в излишне тугий прическе и мужчина напротив, который смотрел, как она ест, так, будто в мире не было зрелища занимательнее.

Глаза провожали ее руку, подносящую ложку ко рту, останавливались на губах, когда Ара открывала рот, опускались ниже, к шее, прикрытым платьем ключицам, еще ниже, заставляя дыхание сбиваться, и девушке стоило невероятных усилий сохранять отстраненное выражение и сдерживать дрожь в пальцах.

– Скажите, мисс Эштон, как вас называют дома?

Аре не хотелось, чтобы он обращался к ней, как родные и близкие друзья, поэтому она ответила ровным тоном:

– Дэя.

– Тогда я буду называть вас Ара. Удобное имя.

Ее ложка на миг застыла. Показалось, или в голосе маркиза прозвучала насмешка?

– И чем же оно удобно? – спросила она, спокойно подняв на него глаза.

– Его можно стонать и рычать.

Несмотря на тон, маркиз не улыбался. И от его взгляда – темного, тяжелого, – еда подкатила к горлу, а вдоль спины пробежали мурашки.

Ара опустила глаза первой, сжав пальцы на салфетке под скатертью и промолчав. Чувство скованности росло с каждой секундой. Рука напряженно стискивала ложку, платье колело, а в голове поселилась ноющая боль, так, что девушка с трудом сдерживалась, чтобы не морщиться.

– Вам удобно? – внезапно спросил маркиз.

– Что?

– Вам удобно в этом платье и на этом стуле?

– Мой багаж еще не доставили, – произнесла Ара безучастным тоном. – В нем есть более удобные и подходящие наряды.

Ей не хотелось, чтобы это звучало, как просьба или вопрос. Хотя судьба багажа ее волновала. Забрали ли его слуги маркиза, когда отправляли Джерома домой?

– Вот, как? Что ж, я обязательно позабочусь о вашей одежде.

– Благодарю вас.

Девушка собралась снова опустить глаза в тарелку, но тут маркиз внезапно поднялся и приблизился. Ара инстинктивно сжалась, одеревенев.

– Не бойтесь, я ведь обещал, что не причиню вам вред, – произнес он, обходя ее стул.

Но Ара превратилась в комок нервов, когда он встал сзади. Мышцы напряглись до боли, плечи затекли.

– Что вы делаете? – выдавила она, не оборачиваясь.

– Тш-ш, – маркиз аккуратно забрал ложку, для чего ему пришлось почти силой разжать ее сведенные пальцы, и склонился к уху, обдав шею горячим дыханием. – Прикройте глаза.

Меньше всего Аре хотелось закрывать глаза, когда за спиной стоит хищник с вкрадчивым голосом, но она послушалась, чувствуя, что так или иначе придется сделать, как он сказал.

От напряжения боль в затылке усилилась, так, что под зажмуренными веками расцвели красные круги, и Аре пришлось закусить губу, чтобы не всхлипнуть.

Ощутив в волосах его пальцы, девушка дернулась, но маркиз с мягкой настойчивостью потянул за пряди, заставляя вернуть голову в прежнее положение. Что-то тихо звякнуло о пол, и боль чуть-чуть уменьшилось. Звук повторился, и стало еще немного легче. Маркиз одну за другой вынимал шпильки, и с каждой новой Ара чувствовала растущее облегчение и в то же время тревогу.

Зачем он это делает? И главное... что собирается делать дальше? А дальше, избавившись от всего, что удерживало прическу, маркиз запустил в ее волосы обе руки и начал легонько массировать. Невесомо тянул у корней, ворошил, мягко надавливал на, какие-то чудесные точки, отчего остатки боли и дискомфорта испарялись бесследно, массажировал кончиками пальцев, и через, какое-то время Ара услышала тихий стон и распахнула глаза, осознав, что издала его сама.

Позади послышался тихий смешок, но на плечи надавили ладони, когда девушка попыталась отстраниться.

– Так лучше? – раздался низкий бархатный голос маркиза, а его руки спустились к основанию затылка, стерев умелыми прикосновениями последние отголоски боли, и продолжили путь вниз, расстегивая пуговички воротника и надавливая подушечкой большого пальца на каждый позвонок, пока не достигли кромки платья.

– Да, – ответила Ара, сдерживая желание откинуть немного голову, потянуться к дарящим облегчение пальцам.

И сама удивилась тому, как прозвучал голос: приглушенно и хриловато.

Мужские пальцы вернулись наверх и сжали пряди, неожиданно сильно, но, как ни странно, это было не больно, а... приятно.

– Не представляете, как давно мне хотелось их распустить, – прошептал маркиз, наклонившись так низко, что Ара почти чувствовала его губы на мочке уха.

А потом вдруг убрал руки, обошел ее стул и вернулся на свое место напротив, оставив девушку в смешанных чувствах.

С одной стороны, теперь, когда их снова разделял стол, и она могла видеть маркиза, Ара чувствовала себя уверенней, а с другой, без его рук в волосах стало, как-то... пусто. Словно исчезла успевшая стать привычной деталь, доставляя своим отсутствием дискомфорт, хотя физического дискомфорта не было. Девушка прислушалась к себе: боль полностью прошла, как и болезненное напряжение. Тело стало приятно расслабленным, а кожу головы покалывало тепло от притока крови, и Ара чувствовала на щеках румянец, как после отдыха в кресле возле камина.

Впервые за этот день, да, что там, за многие дни, она чувствовала себя уютно и хорошо, словно разжалась туго стянутая пружина, и в то же время скованно, потому, что этим ощущением была обязана ненавистному человеку, напротив. А еще потому, что ее волосы теперь ниспадали пышными волнами по спине и плечам, а Ара даже на ночь всегда заплетала косу...

И это заставляло ее чувствовать себя уязвимой. А она не хотела быть уязвимой перед этим мужчиной.

Маркиз внимательно смотрел на девушку, откинувшись на стуле, из-за чего его лицо снова оказалось в тени, и только направленные на Ару глаза горели.

– Какая гадость снова пришла вам в голову?

– Я хотела бы собрать волосы, если позволите.

– Не позволю. Любезная мисс Эштон, я видел девушек без причесок, без верхних

платьев, без нижних платьев и без белья. Я видел много девушек одновременно без всего вышеперечисленного. Поверьте, распущенные волосы – это не то, чего стоит так мучительно стесняться.

– Вам так нравится говорить мне непристойности?

– А, что непристойного вы находите в обнаженном теле, с которым появились на свет? Или полагаете, господь сотворил его нарочно, чтобы стыдить вас каждый миг жизни?

– Вы невыносимы.

– А вы чопорны и возвращены ханжами. Ешьте уже спокойно.

Помедлив, Ара снова взяла ложку в руки. Как ни странно, аппетит действительно вернулся, а от аромата блюд, который она только сейчас почувствовала, потекли слюнки.

Хотя она все-таки предпочла бы, чтобы маркиз не смотрел так пристально за ее трапезой. Сам он едва притронулся к еде. А, впрочем, если ему нравится, пускай смотрит, Ара не собирается смущаться, как, какая-нибудь легкомысленная жеманница и доставлять тем самым лорду Кройду удовольствие. Слишком поздно для смущения и сожалений.

Поэтому, когда маркиз подвигал к ней то одно, то другое блюдо, девушка спокойно благодарила и угощалась.

– Вина?

Ара заколебалась. Дома по праздникам ей и другим леди подавали сливовую настойку, тетушка Бэтси так и вовсе лечила ею простуду, нервы и дурное настроение, но девушка обычно отпивала не больше пары глотков, а вино пробовала лишь раз в жизни – в канун Рождества много лет назад. В тот вечер они с Сесиль стянули бокал кларета и спрятались под столом от взрослых. Но ничего вкусного в этом напитке, так ценимом их родителями, девочки не нашли: после первого же глотка тягучей сладкой с горчинкой жидкости Ара закашлялась, а потом остаток вечера чувствовала головокружение и неприятную дезориентацию, поэтому с тех пор никогда не повторяла тот опыт.

Однако маркиз не ждал ответа и уже наливал.

Ара молча смотрела, как рубиновая жидкость наполняет хрустальные стенки. Если лорд Кройд собирается опоить ее и воспользоваться ситуацией, то, может, оно и к лучшему, что чувства и сознание будут в этот момент притуплены. Все равно она ничего не сможет ему противопоставить, так пусть хотя бы воспоминания останутся туманными.

Но он не стал настаивать, когда Ара после одного глотка отодвинула бокал. Только спросил:

– Не понравилось?

Девушка задумалась. Как ни странно, вино нельзя было назвать невкусным. Пожалуй, только сейчас, после вопроса маркиза, Ара почувствовала вкус напитка. И он не казался ни противным, ни дешевым...

Помедлив, Ара сделала еще один глоток, на этот раз не торопясь, и, прежде чем проглотить, покатала вино на языке, отмечая оттенки: терпкое, с кислинкой, приятно щекочущее обоняние и оставляющее во рту чуть маслянистое теплое послевкусие. Совсем не похожее на тот давний густой переслащенный кларет.

– Непривычное, – коротко ответила она, ставя бокал на место, и потянулась вилкой за виноградиной в бессознательном желании стереть этот вкус, отчего-то неуютный.

– Нет, – остановил маркиз. – Руками, будьте любезны. Вилка здесь неуместна.

И вновь в его тоне прозвучало нечто, что не допускало отказа с ее стороны, хотя маркиз не повысил голоса и даже позу не изменил, продолжая водить подушечкой большого пальца

по зубцам вилки.

Интуитивно чувствуя подвох, девушка отломала от кисти несколько налитых ягод. Виноградины были крупными, сизо-черными, бархатистыми на ощупь и тугими от сока, а еще источали сладкий вяжущий аромат. Под ждущим взглядом маркиза предстоящее простое действие приобрело оттенок непристойности, поэтому Ара быстро одну за другой закинула ягоды в рот и проглотила, почти не прожевывая, как мог бы сделать, какой-нибудь кухонный мальчишка, но никак не хорошо воспитанная леди.

Лорд Кройд усмехнулся, показывая, что оценил ее обманный ход, но мириться с ним не намерен. Сам неторопливо сорвал для нее ягоду и протянул.

– А теперь еще раз и без спешки. Посмакуйте.

Ара сердито забрала подношение и покрутила. Потом поднесла ко рту и обхватила губами, сперва мягко, потом усиливая нажим и чувствуя, как винограда приятно пружинит. Коснулась кончиком языка гладкой прохладной кожицы и наконец раскусила пополам. В рот брызнул ароматный сок, растекаясь внутри пьянящей сладостью.

– Что вы чувствуете? – раздался хриловатый голос маркиза. – Какая она?

Прежде чем ответить, девушка не спеша прожевала половину виноградины. Он ведь сам велел не торопиться. Вот пусть и подождет. А у маркиза даже тон изменился, и дыхание слегка участилось. И это приносило... странное удовлетворение. Словно несмотря на его приказной тон и обязанность Ары подчиняться, контроль был именно у нее.

– Сладкая... чуть прохладная.

– Еще?

– Упругая...

– Еще.

Ара посмотрела в глаза маркизу и поднесла ко рту вторую половину.

– Немного вяжущая, – провела влажной стороной по губам, видя, как темнеет его взгляд, – и обволакивающая...

Поместила остатки в рот и прожевала с нескрываемым удовольствием, даже веки на миг прикрыла. Виноград оказался действительно головокружительно вкусным. А может, все дело было в тех двух глотках вина, от которых внутри расплзлось тепло и даже легкое жжение... Так или иначе Ара не смогла бы объяснить себе, почему ее движения приобрели плавность, голос глубину, а мизинец невесомо снял каплю сока в уголке рта. Она даже не замечала этого, просто следовала инстинкту, подталкивавшему ее говорить и двигаться так, что у сидящего напротив мужчины сбивалось дыхание.

Ара и не думала, что умеет так...

– Вам нравится?..

– Да. Это... – девушка позволила волнующей тишине повисеть, – приятно.

И промокнула рот салфеткой.

Маркиз молча отломил от ветки и протянул еще одну виноградину, не разрешив Аре взять ее руками. Сам надавил упругой прохладой на губы, размыкая их... и отодвинул, когда девушка приоткрыла рот. И Ара безотчетно включилась в игру, потянувшись за упрямой ускользящей ягодой. После нескольких неудачных попыток покусания та наконец замерла неподвижно, и девушка прихватила ее губами, задев кончик пальца маркиза, посмотрела на мужчину, внутренне усмехнувшись, и резко раскусила ягоду.

Брызнувший сок окропил ее губы и белоснежный манжет маркиза, потек с его руки, срываясь сладкими каплями.

Ара отодвинулась, прожевывая виноградину и не скрывая усмешки.

Маркиз шумно втянул воздух и тоже откинулся назад. В светлых глазах зашевелились тени, затягивая радужку густой чернотой. Ара даже моргнула, сбитая с толку этой игрой света.

Вместо того, чтобы вытереть пальцы о салфетку, мужчина неторопливо облизал их, глядя ей в глаза. И вместо того, чтобы отвести свои, Ара почему-то зачарованно наблюдала, как он собирает языком прозрачные пряные капли, и больше не чувствовала себя победительницей. Покончив с варварским нарушением этикета, от которого ее бывшую гувернантку хватил бы удар, лорд Кройд негромко произнес:

– Не стоит.

– Что не стоит?

– Дразнить меня, если не готовы к последствиям.

Так вот, как называется это сладкое чувство власти над ненавистным маркизом...

Ара внезапно смутилась. Последние пять минут внезапно предстали перед ней во всей своей неприглядности. Она не только пошла на поводу у этого развращенного мужчины, но и сама безотчетно... соблазняла его? Как, какая-нибудь падшая женщина! Должно быть, даже его присутствие губительно, ведь прежде Ара ничего подобного не совершала и вообще не знала, как... как дразнят, потому, что такие вещи подобает, только дамам полусвета и мужчинам, которые их посещают. Она и ради интереса ни разу не заглядывала в романы, которые Сесиль заказывала тайком от своей матери и тут же прятала за обложками с нравоучительными названиями...

Ара резко отодвинула стул и поднялась.

– Благодарю за ужин и хотела бы подняться к себе. Я очень устала сегодня.

– Значит, самое время завершить вечер и пожелать друг другу доброй ночи. Но перед тем хотел бы предупредить вас о нескольких вещах. Во-первых, я желаю, чтобы вы разделяли со мной трапезы и досуг, когда мне это будет угодно, и не верю в женские мигрени и нервы. Во-вторых, можете посещать любые комнаты в доме, кроме подвальной. В-третьих, – он усмехнулся, – не нужно запирается: слуги без разрешения к вам все равно не войдут, а меня затвор не остановит. Зато может разозлить, а разозленным я вам понравлюсь еще меньше, чем нынешним. За нарушение любого из этих правил последует наказание.

Ара покраснела от гнева.

– Вы меня поняли? – чуть повысил голос он.

– Я поняла вас, лорд Кройд, – процедила она, отвернувшись и направилась к выходу, потому, что хозяин дома явно не собирался проявлять учтивость и открывать перед ней дверь.

Дернув за ручку, Ара обнаружила, что створка закрыта, хотя не слышала, чтобы слуги, удаляясь, запирали ее.

– Вы кое-что забыли, мисс Эштон, – раздался позади раздражающе спокойный голос.

Ара резко развернулась, но сумела взять себя в руки и произнести так, что голос почти не вибрировал:

– Доброй ночи, лорд Кройд.

И пропадите пропадом в той самой подвальной комнате!

– Спокойной ночи, Ар-ра

В тот же миг в двери щелкнуло, и створка приоткрылась.

Девушка не дала себе ни секунды, чтобы обдумать эту странность, спеша убраться

подальше от маркиза и испытывая облегчение, оттого, что этот странный ужин наконец завершился.

Помочь ей раздеться и приготовиться ко сну снова пришла Мари. Ара не стала возражать против принесенного ею ночного платья, отделанного кружевом, довольно приятного к телу и, по словам служанки, совершенно нового. Девушка лишь понадеялась, что маркиз выполнит обещание и уладит проблему с ее багажом уже завтра.

Когда горничная ушла, Ара заплела волосы в свободную косу и почувствовала себя лучше, словно снова надела броню и избавилась от неприятной уязвимости. А потом... потом она долго не могла заснуть, натянув одеяло до самого подбородка, нервно прислушиваясь к малейшим шорохам в коридоре и не сводя глаз с дверной ручки, тускло мерцающей в неверном свете дотлевающих в камине углей. Пару раз ей чудилось, что та поворачивается, и сердце леденело от страха... но только чудилось. Лорд Кройд так и не пришел, и под утро, когда мир окрасился в светло-серые тона, Ара все-таки заснула. Последним образом, прежде чем разум соскользнул в дрему, был взгляд маркиза, остановившийся на ее губах, и сладость винограда на языке.

На следующее утро Ара проснулась довольно поздно и не сразу поняла, где находится. Вспомнив, прикрыла глаза и подавила желание спрятаться под одеяло, сказать больно и провести в постели остаток месяца...

Но это было глупо и истерично. Да и лорд Кройд, с его неверием в мигрени и женские нервы, не позволит. Скорее разозлится, а Ара не хотела его злить. Инстинкты подсказывали, что маркиза лучше слушаться с первого раза.

Она вздохнула, привычно провела по косе... и замерла: никакой косы не было – волосы оказались распущены и ниспадали вокруг пышным шелковистым каскадом. Наверное, лента ночью слетела, но поиски в одеяле и под подушкой ничего не дали. Размышления и подозрения Ары прервал тихий стук в дверь.

– Мисс Эштон, вы уже проснулись?

Ара узнала голос Мари.

– Да, можешь войти! – резче, чем хотела, сказала она.

В комнату одна за другой проскользнули служанки во главе с направляющей их Мари, присели в книксенах и деловито разбрелись по покоям: пока одни распахивали шторы, меняли цветы в вазах, чистили камин, смахивали пыль и наполняли горячей водой ванну в купальне, другие, с коробками разных размеров, прошествовали в смежную гардеробную, и Ара услышала шелест одежды и скрип раскрываемых дверей шкафов.

– Мисс Эштон желает сперва принять ванну или позавтракать? – спросила Мари, пристроив накрытый колпаком поднос на столик и распрямившись.

Девушка выбралась из постели и, слегка нахмурившись, наблюдала за мельтешением служанок через распахнутую дверь гардеробной.

– Что в тех коробках, Мари?

– Ваша одежда, миледи.

Значит, маркиз уже решил проблему ее багажа? Надо же, как быстро! На миг Ара даже ощутила нечто вроде благодарности. Но чувство моментально испарилось, стоило ей переступить порог комнаты, в которой девушки аккуратно и умело раскладывали, развешивали и расправляли вещи. Чужие вещи.

– Это не моя одежда, – произнесла Ара, чувствуя, как внутри разгорается понимание пополам с яростью.

– Хозяин сказал, что теперь ваша.

– Я хочу не любую, а свою одежду, – отдельно произнесла девушка, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки, и понимая, что стоящая напротив служанка ни в чем не виновата, но будучи не в силах сдержать гневную дрожь в голосе. – Будь добра, немедленно передать маркизу, что произошла ошибка, и я жду свой гардероб.

– Его Сиятельство предвидел ваши слова и просил передать, что теперь это, увы, невозможно.

– Почему?

– Потому, что он подарил ваши наряды приюту для престарелых леди и выразил уверенность, что вы с вашим большим сердцем и склонностью к добрым деяниям всей душой разделите его прекрасный порыв.

– Отдал все мои вещи до единой?!

– Да, миледи... хотя нет, кое-что осталось! – Мари пошарила в одной из коробок и извлекла шелковые чулки персикового оттенка, богато отделанные кружевом, которые Аре подарила на последний день рождения проказница-Селись. Конечно, подарила уже наедине, после презентованного в присутствии семьи основного подарка – молитвенника, вызвавшего множество одобрительных замечаний со стороны старшего поколения.

Сама Ара ни за, что не заказала бы себе подобного белья и ни разу не надевала подарок, а сейчас мысленно отчитала камеристку, не иначе, как по ошибке положившую его в чемодан.

– Его Сиятельство сказал, что это единственная вещь, которая на вас будет смотреться лучше, чем на пожилых леди.

Ара на миг прикрыла глаза, сделала глубокий вдох и, открыв их, спокойно произнесла:

– Сперва я хотела бы принять ванную, а затем позавтракать.

В процессе всего вышеперечисленного она успела немного успокоиться, а служанки – завершить дела и покинуть ее комнаты, забрав с собой наряд, в котором она приехала. Когда с утренними процедурами было покончено, Ара вновь вернулась в гардеробную, чтобы теперь уже внимательнее рассмотреть свои обновки. Их оказалось неожиданно много, и каждая снабжена поясняющим ярлычком.

Маркиз предусмотрел все, начиная с платья для пикника и заканчивая перчатками по локоть для посещения театра и веера в тон к ним. Ара переходила от одной вещи к другой, чувствуя невольное любопытство и... жутковатую дрожь. Здесь был даже набор шелковых платков с ее инициалами!

Все эти вещи невозможно пошить и даже купить за день-два. Нет, они не куплены – сделаны на заказ, причем весьма умелой и дорогой модисткой.

Его Сиятельство заказал их гораздо раньше, чем Ара пришла к нему... И девушка даже без примерки чувствовала, что все до единой сядут идеально. Много лучше ее прежних, весьма недешевых, вещей, пошитых у портного, обслуживающего высшие круги.

Первоначальные опасения, что маркиз разоденет ее, как содержанку, так, что любому сразу станет ясно, в каком статусе она при нем находится, не оправдались. Вещи не были ни крикливыми, ни вульгарными. Вообще-то они были весьма элегантными и подобранными со вкусом. А темно-сиреневый комплект будто специально создан, чтобы выделить зелень ее карих с изумрудной искрой глаз... Но все они были чужими – не только по принадлежности, но и по сути: Ара никогда не носила таких фасонов, предпочитая сдержанные однотонные платья без кружев и прочей отделки. Мода ее мало волновала, в отличие от удобства, хотя девушка никогда не позволяла себе откровенно пренебрегать условностями. Все-таки положение в обществе обязывало одеваться и вести себя определенным образом, а слухи и сплетни – последнее, к чему Ара стремилась.

И хотя декольте вечерних платьев не превышали допустимой приличиями глубины, а перетянутые у локтя рукава «жиго» пребывали нынче в столице на пике популярности, Аре было неуютно даже просто представить себя в одном из этих нарядов.

Внезапно девушка осознала, что вот уже пару минут рассматривает сдержанное платье для дневных прогулок приятного оливкового цвета, с широким треугольным воротником, кончик которого почти касался талии, и перебирает чуть прохладную ткань, скользкую, как атлас, однако лишенную безвкусного блеска, который она так не любила.

Ара прикусила губу, когда поняла, что оценивала его не столько глазами, сколько ощущениями: гладила мягкие складки, наслаждалась ощущением тесного плетения нитей и

слегка выступающего рисунка под пальцами – то есть смаковала, как... вчерашний виноград. И оно ей нравилось...

Девушка отдернула руку, будто обожглась, и указала на первое попавшееся платье.

– Помогите мне, пожалуйста, вот с тем, Мари.

Дожидаюсь в спальне, пока служанка принесет наряд, Ара приводила мысли и чувства в порядок. Отсутствие привычных вещей, не говоря уже о привычной обстановке и праве распоряжаться собой, выбивало из равновесия. Но при встрече с лордом Кройдом она должна выглядеть и вести себя сдержанно и отстраненно, чтобы он не догадался о ее смятении. Навязанные правила, навязанные платья... Что ж, она справится со всем, что он ей уготовил!

Ара глубоко вдохнула и улыбнулась своему отражению, слыша шаги Мари.

Отвернулась и ухватила за столбик, предупредив:

– Корсет затяни туго, но не до упора.

Так и не дождавшись позади никакого движения, недоуменно обернулась и нахмурилась при виде лица служанки:

– В чем дело?

– А корсетов среди нарядов не было, миледи... и нижних платьев тоже.

* * *

Не в силах усидеть на месте, Ара мерила комнату шагами, изредка останавливаясь напротив окна и окидывая взглядом, затянутый легким туманом сад и поля вдалеке. Мари отправилась доложить о проблеме лорду Кройду, и Ара надеялась, что та вернется с извинениями от маркиза за оплошность. В конце концов, он мужчина и мог попросту забыть об этих жизненно необходимых любой леди деталях. Девушка кусала губы с досады при одной мысли, что пришлось напомнить ему о таких интимных вещах.

Когда повернулась дверная ручка, она сделала стремительный шаг вперед и тихо вскрикнула, попятившись, поскольку в комнату вошла не служанка, а маркиз собственной персоной. Обежав Ару с ног до головы быстрым, но внимательным взглядом, он аккуратно притворил дверь.

Только тогда девушка запоздало и неловко прикрыла себя руками и метнулась к брошенному в кресло халату, завернувшись в него с особым усердием.

– Доброе утро, Ара.

Маркиз, не дожидаясь приглашения в нарушение этикета, прошел и сел в другое кресло, закинув щиколотку одной ноги на колено второй и прикурил.

– Доброе утро, лорд Кройд. – Ара заставила себя произнести это максимально сдержанно, хотя от того, что она стоит перед мужчиной в одном только халате поверх ночного платья, ее слегка потряхивало.

– Итак, у вас возникла, какая-то проблема с гардеробом? Вам не понравились платья?

– Мне... не понравилось, что это не мои платья. Но сейчас речь о другом. – Ара все-таки почувствовала, что краснеет. – Вы забыли о двух важных деталях...

Девушка понадеялась, что он избавит ее от необходимости произносить вслух, каких именно, но маркиз приподнял брови в ожидании продолжения.

– ... корсете и нижнем платье, – с досадой закончила она.

– О, приношу свои извинения, Ар-ра... – девушку передернуло от этого тягучего рокошущего звука, в который он превратил ее имя, но из груди вырвался вздох облегчения.

– Принимаю их, лорд Кройд, и, надеюсь, вы понимаете, что до тех пор, пока слуга не купит и не привезет их, я, разумеется, не смогу покинуть комнату и разделять с вами...

– Приношу свои извинения, – перебил маркиз, – что не предупредил еще вчера после ужина в числе прочих правил: в этом доме вы не будете носить корсет.

Ара недоуменно моргнула.

– Что?

– Вы не будете надевать здесь эту удавку, – медленно, глядя ей в глаза, повторил маркиз. – Мне не нравится во время беседы представлять, как она деформирует ваши ребра и приближает к обмороку всякий раз, стоит вашему дыханию слегка участиться.

Сейчас Ара действительно была близка к обмороку. Первому в своей жизни. Корсет она носила с двенадцати, то есть последние девять лет, и ей проще было отказаться от... да от чего угодно, только не от него!

– А, что не так с нижним платьем? Оно тоже деформирует мои ребра? – ядовито выдавила она.

– Нет, мне просто нравится мысль, что под платьем у вас ничего нет.

Ара ошеломленно замолчала, чем маркиз и воспользовался. Поднялся и прошел в гардеробную.

– И раз мы прояснили сей вопрос, – раздался оттуда его голос, сопровождаемый шелестом ткани, – то сообщаю, что жду вас через полчаса внизу для совместной конной прогулки. Наденете это, – закончил он, возвращаясь в комнату.

Ара посмотрела на наряд в его руках и побледнела. Потом покраснела от ярости. Свободная светлая блуза и облегающие штаны из коричневой замши, к которым прилагались высокие сапоги.

– Нет.

– Нет? – негромко переспросил маркиз, и вновь от него волнами начало исходить нечто, заставляющее волосы на шее и руках Ары подниматься, а живот стягиваться в холодный узел.

– Нет, – повторила она пересохшими губами, тихо, но твердо. – Если вы настолько хотите подтолкнуть меня ко второму нарушению договора, то так тому и быть. Но это я не надену.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился он. – Уступаю вам право самой выбрать наряд, если вы предложите мне, что-то взамен. Что вы можете мне предложить, Ара?

Сердце девушки колотилось, виски сдавило, а в душе расплзлось неприятное чувство, что она только, что угодила в мастерски расставленную ловушку. Лорд Кройд знал, что она согласится скорее на остановку сердца, чем на этот бесстыжий наряд, который бы плотно обтягивал ее ягодицы и открывал взору ничем не защищенную грудь, и снова преуспел в том, чтобы внушить ей иллюзию выбора.

Пора бы ей уже запомнить: единственный, кто волен здесь выбирать, это сам лорд Кройд. И ничего тут Ара поделать не может...

Помедлив, девушка подняла руки и одну за другой вынула шпильки, разрушая сооруженную Мари по ее просьбе прическу.

Пряди упругими волнами рассыпались по плечам и спине до самой талии.

Маркиз наблюдал за ее действиями с нескрываемым удовольствием: глаза прищурились, как у сытого кота, ноздри скульптурного носа трепетали.

– Хорошо... очень хорошо, – произнес он. – Но этого мало. Что еще?

Ара сердито посмотрела на него.

– Мне больше нечего вам предложить: все, что у меня было, вы уже забрали.

– Все ли? – насмешливо переспросил он, и девушка почувствовала, что вот-вот потеряет держащееся на ниточке самообладание и даст ему повод реализовать угрозу и наказать ее. Хотя он и так только и делает, что наказывает ее последние полгода. И особенно болезненно это наказание потому, что задевает не только Ару, но и ее родных.

Она холодно посмотрела на мужчину и приподняла подбородок. Но даже так не удавалось глядеть на него свысока, и дело тут было даже не в росте маркиза, хотя последний не уступал гренадерскому.

– Вы всегда вольны силой забрать то, что я не хочу отдавать по доброй воле.

На миг в холодных насмешливых глазах мелькнуло, что-то похожее на ярость. Маркиз сделал шаг к ней, и Ара инстинктивно отступила, стягивая края халата у горла. Плотная плюшевая материя одеяния показалась тоньше бумаги и легко пропускала исходящую от этого мужчины энергетику, агрессивную, подавляющую, заставлявшую сердце учащать ритм, а кончики пальцев холодеть и дрожать. Его присутствие ощущалось, как прикосновение. Нет, почти, как удар.

– Скажете это еще раз, и я сочту ваши слова приглашением.

Светлые глаза превратились в ободки из раскаленного металла, прожигая насквозь, так, что стало больно смотреть, и Ара не выдержала, первой опустила свои. И тут же вздрогнула, испуганно обернувшись: одно из оконных стекол безо всякой причины треснуло, словно, не выдержав повисшего в комнате бешеного напряжения.

– У вас полчаса на сборы. И не забудьте на досуге подумать, чем оплатить оставшуюся часть долга, – бросил маркиз, уже от двери.

Мгновение-другое Ара смотрела ему вслед, а затем подошла к окну и толкнула ладонью треснувшее стекло. Град стекляшек осыпался вниз, а руку кольнуло. Девушка, поморщившись, извлекла несколько застрявших осколков. Из порезов сочилась кровь, но эта боль странным образом успокоила, отвлекая от бушевавшей в душе бури.

Ара спокойно смочила новый платок новыми же духами и приложила к ранкам, наблюдая, как ее инициалы пропитываются кровью. Покончив с обработкой, прошла в гардеробную и окинула взглядом наряды.

Выбрала платье из светлого муслина, вернулась в гостиную, достала ножницы из корзинки для рукоделия и принялась разрезать наряд на полосы.

Она не может бороться против того, кто сильнее нее. Но она может воспользоваться его же оружием и учитывать не только то, что он сказал, но и то, о чем промолчал.

Вниз Ара спустилась даже немного раньше назначенного времени. Ей передали, что маркиз в конюшне, и девушка направилась туда. Для конной прогулки она выбрала амазонку из желтого бархата с рядом обтянутых тем же материалом пуговиц на груди и отделкой из черного кружева на манжетах и по горловине.

Она вошла, ступая неслышно, и прищурилась, привыкая к полутьме после яркого света. Маркиз стоял возле крупного жеребца, рыжего и с гривой красивого молочного оттенка. Через отверстие в потолке на них падали солнечные лучи, в которых танцевали пылинки. Мужчина, что-то негромко шептал коню, поглаживая, и тот, казалось, внимательно прислушивается.

Ара двигалась совершенно бесшумно и была уверена, что осталась незамеченной, но тут вдруг маркиз спокойно произнес:

– Хороший выбор, вам к лицу желтый цвет, – и обернулся.

Девушка вздрогнула. Этот мужчина умел застать ее врасплох! И чуть нахмурилась: как он догадался про цвет, если стоял спиной? Или все же он сперва повернулся? Или одновременно поворачивался и говорил? Ара тряхнула головой, приводя мысли в порядок.

– Его зовут Голиаф, – мужчина указал на коня, – хотите познакомиться?

Она кивнула и, придерживая подол, приблизилась.

Конь настороженно покосился на нее, но остался на месте.

Девушка заворуженно смотрела, как маркиз гладит его, пропуская искрящуюся шерсть сквозь пальцы, успокаивает ласковыми прикосновениями, как эта шерсть перебирает оттенки от темно-кирпичного до палевого...

– Красавец, правда? Погладьте, если хотите, не бойтесь.

Поочередно потянув за каждый палец, Ара сняла перчатку и помешкала в нерешительности. Она хотела, но побаивалась: конь был огромным, и она знала, что внешнее спокойствие бывает обманчивым. Когда Аре было одиннадцать, ее сбросила лошадь...

Видя колебания девушки, маркиз взял ее руку и положил на шею коню. Провел ею, преодолевая вместе с ней этот первый шаг. Аре было неудобно из-за лежащей поверх мужской ладони, но от животного исходило такое умиротворение, растекаясь внутри приятным спокойствием, что вскоре неудобство отступило на второй план.

– Что вы чувствуете?

Маркиз смотрел не на коня – на нее.

– Удивительное ощущение, – призналась она. – Он гладкий, теплый и... – Ара запнулась, не зная, какие слова подобрать.

– Прикройте глаза, – посоветовал лорд Кройд.

Помедлив, Ара послушалась. И слова снова начали возникать в голове, словно у нее открылось второе зрение. Зрение, название которому – ощущения.

– Я чувствую, как он дышит, – медленно произнесла она. – Шерсть гладкая, но слегка колется на кончиках, и жилка возле уха дрожит... – она уже смелее провела дальше, – бархатные ноздри, – конь тихо фыркнул, но не мешал исследованию, – и пятнышко на лбу горячее остальной шкуры.

Ара распахнула глаза и увидела, что уголки губ маркиза приподняты. Не улыбка, но уже

близко. И невольно улыбнулась в ответ, больше не ощущая неудобства из-за его ладони. Позабыв об этом неудобстве.

Внезапно мужчина нахмурился и отступил на полшага, убрав руку и оглядывая Ару.

Что-то неуловимо изменилось. Тепло и спокойствие исчезли, на горизонте появилось облако.

Но прежде чем Ара успела до конца осознать это или отшатнуться, маркиз взялся обеими руками за горловину ее амазонки.

– Урок первый, мисс Эштон: не нужно искать лазейки в моих распоряжениях. – И с силой дернул наряд вниз, срывая его, обнажая ее до пояса.

Мгновение-другое Ара не шевелилась, слишком испуганная и оглушенная произошедшим, а потом скрестила руки на груди и попятилась. Маркиз остался стоять на месте, сверля ее тяжелым взглядом.

– Я думал, мы выяснили вопрос с корсетами.

На смену испугу пришла ярость. Ара сузила глаза.

– Вам стоит проверить зрение, лорд Кройд: на мне нет корсета.

– Вы прекрасно понимаете, что я имел в виду, отдавая распоряжение. Не нужно пытаться обвести меня вокруг пальца, я подобных вещей очень не люблю. А теперь снимите эти тряпки.

Ару обожгло новой волной страха, пополам со стыдом, и она крепче прижала руки к груди, забинтованной муслиновыми лоскутами, совсем недавно бывшими легким летним платьем. Щека лорда Кройда дернулась в раздражении.

– Я не имел в виду снять у меня на глазах, можете пройти туда, – указал он на крайнее пустое стойло, и, поскольку Ара не сдвинулась с места, повысил голос: – Избавиться от них придется в любом случае, и только от вас сейчас зависит, сделаете вы все сами, или это придется сделать мне. Даю десять секунд на размышление. Раз, два...

Ара обошла маркиза, брезгливо поджав губы и стараясь отодвинуться, как можно дальше, шагнула в тень стойла и отвернулась к стене.

Кинув взгляд через плечо, увидела, что мужчина снова вернулся к коню и стоит спиной к ней. Руки дрожали от гнева и только, что пережитого. Девушка принялась зло срывать бинты, путаясь в узлах. Вскоре возле ног лежал ворох тряпок, а обнаженная кожа покрылась мурашками, хотя в конюшне было довольно тепло.

Ара торопливо подтянула платье, посекудно оборачиваясь, и забегала пальцами по пуговичкам. Как ни странно, все до единой оказались на месте, а сам наряд уцелел, хотя девушка могла бы поклясться, что слышала треск разрываемой ткани.

Материя была мягкой, но все равно грубее тончайшего шелка нижних сорочек, к которым привыкла Ара, поэтому слегка раздражала кожу и особенно грудь. С непривычки ощущение доставляло дискомфорт. И хотя ткань оказалась достаточно плотной и, слава Богу, не обрисовывала соски, девушка неуютно поежилась.

Она вышла из стойла, холодно посмотрев на маркиза. От недавней искры взаимопонимания, вспыхнувшей благодаря рыжему коню, не осталось и следа. Лишь горький пепел и досада на себя за то, что на миг забыла, где находится, и, что за мужчина стоит рядом. Теперь Ара едва сдерживала тошноту, когда смотрела на маркиза, без стеснения, ощупывающего взглядом ее тело так, словно она была вовсе без платья.

– Хорошо, – кивнул он и повернулся к выходу. – А вот и ваша кобыла.

Девушка взглянула на лошадь, которую завел молодой помощник конюха. Кобылка была

красивой: гибкая шея, фиалковые глаза, тонкие жилистые ноги и серебристая шкура. Но настроение оказалось безнадежно испорчено. Маркиз шагнул к животному, вероятно, желая подвести его к Аре под уздцы, но лошадь внезапно шарахнулась, с фырканием заложив уши и косясь на него с диким суеверным ужасом.

– Простите, милорд! – воскликнул слуга. – Она смиренная животиная, ни на кого еще так не вскидывалась!

Мужчина замер и, не оборачиваясь, бросил Аре:

– Ее привезли только сегодня утром. Еще не успела привыкнуть ко мне. Если хотите, можете взять любую другую.

– Нет, – возразила Ара и, подобрав подол, прошла к лошади, успокаивающе погладила по морде, не испытывая ни малейшего страха, и кобылка, все еще дрожа, ткнулась носом в ее ладонь в поисках утешения. – Она идеально подходит, – Ара вызывающе посмотрела на маркиза, – у нас с ней много общего.

Например, отвращение к хозяину этого дома.

– Как пожелаете, – усмехнулся он и кивнул рассыпающемуся в извинениях пареньку. – Можешь идти, я сам поставлю седло.

Когда тот удалился, маркиз взялся за работу.

– Как назовете?

Ара немного подумала и мягко провела рукой по шее, жмущейся ближе к ней кобылки:

– Пленница.

Каменное лицо маркиза ничего не выражало, когда он произнес:

– Как символично.

Закончив с Голиафом, мужчина двинулся к ее лошади, и Ара раздраженно произнесла:

– Позовите кого-нибудь из слуг, вы же видите, что она вас боится... – и осеклась, потому, что кобылка неподвижно застыла, так, что маркиз без помех обхватил ее морду ладонями и приблизил свое лицо вплотную. Лошадка вздрогнула, но вырваться не попыталась. Зачарованно смотрела на мужчину, и даже фиалковые глаза подернулись легкой поволокой.

– Кажется, мы нашли общий язык, – бросил он минуту спустя, отодвигаясь, и принялся спокойно прилаживать седло.

Едва Ара успела оправиться от удивления, как ее ждала новая неожиданность.

– Что это? – указала она на седло.

Маркиз приподнял брови в показном удивлении, подтягивая ремень.

– Ваше седло.

– Я вижу, что седло, – произнесла Ара сквозь зубы. – Мужское. Вы, вероятно, никогда не принимали в своем доме леди, поэтому не знаете, что мы ездим в дамском.

Маркиз вскинул голову и вдруг двинулся на Ару, вынудив девушку отступить, пока она не уткнулась спиной в стену. Тогда оперся ладонью рядом с ее лицом, склонился ниже и обдал шею горячим шепотом:

– Вы даже не представляете, что предлагали мне леди в этом доме и в этой конюшне.

Сердце заколотилось пойманной птицей, а все тело одеревенело, потому, что маркиз стоял так близко, что касался грудью ее груди, и Ара чувствовала, как ткань амазонки трется о ставшие болезненно чувствительными соски.

– Не хочу даже представлять подобное, – прошептала она.

– Уверены? – маркиз опустил глаза, и к щекам Ары прилила кровь, потому, что материя

четко обрисовывала напряженные бугорки.

Она не нашлась, что ответить, испытывая страстное желание убежать подальше от этого мужчины и его мерцающего взгляда, но ноги не подчинялись, колени дрожали, а грудь бурно вздымалась.

Наконец он отодвинулся, спокойно сообщив:

– Мой дом – мои правила. И пока вы у меня в гостях, будете им следовать.

– Гостям предоставляют свободу выбора, – не удержалась Ара, внутренне морщась от того, как сбивчиво по сравнению с маркизом прозвучал ее задыхающийся голос.

– А вы особый гость, – усмехнулся он. – Считайте это оставшейся частью платы за выбор наряда.

Ара не стала продолжать спор, во-первых, из-за его бесполезности – все равно придется подчиниться, – а, во-вторых, потому, что она, откровенно говоря, никогда не была хорошей наездницей, не в последнюю очередь из-за пугающей конструкции дамских седел, а еще потому, что редко садилась на лошадь из-за того давнего инцидента.

– Вы, когда-нибудь катались на таком?

Девушка покачала головой.

– Не бойтесь, мы не будем ехать быстро. Я не позволю вам упасть.

Маркиз не стал предлагать помощь с посадкой, просто обхватил Ару за талию и устроил в седло. Все это время кобылка смирно стояла на месте, преданно глядя на него, словно дожидаясь дальнейших распоряжений.

Потом мужчина запрыгнул на Голиафа, каким-то чудным способом – просто с места, даже не встав ногой на специально предназначенный камень, – и пришпорил коня.

Сперва они немного покатались по леваде, и Ара, следуя указаниям лорда Кройда, обретала все большую и большую уверенность. На смену первоначальному напряжению пришла расслабленность – Пленница не собиралась ее скидывать. Когда девушка немного пообвыкла, они выехали в поля.

Несмотря на все еще не прошедшее раздражение на маркиза, Ара не могла не восхититься открывающимися видами: вдали темнела роща, раскинулись домики, какого-то поселения, река блестела от выглянувшего из-за туч солнца, сладко пахло свежими травами и цветами.

Девушка подставила лицо ветру, наслаждаясь ощущением свободы. Кобылка больше не шарахалась от маркиза, когда он подъезжал ближе, и, казалось, угадывала малейшие желания Ары, помогая неопытной наезднице. Хотя полностью избавиться от дискомфорта мешали раскинутые по – мужски ноги.

Спустя время солнце даже начало припекать, и Ара почувствовала, что они довольно давно катаются.

– Устали?

– Немного, – призналась она.

Маркиз указал на раскидистый дуб впереди, рядом с которым река делала загиб.

– Можем передохнуть там.

Когда они подъехали, Ара с удивлением увидела расстеленную под сенью дерева скатерть, придавленную по углам камнями, чтобы не сдувало ветром, и большую корзину для пикника.

– Я велел слугам оставить ланч, на случай если захотим перекусить, – пояснил он, спешиваясь, и снял девушку с седла.

Ара покачнулась на твердой земле. С непривычки мышцы на ногах тянуло легкой болью, и не покидало ощущение, будто она до сих пор скачет верхом.

– А, что там? – указала она на домики примерно в четверти мили от них, на другом берегу. – Деревня?

– Небольшой городок. С парой лавок и таверной. Хотите, можете посетить его. Мари сейчас там и будет вашей компаньонкой, я предупрежу ее, чтобы встретила, а сам подожду тут. Или... вы можете разделить ланч со мной, под этим уютным деревом.

Ара даже не стала спрашивать, как именно маркиз собирается предупредить служанку, оставаясь здесь, но почему-то не сомневалась, что он на такое способен. Девушка устала больше, чем показывала, и ощутимо проголодалась, но раз лорд Кройд предоставляет ей шанс побыть подальше от него, не хотелось такой упускать. А еще... было в интонации последней фразы, что-то такое, отчего по телу спустились теплые мурашки, и Ара поспешно сказала:

– Тогда я лучше прогуляюсь до города.

– Хорошо, все покупки велите записывать на мой счет. Кстати, если вам вдруг понадобится написать кому-то письмо, то я арендую ячейку на здешней почте. Пусть в ответном указывают до востребования.

– Благодарю вас, – сказала Ара, уже твердо зная, что никакие покупки за его счет совершать не будет.

– Жду вас здесь не позже, чем через час, у меня еще есть дела в поместье.

Ара кивнула и двинулась вперед, через мост, мимо работающих в поле женщин. Вскоре показались первые дома.

Возле крайнего ее ждала девичья фигура в плаще – Мари.

Ничего особо интересного в городке не оказалось: действительно небольшой, действительно всего несколько магазинов, ассортимент которых ничем ее не привлек.

Ара пообедала вместе с Мари в таверне и двинулась в обратный путь. Несмотря на довольно пустой поход, она развеялась после утренних событий, настроение было прекрасным, и его не могло испортить даже предстоящее воссоединение с маркизом. Более того, Ара собиралась поблагодарить его за сегодняшнюю верховую прогулку, доставившую немалое удовольствие. Когда впереди показался дуб, Мари попрощалась и двинулась в сторону поместья коротким путем, а Ара свернула к дереву. Еще переходя мост, она услышала голоса: один лорда Кройда, а второй... женский.

Она с недоумением прислушалась: может быть, к нему приехали гости? Но кроме Голиафа и Пленницы, она не увидела других привязанных лошадей. На скатерти под дубом остались следы состоявшегося ланча – открытая бутылка вина, недоеденный лососевый пирог, остатки закусок и рассыпавшиеся фрукты, – но там никого не было.

Снова раздался женский смех, и Ара поняла, что он доносится с откоса, начинающегося сразу за дубом и упирающегося в реку. Она приблизилась к дереву и замерла от неожиданности: по другую сторону всего в нескольких метрах от нее полулежал лорд Кройд, лениво развалившись на траве. Локтем одной руки он опирался о землю, а пальцами второй перебирал светлые льняные волосы незнакомой женщины.

Судя по наряду и простоватому, хоть и по – деревенски симпатичному лицу, это была одна из тех работниц, которых Ара видела в поле, когда шла в город. Незнакомка оказалась не юной девушкой, но еще весьма молодой и фигуристой. И исходя из особой косынки на голове, замужней. Маркиз, что-то негромко говорил ей, то наматывая на палец ее прядь, то

разматывая, а женщина смеялась призывным грудным смехом и ерзала, так, что натянувшаяся материя платья обозначала полные груди. Слов Ара разобрать не могла, хотя стояла довольно близко, зато разбирала интонации маркиза: низкие, пробирающие, заставляющие незнакомку наклонять аккуратное розовое ушко ближе к его губам, а ее руки – судорожно цепляться за траву.

Маркиз взял с пристроенной рядом тарелки ломтик груши и поднес к ее рту. Дразняще провел им, оставляя блестящую на солнце дорожку сока, и женщина с тихим стоном разомкнула губы, прикрыв глаза.

Лизнула плод и приняла его языком. Медленно прожевывая, открыла глаза, которые теперь горели почти так же лихорадочно, как ее щеки. Следующим ей был предложен кусочек дыни, и прежде чем погрузить его в рот, она с наслаждением пососала фрукт, вытягивая ароматный сок, а потом слизнула с пальцев маркиза сладкие капли, и Ара, услышав его тихий смех, очнулась от оцепенения.

В душе боролись возмущение и отвращение – незнакомка ведь замужем! – но девушка слишком растерялась, не зная, как лучше поступить в такой неприятной ситуации.

Пока она колебалась, маркиз протянул руку, обрисовывая контур лица женщины, скулу, пухлые, приоткрытые губы. Их он трогал уже по-другому: мягко тер подушечками, ощупывал, гладил. Она поймала щекой его ладонь и прижалась к ней.

Потом оперлась ладонями о землю, подползла к маркизу на четвереньках, виляя крупным задом, и, явно нервничая, задала, какой – то вопрос. Ответ ее порадовал – лицо просветлело, а румянец стал еще ярче. Румянец не смущения, а предвкушения.

Не медля больше ни секунды, она спустила платье с плеч, позволив ему болтаться на бедрах и открыв большие груди с широкими темно-розовыми сосками, и потянулась к брюкам маркиза. Пальцы дрожали то ли от нетерпения, то ли от страха, что ее сейчас остановят и прогонят, когда она расстегивала пуговички.

Наконец, последняя была освобождена из петли, и женщина низко склонилась над пахом маркиза. Ара не понимала, что происходит, но чувствовала, что, что – то в высшей степени непристойное. Лорд Кройд был к ней практически спиной, поэтому не все оказалось видно, но она успела рассмотреть мелькнувшую обнаженную плоть, прежде чем та оказалась во рту женщины.

Краска бросилась Аре в лицо от этого невыносимого зрелища. Она не могла поверить, что все происходит на самом деле. Вот теперь ей отчаянно захотелось оказаться подальше отсюда, но если она сейчас сдвинется с места, то наверняка выдаст себя, и придется переживать еще одну мучительную ситуацию. Так, что все, что ей оставалось, это смотреть, как голова женщины ходит вверх-вниз, пока ее рот делает то, чему Ара не знала названия. Облизывает, посасывает, принимает в себя мужской орган. Причем, в отличие от нее, женщина явно не находила в происходящем ничего ужасного, напротив – постанывала от удовольствия и свободной рукой то гладила и стискивала свои груди, то ласкала себя между ног.

Сам маркиз продолжал полулежать в той же расслабленной позе: только откинул голову и прикрыл глаза, а руку положил на затылок женщины, мягко направляя и задавая ритм.

Заливались птицы, благоухали цветы, женщина хлопотала и чмокала над пахом маркиза, а Ара задыхалась от возмущения. Девушка чувствовала себя так, словно он оскорбил ее лично. Вывалил в грязи, даже не прикасаясь.

Наконец голова задвигалась быстрее, мужские бедра дернулись навстречу услужливому

рту, пальцы требовательно сжали волосы женщины, и маркиз, вздрогнув всем телом, издал низкий горловой стон.

Секунду спустя женщина тоже вскрикнула, прижимая пальцы к своей промежности.

Отдышавшись, как ни в чем не бывало, оправила платье и улыбнулась. Когда маркиз протянул монету, помотала головой, и, кажется, даже обиделась. Мужчина провел по ее щеке тыльной стороной ладони, и на простоватом лице снова расцвела улыбка. Женщина вскочила, и подол рухнул до земли, прикрыв крепкие ляжки. Кинув последний игривый взгляд на маркиза и многозначительно облизнув губы, она понеслась в сторону поля, где ее товарки уже собирались на обед.

А лорд Кройд спокойно застегнул брюки, поднялся и встретился глазами с Арой.

На его лице не отразилось ни смятения застигнутого врасплох, ни удивления.

Повисла пауза.

Мучительная для Ары и, похоже, вполне комфортная для маркиза.

– Это было отвратительно, – выдавила наконец девушка.

– И поэтому вы досмотрели до конца, вместо того, чтобы прервать нас, обозначив свое присутствие?

– Вы хотели, чтобы я это увидела.

– Но не заставлял, – пожал плечами он. – Вы могли закрыть глаза или вежливо покашлять.

– Я желаю вернуться в дом, – бросила Ара, отворачиваясь, и направилась к лошади.

Искренний порыв поблагодарить его за прогулку утонул в том чмокание. Сейчас ей было невыносимо даже просто смотреть на маркиза. Вот уже во второй раз за день настроение оказалось испорчено, и, что-то подсказывало, что на сей раз не выправится.

Ара села в седло, чувствуя непонятную влагу и пульсацию между бедрами, и через пару минут они уже молча ехали обратно через поля, оставив позади скатерть с остатками ланча, над которым пировали мухи.

К вечеру настроение не улучшилось. Правда раздражение на маркиза побледнело, но лишь потому, что его затмила боль в мышцах и истертой коже. Не привычное к таким долгим прогулкам верхом тело мстило ломотой и кровотокающими ссадинами между бедер, хотя во время поездки и сразу после Ара чувствовала лишь небольшое неудобство.

Но для нежной кожи несколько часов скачки оказались непосильным испытанием. Поэтому, спускаясь к ужину, девушка едва сдерживала болезненные стоны. Но пыталась держать себя в руках и ничем не выдать этого внешне: она не собиралась демонстрировать маркизу ни дурного настроения, ни слабости.

Однако, как Ара ни старалась, ответы выходили вялые и невпопад, и приходилось то и дело переводить дыхание. Из-за боли аппетита не было совершенно.

Маркиз внезапно отложил приборы и склонил голову набок, словно к чему – то прислушиваясь.

– Что с вами? Вам... больно?

– Все в порядке. Просто немного устала и не голодна, поэтому хотела бы подняться пораньше в комнату.

– Больно, – резюмировал он. – Скажите где?

Ара поморщилась: смысла и дальше отпираться не было, поэтому девушка тихо призналась:

– Ремнем от стремени, пряжкой, натерла.

Маркиз встал из-за стола и приблизился к ней.

– Покажите.

Ара испуганно свела ноги под подолом.

– Бросьте, – скривился мужчина, – вы скорее будете терпеть боль, чем позволите мне помочь?

Он наклонился, подхватил ее на руки и отнес в кресло возле камина, где было теплее и светлее. Сам опустился перед ней на колени, взялся за край подола и приподнял брови, безмолвно спрашивая разрешения.

Ара прикусила губу и медленно кивнула.

Очень осторожно он потянул платье наверх, и девушка, вцепившись в подлокотники, отвернулась. Какой стыд...

Жар камина опалял и без того горящие щеки, а инстинкт требовал немедленно оттолкнуть мужчину, оправить подол и свести ноги. Но Ара терпела, потому, что уже не раз видела эту решительную вертикальную складку на лбу маркиза. Вот ткань обнажила икры, подползла к коленям, выше, еще выше, пока деликатно не остановилась перед средоточием женственности, полностью оголив ее ноги перед мужчиной.

Когда маркиз мягко развел их, Ара зажмурилась и внезапно услышала его короткий выдох:

– Глупая девчонка! Почему сразу мне не сказали? Или хотя бы Мари...

Ара распахнула глаза и увидела, что он сердито смотрит на истертую кожу. Смотрит без жадности или вожделения, а так, как мог бы посмотреть врач.

– Я промыла, думала быстро пройдет, – произнесла она, пряча взгляд.

– Посидите здесь, я скоро вернусь.

Он встал и покинул комнату, но вернулся считанные минуты спустя, неся с собой небольшую баночку.

– Эта мазь снимет боль и поспособствует скорейшему заживлению.

Мужчина уверенно опустился на прежнее место и отвинтил крышку.

Ара потянулась к лекарству, одновременно пытаясь оправить подол:

– Спасибо, я сама, наверно сделаю...

Но маркиз решительно вернул ее руки на подлокотники.

– Теперь я вам это дело не доверю. С вас станется по возвращении в комнату выкинуть мазь в окно только потому, что она от меня.

Его подозрения были беспочвенны, в конце концов Ара не страдала глупой истеричностью и склонностью совершать капризные выходки во вред себе, но спорить, как всегда, бесполезно.

– Не бойтесь, – предупредил маркиз и мягко подтянул ее за ягодицы ближе, подоткнув под поясницу подушечку и устраивая поудобнее для процедуры.

Вот только отвлечься от того, что его лицо теперь у нее между коленей, не получалось даже с учетом медицинских целей происходящего. Ара дышала через раз.

Маркиз начал с голени. Когда густая прохладная мазь коснулась горячей содранной кожи, девушка дернулась, едва сдерживая слезы – ранку начало печь с удвоенной силой.

– Сейчас станет легче, – пообещал маркиз и легко подул на поврежденное место.

Кожа покрылась мурашками, а жжение действительно пошло на убыль, успокаиваемое прохладой.

Маркиз зачерпнул следующую порцию и обработал ссадину возле колена.

Он продолжал, действуя умело и аккуратно, постепенно продвигаясь вверх. И Ара уже не знала, от чего ей становится легче: от мази или того, что лорд Кройд дует на стертые участки. Наверное, от того и другого вместе.

Когда он достиг бедер, стало ясно, что нынешняя поза не позволяет обработать внутреннюю сторону.

– Не бойтесь, – повторил маркиз и осторожно, словно опасаясь, что Ара сейчас попытается сбежать или ударит его, положил сперва одну ее ножку на подлокотник, потом другую.

И, наверное, она сошла с ума, раз не ударила и не сбежала, позволив ему это сделать.

Дыхание девушки участилось, а ногти царапали обивку кресла. Происходящее, все еще оставаясь в рамках лечебной процедуры, приобрело, какой – то новый незнакомый оттенок, и воцарившееся молчание скручивало пружину напряжения до предела.

Нужно, что-то сказать, развеять пустой болтовней эту густую тишину, но на ум, как нарочно, ничего не шло...

Маркиз же продолжил свое дело, опустив голову, так, что она не могла рассмотреть выражения лица. Обычно белая, как сливки, кожа ее ног приобрела мягкий оранжевый оттенок с переливами красного от близости камина, и такие же блики трепетали на волосах маркиза. Когда прохладная мазь легла на самый болезненный участок, Ара не сдержала стоны облегчения. Рука мужчины окаменела, а потом продолжила аккуратно массировать кожу круговыми движениями, втирая снадобье.

Ара не понимала, что с ней происходит: легкая боль от ранок теперь мешалась с, каким – то нарастающим между бедрами теплом, переходящим в пульсацию, как сегодня, когда она стала свидетельницей сцены у реки. И теплое дыхание мужчины на ее чувствительной коже

лишь усиливало ощущение.

В ушах некстати зазвучал низкий порочный звук, сорвавшийся днем с губ маркиза, а перед глазами встали его пальцы, властно вцепившиеся в волосы женщины, и бедра, требовательно дернувшиеся навстречу ее рту. Ара посмотрела на склоненную голову. Интересно, а... наоборот бывает? Мужчины могут делать такое женщинам? От этой мысли между ног особенно сильно толкнулось, и расцвел влажный жар, отозвавшись тянущим ощущением в низу живота, и маркиз вдруг судорожно втянул в себя воздух и задышал ртом.

– Расскажите о чем-нибудь, – резко бросил он, по-прежнему пряча лицо.

– О чем? – удивилась она. Голос прозвучал непривычно глубоко и, как – то... томно.

– Без разницы, о чем угодно: как покупали шляпку с лучшей подружкой, какой вредный старик был ваш учитель латыни. – Его голос тоже звучал сдавленно.

И Ара еще успела удивиться: как маркиз догадался, что ее учителем был мужчина и действительно вредный? Ну, насчет покупки шляпки с Сесиль он, разумеется, просто ткнул пальцем в небо – каждая девушка хоть раз в жизни совершала покупки с подружкой.

Она послушно начала рассказывать про прошлогодний пикник у приятелей родителей, но мысли путались, и Ара постоянно сбивалась: то ли от того, что во рту пересохло, то ли из-за набухших сосков, трущихся о шерстяную ткань платья и лишенных нежной защиты сорочки, то ли от зрелища пальцев маркиза на ее коже, уже безо всякой мази гладящих, ласкающих оголенные не требовавшие лечения участки, подбирающихся туда, где все горело и изнывало под лоскутом шелка.

И эти пальцы дрожали. Ара никогда раньше не видела, что бы у властного уверенного в себе маркиза тряслись руки. Его дыхание уже не гладило, а обжигало внутреннюю поверхность бедер, но это был совсем иной жар, чем от ранок. Он не был... ни болезненным, ни неприятным.

– Я... я не помню, что было дальше... – призналась она, тяжело сглатывая.

– Неважно, все равно не работает, – глухо отозвался мужчина, дыша так же учащенно.

А потом вдруг подался вперед и поцеловал нежный чувствительный участок прямо на границе с бельем, еще чуть-чуть и коснулся бы влажной ткани там, где ноги соединялись.

Мучительно простонал:

– Какая сладкая у вас кожа...

От прикосновения его горячих губ влажная ткань превратилась в мокрую, а Ара, прогнувшись в пояснице, тихо застонала, окончательно теряя связь с реальностью и остатки разума, которые должны были напомнить, что перед ней враг и опасный хищник.

Хищник, который стоит перед ней на коленях, что делает его только более опасным.

Услышав вырвавшийся у нее звук, маркиз вскинул голову, и Ара застыла. Лицо мужчины оставалось в тени, а светлые глаза горели тем самым огнем – на который больно смотреть. Не просто горели: пылали, пожирали ее, и даже черты, казалось, заострились, стали меньше похожими на человеческие, но приобрели звериную притягательность.

И, что – то вдруг кольнуло память: какое-то ускользающее воспоминание...

– Я вас знала раньше? – прошептала девушка срывающимся шепотом. – До последнего года?

И тут же снова захлебнулась стоном, потому, что маркиз, продолжая смотреть в глаза, положил пальцы на едва прикрытый треугольник плоти и надавил на, какую-то точку, а потом потер, отчего Аре стало и больно, и непередаваемо хорошо – больно потому, что хотелось, чтобы нажал сильнее. Между ног требовательно заныло, обдавая волнами

томления.

Зрачки мужчины расширились до предела, почти закрыв радужку, на лбу заблестел пот. Он издал хрип, словно сдавался самому себе, и склонился к ее промежности. Прихватил губами плоть через ткань и надавил на распаленную расщелину горячим языком, вода им вверх-вниз, вверх... и мучительно медленно вниз. Как раз там, где это было острее, восхитительнее, умопомрачительнее всего, так, что от наслаждения на глаза наворачивались слезы.

Когда Ара попыталась вывернуться, ускользнуть от этой ласки, больше похожей на пытку и разрывающей новыми непонятными ощущениями, крепко стиснул ее бедра, распахивая их еще шире, закидывая ноги девушки себе на плечи.

А движения рта изменились: стали настойчивей и бесстыдней. Теперь он посасывал, прикусывал, выводил обжигающие узоры на шелке белья, толкался кончиком языка туда, где начинался вход в самое сокровенное. Наверное, если бы он коснулся напрямую, не через ткань, Ара сошла бы с ума. Просто рассыпалась пылающими углями...

Она сама не заметила, как зарылась одной рукой в его короткие волосы, получая дополнительное наслаждение от ощущения их жесткости, от возможности притянуть его ближе. О Боже... как это сла-адко... Да! Да-а!

Девушка уже непрерывно постанывала, изгибаясь и неосознанно двигая бедрами, а маркиз в ответ издавал хриплое рычание, большее похожее на животное. Теперь от него пахло иначе – ничем конкретным, просто... иначе. И этот аромат погружал Ару в алое марево вожделения, туманил разум, заставлял снова и снова подаваться всем телом ему навстречу, буквально вдавливаясь в ласкающий ее язык...

И, когда она почувствовала его пальцы под бельем, тянущие за края ткани, избавляющие от этой последней преграды, то приподняла таз, чтобы ему было удобнее. Бедра уже начали обнажаться, когда маркиз вдруг... остановился.

С шумным вздохом оперся лбом о ее промежность, а потом встал, отвернулся и сухо бросил:

– Приведите себя в порядок.

Пару секунд Ара ошеломленно смотрела ему в спину, все еще до предела возбужденная, тяжело дышащая и ничего не соображающая, а потом горло стиснуло, и на глазах выступили слезы.

Он посмеялся над ней? Доказал превосходство? Продемонстрировал, что несмотря на всю аристократическую спесь, она ничем не отличается от непотребной девки, готовой по первому же щелчку пальцев ублажить его? И хоть они не дошли до конца, Ара чувствовала себя оплеванной и обесчещенной.

А еще она не понимала, просто не понимала, как это могло произойти! Как это могло так далеко зайти... Последние несколько минут вспоминались через, какую – то странную дымку, и так, словно все происходило не с ней.

Она судорожно подтянула белье, опустила ноги на пол и оправила подол. Было мучительно больно и стыдно: не она его остановила, как должна была – он первый прекратил. А еще страшно – страшно из-за испытанной неконтролируемой жажды продолжения и собственной неспособности отказаться от этого удовольствия. Прежде Ара никогда не теряла голову. Нет, даже не так: это было, какое-то наваждение... И ладно бы все произошло с любимым мужчиной, но лорд Кройд вызывал в ней в лучшем случае глухую неприязнь. Тогда почему это случилось?..

Когда маркиз повернулся, то выглядел уже, как обычно: холодно, отстраненно, высокомерно. Только на висках до сих пор блестели капли пота.

– Если желаете, можете закончить трапезу здесь или у себя. Рано утром мне нужно уехать по делам на три дня, поэтому встретимся в следующий раз не раньше вечера среды.

И не дожидаясь ответа, направился к двери. На смену растерянности и стыду пришел кипящий гнев. Она не позволит маркизу после произошедшего просто бросить ее наедине с этим гадким чувством использованности и ненависти к себе!

– Почему же вы остановились? – с вызовом кинула она. – Ведь еще немного, и вы могли унизить меня так, что я до конца жизни не забыла бы ваш урок!

Маркиз, уже положивший ладонь на дверную ручку, обернулся и стремительно прошел обратно. Оперся о подлокотники, нависнув над Арой и заставив ее вжаться в спинку кресла. В доли секунды в глаза вернулся огонь, а в голос – звериное желание.

– Я остановился потому, что еще немного и не сдержался бы. И ни секунды бы потом не пожалел, – голос упал до хриплого шепота, заставившего девушку покрыться мурашками. – И мне бы это понравилось... – губы коснулись ее уха, опалая горячим дыханием, – вы даже не представляете, насколько бы мне это понравилось, и нравилось еще много-много часов... А вот вы наутро пожалели бы и с неделю не смогли нормально ходить.

Он распрямился и, более не оборачиваясь, покинул комнату.

* * *

В ту ночь Ара заснула быстрее, чем накануне, но слишком взбудораженный разум посылал путаные видения, от которых девушка хмурилась и ворочалась. Какие-то смутные образы, обрывки, и единственное, что виделось четко – горящие глаза на заострившемся нечеловеческом лице.

Незадолго до рассвета ее разбудил, какой – то шум во дворе. Выбравшись из постели, Ара выглянула в окно и увидела на подъездной аллее темную необычно длинную карету без опознавательных знаков.

Из нее выбрались четверо мужчин и исчезли в доме. На первом этаже раздались их шаги – должно быть, сапоги гостей были окованы железом, потому, что гулко стучали о плиты холла. Потом звук ушел куда-то под землю. Спустя недолгое время мужчины вновь показались на крыльце, но уже не с пустыми руками: они с трудом тащили, какой – то окованный цепями ящик длиной метра два, и замыкал шествие маркиз.

Погрузив ношу в экипаж, все участники тоже в него запрыгнули, включая хозяина дома, и карета покатила прочь и вскоре исчезла за воротами.

Ара не понимала, чему только, что стала свидетельницей, но ей было жутко.

Она вернулась в кровать и провалилась в почти не дающий отдохновения сон, в котором, помимо прежнего образа, теперь фигурировал и непонятный ящик, и женский голос звал сквозь туман времени:

– Ара, где ты? Девочка моя, ты где?..

Завтракала Ара, как и предупредил лорд Кройд, в одиночестве, что ее очень порадовало. Она не поручилась бы, что не вывалит на маркиза содержимое желудка, если б пришлось делить трапезу с ним.

Какое-то время девушка гадала о цели загадочных ночных визитеров и содержимом того ящика, но вскоре оставила размышления: все равно некому подтвердить или опровергнуть догадку. Наверняка, это, как – то связано с темными делишками маркиза, и чем меньше Ара про них знает, тем лучше.

После завтрака, стараясь отвлечься от мыслей о вчерашнем, девушка немного погуляла по саду, кутаясь в шаль, потом заглянула проведать Пленницу и Голиафа. Давешний паренек предложил угостить животных яблоками из корзины, и Ара с детским восторгом наблюдала, как те аккуратно, словно боясь поранить ее, принимают подношение.

Даже гордый Голиаф не отказался от вкусности, хоть и посматривал на Ару настороженно, будто прикидывал, не замыслила ли она дурного против его хозяина. Девушка даже задумалась, не покататься ли на Пленнице – не по полям, конечно, а просто по леваде, – но в итоге отказалась от идеи. Во-первых, кожа еще побаливала, хоть и заживала поразительно быстро после той мази, буквально на глазах, а во-вторых, было все-таки страшновато без подсказок и подстраховки лорда Кройда.

Накладывая сегодня утром опять это снадобье, которое ей передала Мари, Ара увидела следы от пальцев маркиза, оставленные, когда он крепко держал ее за бедра, не позволяя сомкнуть их, пока его рот...

Ара покраснела от воспоминаний и поспешно покинула конюшню – казалось, Голиаф, наблюдающий за ней, легко читает эти ужасные мысли на ее лице.

Вскоре небо окончательно заволочло, начал накрапывать дождь, и Ара вернулась в дом. Оставшееся до обеда время писала письмо Сесиль, в котором туманно намекнула на особые сложные обстоятельства и попросила подругу прикрыть ее, сделав вид, что Ара гостит у нее в этом месяце. Сесиль, пусть и довольно легкомысленна, но хранить секреты умеет.

После ланча, который снова накрыли в комнате, Ара отправилась осматривать дом – в конце концов маркиз разрешил ей гулять всюду, кроме подвала, а подсобные помещения ее никогда не интересовали.

Поплутав, девушка наткнулась на библиотеку и застряла там на несколько часов, с наслаждением бродя между стеллажами, доставая то один томик, то другой, перелистывая страницы и вдыхая аромат историй. Что бы там она ни думала о самом маркизе, но библиотека у него была просто восхитительной! И, когда только успел такую собрать, если сам появился в их местах меньше года назад? Здесь были тысячи томов – подобную с собой не перевезешь с места на место.

Ара не отказывала себе в удовольствии медленно двигаться вдоль полок, водя пальцами по переплетам, пока внезапно на пол перед ней не упала книга, словно ее кто-то толкнул, с другой стороны. Но с другой стороны была лишь задняя планка шкафа. Девушка наклонилась поднять и застыла над открывшимся разворотом. Взяла томик в руки, перелистнула несколько страниц и почувствовала, как краска поднимается от ключиц к щекам. Книга была подробной и щедро иллюстрированной. И вернуть бы немедленно эту гадость на место, но любопытство побеждало и лучших из людей, а Ара никогда не страдала манией

превосходства.

Устроившись на широком подоконнике, обитом мягкой тканью, как раз для таких вот уютных чтений, девушка изучала раздел за разделом, испытывая смешанные чувства: легкое отвращение, болезненное любопытство и стыд, словно она подглядывала в замочную скважину за непристойной сценой. И не одной: непристойные сцены поджидали на каждой странице. Еще несколько дней назад Ара тотчас поставила бы книгу на место и забыла дорогу к ней, но теперь ей хотелось... понять. Девушка и сама толком не знала, что именно, но испытывала потребность растолковать то смутное чувство, которое нарушило ее покой. Разгадать почему то, что раньше ее не трогало и даже вызывало неприятие, теперь волнует.

Может быть, она искала в книге объяснение наваждению, охватившему ее накануне. Ара не желала, чтобы подобное повторилось. Объяснения вчерашнему она не нашла, зато нашла полно других.

Разглядывая переплетения обнаженных тел во множестве поз, девушка не знала – удивиться изобретательности восточного автора книги или смеяться. Зачем люди все это делают? Судя по обрывкам знаний, которые она почерпнула от Сесиль и из услышанных краем уха разговоров замужних дам, для зачатия достаточно лишь одного положения – приведенного на первой же странице. Тогда к чему остальное?

А потом на очередном развороте ее застигли врасплох две сцены: одна на левой странице, другая на правой. Первая отражала то, что произошло возле дуба между маркизом и той женщиной, а вторая – то, что случилось потом между ним и Арой...

Но сухие пояснения никак не проливали свет на то алое марево, что затмило ее разум, ни слова не говорилось и о диком животном запахе мужчины, который она ощутила, или горячей пульсации там, где Ара не привыкла ее чувствовать. На пожелтевших от времени страницах описывалась лишь технология процесса. Ну, хотя бы, что-то...

Следующие два дня прошли так же мирно, и Ара почти полностью оправилась от произошедшего с маркизом. По крайней мере перестала ощущать удушающую волну стыда и корить себя при малейшем воспоминании о том вечере. Ранки тоже полностью зажили, и единственное, что омрачало настроение, это ожидавшееся к ужину возвращение хозяина дома. Последними часами свободы Ара наслаждалась на облюбованном подоконнике в библиотеке, листая незамысловатый исторический роман.

Услышав шум, девушка поспешно захлопнула книгу, вернула ее на место и вышла в коридор. Голоса доносились из холла, и Ара подумала, что маркиз вернулся раньше времени, и решила подняться к себе другим путем, чтобы не столкнуться с ним до ужина, но по ошибке свернула не туда и попала прямо в вестибюль, где дворецкий пытался выставить за дверь стройную белокурую женщину, одетую в модное платье из темно-синего шелка и чуть сдвинутую шляпку, украшенную перьями. Даже со спины чувствовалось, что она красива.

– Говорю же: мне необходимо увидеть маркиза! Я знаю, что он здесь, поэтому так и передайте: не сдвинусь с места, пока он не соизволит меня принять!

– И снова повторяю вам, мисс Коннорс: Его Сиятельство в отъезде и не велел пускать посторонних в дом в его отсутствие, поэтому самое большее, что я могу предложить, это передать от вас записку. – Говоря так, слуга настойчиво тянул гостью к выходу.

Мисс Коннорс... та самая, чью репутацию загубил лорд Кройд! Ара никогда не встречалась с ней лично, поскольку вращалась в других компаниях, но много слышала об этой особе: до недавнего времени в салонах и во время чаепитий только и разговоров было, что о дочке графа, богатейшей наследнице, попавшейся в сети мерзавца-маркиза. Подобные

грехи мужчинам прощают охотнее, и спустя время оступившиеся даже приобретают в глазах женщин особый запретный и притягательный шарм, а вот их жертвам потом лишь два пути – в деревню или монастырь. И фамильное состояние тут уже роли не играет: леди Патришу Коннорс, низведенную после скандала до мисс Коннорс, перестали принимать в обществе, а ее имя теперь произносили не иначе, как шепотом и в качестве назидания наивным молодым леди, чтоб не попадались в лапы вертопрахов и соблазнительей.

Ара попятилась, желая избежать встречи, но гостя, заслышав движение, обернулась, и ее выразительные голубые глаза распахнулись в немом изумлении. Она оказалась даже красивее, чем можно было предположить, и моложе – должно быть, одного с Арой возраста или на год-два младше. От тонкой миниатюрной фигурки веяло хрупкостью и незащищенностью, в глазах от природы застыла легкая растерянность, словно бы говорящая мужчинам, что сия нежная беспомощная особа никак не обойдется без твердого плеча в этом жестком мире, а шелковистая белая кожа, лишенная малейшего признака загара и румянца, казалась почти прозрачной на фоне индигового платья.

Сейчас под прекрасными глазами мисс Коннорс залегли тени, а на щеках еще угадывались следы пролитых слез, что, как ни странно, лишь добавляло девушке шарма, и даже заострившийся от переживаний овал лица выглядел трогательно и мило.

Она оправилась от удивления быстрее и стремительно приблизилась к Аре, прежде чем слуга успел остановить:

– И вы тоже, да? – произнесла она, заглядывая девушке в глаза. На контрасте с нежной внешностью голос у нее был грудной, с хрипотцой. – Также попались в его сети. Не верьте маркизу... Он наиграется с вами и выбросит без сожалений. Он клялся мне, клялся, что любит, хочет до безумия, что я единственная, что женится на мне, – она сорвала перчатку с тонкой руки, демонстрируя кольцо с переливчатым черным камнем в окружении бриллиантов, – а, когда получил желаемое и узнал, что я ношу под сердцем его дитя, вышвырнул, как грязь. И теперь все презирают меня, а не его. Где в этом справедливость? Как теперь верить мужчинам?

Слуга наконец решительно отцепил ее от Ары и поволок к выходу. Девушка не сопротивлялась, беспомощно семеня ногами.

– Не верьте маркизу! – снова выкрикнула она и прикрыла рукой живот в жесте, который невозможно истолковать двояко.

Даже, когда дверь за ней закрылась, Ара еще несколько секунд не могла пошевелиться, а потом бросилась наверх и закрылась в своей комнате.

В висках стучало, во рту стало горько, и ее подташнивало. Подташнивало от этой роскошной трехэтажной клетки, от двусмысленной ситуации, в которой оказалась по милости маркиза – ведь рано или поздно судьба наверняка снова столкнет ее с мисс Коннорс, и вряд ли та страдает провалами в памяти и забудет компрометирующее присутствие Ары в гостях у лорда Кройда. Подташнивало от понимания, что она совсем не умеет и не желает играть в порочные игры, которые затеял с ней этот мужчина.

Ара не хочет потом вот так же обивать его порог, униженно напоминая о клятвах, которые для него ничего не значили. Хотя она и не стала бы. Решаясь на сделку, девушка предполагала разные исходы и подумала, что в аналогичном случае отправится на год за границу – якобы на воды, поправить здоровье.

Особого сочувствия к мисс Коннорс она не испытывала, потому, что каждый так или иначе расплачивается в жизни: дочь графа – за свои ошибки, Ара – за то, что посмела

отвергнуть маркиза. Но она ощущала острую жалость к будущему мальшу, который не виноват в грехах родителей. Причин не верить словам мисс Коннорс у нее не было: их подтверждала, как дурная репутация лорда Кройда, так и печальный опыт самой Ары.

Поэтому поздним вечером, когда заспанная Мари доложила, что Его Сиятельство вернулся и ждет ее к ужину, девушка через дверь сообщила, что больна и не спустится.

Она действительно была больна – ненавистью к маркизу.

Минут пять спустя поднялся, и он сам. Уговаривать или переговариваться через закрытую дверь лорд Кройд не стал – просто молча вышиб ее ногой.

С первого взгляда Ара поняла, что маркиз раздражен. Причем не только ее строптивостью, но и чем-то, что произошло сегодня. Возможно, делами, по которым ездил.

От него волнами исходила агрессия и... возбуждение. Похоже, он не слишком расстроился, если не сказать обрадовался поводу выместить бушующую энергию. Но Ара так ненавидела его в этот момент, что даже не испугалась.

– Не подходите, – предупредила она, выставив перед собой ножницы – единственное оружие, которое нашла. И оно не дрогнуло в руке.

Маркиз, ни на секунду не останавливаясь, приблизился, лениво уклонился, когда она взмахнула раскрытыми лезвиями, перехватил руку, отнял ножницы, а потом легко перебриснул девушку через плечо, словно она ничего не весила, и понес прочь из комнаты. Ара отчаянно вырывалась, колотя его по спине и брыкаясь.

– Я буду кричать!

– И вам не совестно будить слуг?

Кричать Ара все-таки не стала – слишком смахивало бы на дурную оперетту, – но пинала и била его изо всех сил.

К ярости теперь примешался страх, потому, что маркиз нес ее в свое крыло.

Догадка подтвердилась, когда он швырнул девушку на постель и запер дверь на ключ. Ара на миг задохнулась от неласкового приземления, а потом попыталась вскочить, но мужчина придавил ее к кровати и в мгновение ока привязал запястья к кованой спинке, так, что она теперь лежала с заведенными наверх и широко раскинутыми руками.

Девушка в панике подергала шелковые путы: они не причиняли боли, но держали крепко.

– Что вы делаете?

Маркиз неторопливо прохаживался перед кроватью, избавляясь от одной детали одежды за другой – снял сюртук, потом жилет, – и с нескрываемым удовольствием рассматривал извивающуюся Ару.

– Урок второй, мисс Эштон: я слов на ветер не бросаю. Разве я не предупреждал, что за нарушение правил последует наказание?

Ара почти завороченно наблюдала за его перемещениями: маркиз двигался мягко, неслышно... хищно. И не отрывая от нее глаз. В каждом его жесте таилась вкрадчивая угроза, предупреждение и, что-то гипнотическое. Наверное, так удав околдовывает кролика, прежде чем проглотить.

Вот только Ара отказывалась быть кроликом.

– Мисс Коннорс вы тоже привязывали, перед тем, как изнасиловать, оправдываясь наказаниями?

– Нет, зачем? Она и так охотно раздвигала ноги и ножницами мне не угрожала, – спокойно произнес маркиз, снимая шейный платок, и завязал им Аре глаза.

И то, как легко без малейших угрызений он говорит о своем скотстве, лишь отвратило девушку еще сильнее. Лишенная теперь возможности видеть, Ара попыталась пнуть его, и за это он привязал и лодыжки. Так, что немного шевелить ногами она могла, но ударить длины уже не хватало.

– Мерзавец!

– Тсс, – на ее губы лег палец, – разве гувернантка учила вас таким словам? – Палец не спешил покидать ее рот, поглаживая, надавливая, совсем чуть-чуть проникая внутрь, и Ара резко сомкнула зубы, но они лишь громко клацнули, поймав воздух.

Маркиз тихо рассмеялся.

– С вами нужно держать ухо востро. Мне это нравится.

– Что еще вам нравится? Видеть женщину связанной и беспомощной?

Несмотря на дерзкий тон, Ара дрожала, как осиновый лист: распятая, как бабочка, во власти врага и окруженная темнотой, единственной реальностью в которой был его голос, она чувствовала себя мучительно уязвимой и беззащитной.

– О да, очень. Только не любую женщину, а вас. Не нужно так дрожать, – по щеке мягко прошлась тыльная сторона ладони, переместилась ниже, погладила шею, – я не причиню вам боли. Я хочу дарить вам только наслаждение.

Ара дернула головой, уворачиваясь.

– Вы, должно быть, сошли с ума, если думаете, что способны внушить мне, что-то, кроме омерзения. И не хватит ли уже разговоров? Вы можете просто побыстрее сделать то, зачем притащили меня сюда, и закончим на этом?

– Побыстрее? О нет, нетерпеливая вы моя, у нас вся ночь впереди.

Девушка испуганно сглотнула от предвкушения в его голосе. А потом услышала, как он, что-то достает, чиркнула спичка, звякнул фарфор, запахло чем-то сладким.

– Что вы задумали? – Она завертела головой в тщетной попытке понять, что происходит.

– Скоро узнаете. Не дергайтесь так: натрете еще и руки. К тому же это зрелище так возбуждает, что мне сложнее сдерживаться. Не говоря уже об аромате, который вы втираете в мою постель.

Ара тут же затихла.

– Разве вы не...

– Изнасилую вас? Вынужден разочаровать: в мои сегодняшние планы это не входит. Если забыли, договор обоюдный, и там четко прописана лишь добровольная близость. – Голос маркиза пьянел, если так можно выразиться. – Хотя прямо сейчас мне кажется, что лежать между ваших ног и слушать ваши стоны стоит остановки сердца. Можете постонать для меня, как в прошлый раз?

– Провалитесь в ад!

– Если он между ваших бедер – согласен. Напоминаю, что вы всегда можете отдаться мне по доброй воле. Но вы правы, довольно разговоров. Сейчас мы поиграем с вами в одну игру.

– Игру? – переспросила Ара севшим голосом. – Вы ненормальный...

– Тогда ловите момент: вы каждый день общались со скучными и нормальными, не пора ли попробовать нечто новое?

Ара снова лихорадочно задергалась и услышала, как маркиз укоряюще цокает.

– Вы же разумная девушка, Ар-ра, и понимаете, что это бесполезно. Не логичнее ли вместо того, чтобы впустую тратить силы, уточнить правила? Когда знаешь правила, легче выиграть. – На последнем слове отчетливо прозвучала насмешка.

И Ара, понимая, что снова падает в ловушку, но не имея выбора, малодушно спросила сквозь зубы:

– И в чем же заключается игра, лорд Кройд?

– Асгарт.

– Что?

– Мое имя Асгарт.

– Так, каковы правила, лорд Кройд?

В тот же миг лодыжку погладили мужские пальцы, медленно обводя косточку, приподнимая край халата...

Ара судорожно дернулась.

– Каковы правила, Асгарт?

Рука моментально исчезла, зато кровать просела, когда мужчина устроился рядом. Ара скрипела зубами, потому, что чувствовала, что он рассматривает ее, а сама видела лишь тьму, за которой звучал его голос.

– Ну, раз вам это так интересно, – охотно начал он, – я буду касаться вас различными предметами. Угадываете, и я просто перехожу к следующему. Угадываете три раза подряд, и я вас отпускаю.

– А если не угадываю?

– Снимаю с вас одну из деталей одежды.

Ара похолодела, осознав, что на ней только халат, ночное платье и белье – она уже собиралась ложиться спать, когда вернулся маркиз. Ах да, еще домашние туфли...

– Мало одежды? – заботливо осведомился лорд Кройд, угадав причину смятения. – Как опрометчиво с вашей стороны.

– Я могу вернуться в комнату и надеть еще, – процедила она.

А заодно разбить вам голову подсвечником, раз уж от ножниц не было толка.

– В другой раз, – мягко ответил маркиз и встал.

Ара услышала, как он отошел и, что-то взял. Но больше всего ее волновало явное шипение переносной газовой горелки.

Внутри все сжималось и скручивало от паники.

Маркиз говорил вполне разумно, но, что если он действительно психопат, который любит причинять боль? Ара читала про таких в «Еженедельных ведомостях»...

– Верьте мне: я ведь сказал, что не сделаю вам больно, – негромко произнес его приближающийся голос.

Верить?! Девушка едва удержалась от истеричного смеха.

А потом вздрогнула от касания, стянувшись, как тугая пружина, до ломоты в запястьях, до спазма в мышцах, до мушек под зажмуренными веками. Часто задышала... и вдруг поняла, что боли нет. Что-то мягкое скользнуло от виска к правой щеке... переместилось на левую, ласково покружило. Что-то слишком воздушное, что бы быть пальцами или твердым предметом...

– Тише-тише, – прошептал маркиз, – так вы себе, что-нибудь вывихните или заработаете уже непритворную мигрень.

Невесомая мягкость спустилась от подбородка, щекотнула впадинку в основании шеи, змейкой сползла к ложбинке, упирающейся в ворот халата, чуть-чуть поднялась и снова опустилась туда, где начиналась одежда, пытаясь забраться под краешек. Но легкость и гибкость вещи не позволяли.

– Это... это перо!

Касания моментально прекратились.

– Bravo, мисс Эштон! Еще два столь же удачных ответа, и вы на свободе!

– Избавьте меня от вашего остроумия.

Голос маркиза снова удалился, когда он отошел за следующим предметом.

– Почему вы так злы сегодня? Из-за мисс Коннорс? Или из-за того, что произошло между нами в последний вечер?

– Может, я зла, потому, что привязана к постели бесчестного негодяя и убийцы? – холодно бросила Ара. – Или станете отрицать, что мисс Коннорс ждет ребенка? Или, что застрелили того джентльмена в карточном доме?

– Зачем отрицать? Упомянутая особа действительно ждет ребенка, а тот джентльмен, объявивший во всеуслышание, что я мухлюю, нынче спит с дырой во лбу, оставленной пулей из моего пистолета.

Ара помедлила, против воли спросив:

– Он оклеветал вас?

– Сказал истинную правду.

– Вы всегда убиваете за правду? – рассвирепела девушка.

– Не всегда. Только, когда мне не нравится тон. Сосредоточьтесь, мисс Эштон, время второго захода.

Ара поджала губы и на этот раз уже не дернулась, когда раскрытой ладони коснулось, что-то прохладное, немного шершавое и узкое, шириной около миллиметра-полтора. Обвело линии жизни и сердца, спустилось под Холма Луны и Венеры к запястью и неспешно прошло по Пути сладострастия и Кольцу счастья – нелепые названия, которые Ара знает, потому, что они с Сесиль посетили гадалку на ярмарке в прошлом году.

Девушка напряженно прислушалась к ощущениям. Она почти не сомневалась... И все же нервничала, когда произнесла:

– Монета?

– Правильно. Можете назвать номинал?

Ара задохнулась.

– Шучу, мисс Эштон. Вы верно угадали, с чем вас и поздравляю.

Монета исчезла, и на смену ей пришло нечто новое.

– Сосредоточьтесь, – строго призвал маркиз, – вожденная свобода уже близко.

– Катитесь к черту!

– Сколько страстных пожеланий за один вечер.

На этот раз мучитель не торопился подносить к ней предмет, поводил им над лицом Ары, позволяя прочувствовать аромат. И лишь потом опустил на ее губы, легонько катая. Девушка возликовала, но заставила себя прислушаться к ощущениям еще немного, чтобы не ошибиться в этот последний раз.

– Можете разомкнуть губы, это не возбраняется правилами.

И Ара, прекрасно зная, что он смотрит и наслаждается каждым мигом, приоткрыла рот, впуская в него терпкую с горчинкой сладость, облаченную в гладкую оболочку. Обняла ее губами и быстро коснулась кончиком языка. Потом коснулась еще раз, уже медленнее, вдумчиво. Провела им по пряному и маслянистому, подтверждающему ее догадку. И вдруг поняла, что лорд Кройд держит предмет непальцами. Это осознание пришло внезапно и совершенно четко. Его дыхание на ее лице и острое ощущение близости мужчины обожгло нервы и каждую клеточку тела, словно удар молнии.

Несмотря на плотную темень повязки, Ара практически увидела склонившегося над ней маркиза, который держал предмет тоже губами, только, с другой стороны.

Она с одной, он – с другой...

И вместе они плавил податливую оболочку, таявшую прямо в рот Аре, щекотавшую обоняние соблазнительным густым ароматом.

Чуть отстранившись, так, что предмет продолжал касаться губ, но при этом появилась возможность говорить, девушка произнесла слегка севшим голосом:

– Шоколадная конфета.

– Мм, – промурлыкал маркиз, который, видимо, придерживал теперь предмет снизу, – какая хорошая догадка. – Ара облегченно выдохнула. – Но неверная. – И подался вперед, вжав вещь в ее губы своими. Оболочка-обманка прорвалась, и в рот Аре хлынула сочная спелая сладость.

– Дыня, – удовлетворенно произнес лорд Кройд, – в шоколаде.

– Это нечестно! – беспомощно вскрикнула девушка, дернув привязанными запястьями и чувствуя, как по подбородку стекают сладкие капли.

– Как трогательно, мисс Эштон, что вы ожидали от меня честной игры после признания в мухлеже, – иронично заметил маркиз и нагло слизнул с ее рта и подбородка шоколадно-дынную массу. – Ох-х, сладко... А теперь самая приятная часть: от, какой детали избавимся в первую очередь?

– От вас! – прорычала Ара, извиваясь.

– Оригинальный ответ, но для этого по правилам игры я должен находиться на вас или в вас. Что ж, раз вы столь нерешительны, придется сделать выбор самому. – Он заключил в ладони ее левую стопу, грея легкими поглаживаниями, задумчиво водя пальцем вдоль края туфельки, и Ара дернула ногой. Руки исчезли и появились уже в ее волосах, с недовольством задержавшись на шпильке, последней уцелевшей, которую девушка надеялась скрыть от маркиза, но теперь та была обречена, затем спустились к шее и груди. Ерзающая Ара застыла, когда они скользнули вниз от талии, безошибочно остановившись там, где под двумя слоями ткани начинались трусики. С нажимом огладили бедра и... потянули за пояс халата.

Маркиз не лгал: он действительно никуда не торопился.

– Итак, счет обнулился. Начинаем заново?

Ара пыталась по – всякому: кусаться, игнорировать, хитрить, но так или иначе приходилось играть по правилам лорда Кройда. А он то водил за нос, позволяя почти поверить в выигрыш, то снимал детали подряд одну за другой, пугая близостью развязки, затем внезапно уступал, соглашаясь пропустить свой ход, и вновь был неумолим, а попутно отпускал замечания, от которых кровь то прилиwała к лицу девушки, то отлиwała.

В какой-то момент Ара даже втянулась, увлекшись отгадыванием: она с детства любила ребусы и загадки. Вдобавок прикосновения – всегда неторопливые и чувственные – разжигали любопытство: чем будет следующее?

Но под конец девушка совершенно выбилась из сил от метания по кровати и множества обрушившихся на нее ощущений и ароматов, и уже не делала попыток увернуться или переиграть маркиза. Только все более неуверенно называла каждый следующий предмет, иногда угадывая, иногда ошибаясь и понимая, что итог будет таким, как пожелает ее мучитель.

Деталей на ней оказалось гораздо больше, чем Ара предполагала изначально: помимо упомянутых, маркиз учел серьги – каждую в отдельности, – шелковый платок в кармане халата, тонкую цепочку на запястье, отцепляющийся бантик на сорочке. Но настал

закономерный момент, когда и они иссякли.

– Каминная фигурка? – с надеждой спросила она и затаила дыхание.

Маркиз притворно вздохнул.

– Духи, мисс Эштон, – тихо звякнула снятая крышка, – неужели вы не уловили аромат? – Перед ее носом демонстративно проплыл шлейф из лайма и бергамота.

Ара уже ничего не улавливала – запахи и ощущения перемешались и казались слишком сильными, резкими для раздраженного бесчисленными касаниями и ставшего необычно чувствительным тела.

– Итак, снова великодушно предоставляю вам право выбора.

Выбор был невелик, если не сказать – безнадежно скуден: на ней осталась только нижняя сорочка и трусики.

В ушах зашумело, тело инстинктивно съежилось, а горло сжалось.

– Снимите сорочку, – прошептала Ара, испытывая такую дикую смесь безысходности и стыда, что, если б не повязка на глазах, наверное, она не выдержала бы и заплакала.

– Что-что? Вы сказали снять трусики?

– Я сказала: снимите с меня сорочку! – почти закричала Ара в отчаянии.

– Как настойчиво вы этого потребовали! Люблю решительных женщин. Что ж, ваше желание для меня – закон. Так, где-то тут были ваши ножницы...

Девушка почти не дышала те несколько мгновений, пока маркиз их искал, а почувствовав, как он взялся за нижний край сорочки, напряглась так, что, казалось, жилки вот-вот порвутся. Руки мужчины замерли.

– Скажите, разве я хоть раз причинил вам сегодня болезненные или неприятные ощущения? – произнес он уже другим, мягким и спокойным, голосом, без тени насмешки.

– Вы ни разу не дали мне по – настоящему свободу выбора.

– А этого я и не обещал. Перестаньте так неистово отталкивать все, что я предлагаю, и, возможно, тогда мы наконец сумеем найти общий язык.

– Не желаю находить с вами ничего общего, а тем более языков!

Маркиз развеселился:

– От вас ли я слышу эту непристойность, добродетельная Дэйнара?

И ткань начала с жалобным треском расползаться в стороны под стальными лезвиями. Ара чувствовала касания прохладных металлических колец инструмента и теплых костяшек маркиза, и судорожно втянула живот, когда ножницы оказались над ним, расправившись с половиной сорочки. Тело обдавало то холодом до пота между лопатками, то жаром, от которого пересыхало в горле и плыло в голове.

Девушка пыталась дышать ровно и сдерживать выжигающее нутро смущение, от которого хотелось кричать, закрыться, сбежать. Но все, что ей оставалось – это лежать с раскинутыми руками и ногами, дожидаясь, пока ее тело полностью обнажится перед бесстыжим мужчиной, не ведающим ни правил, ни жалости.

А маркиз опять-таки не торопился, смакуя, разрезая сантиметр за сантиметром тонкое полотно. Он словно разворачивал долгожданный подарок. Да, именно! Точно так ведут себя дети, к примеру, играя с яблоком: срывают самый притягательный плод, но сразу не набрасываются – сперва перекатывают его в ладонях, наслаждаясь упругостью боков и приятной тяжестью, подносят к лицу, втягивают аромат, гладят губами и вертят, выбирая наиболее аппетитный бок. Наконец впиваются зубами с сочным хрустом, втягивают сок, прожевывают, откусывают еще пару раз и... выкидывают.

«...Он наиграется с вами и выбросит без сожалений...»

Ножницы щелкнули в последний раз, обрывая мысли вместе с последней нитью шелка. Маркиз с негромким стуком отложил инструмент, и пульс Ары взмыл до предела. Он колотился в висках, кончиках пальцев, в жилке на шее, под коленками и в каждой клеточке тела. Она дрожала и ничего не могла с собой поделать.

Когда пальцы мужчины поддели края разрезанной по центру сорочки, Аре показалось, что сердце вот-вот остановится. Маркиз не дотрагивался до нее, только до ткани, но на Ару буквально обрушилось его возрастающее наслаждение, когда лорд Кройд начал раздвигать шелк, обнажая ее тело: открывал аккуратную белую грудь с чуть вздернутыми бледно-розовыми сосками, которую не видел еще ни один мужчина до него, легкие контуры ребер, нервно поднимающийся и опускающийся живот с небольшой впадинкой пупка и стройные бедра, между которыми белел последний клочок ткани.

Забыв про пути, Ара дернулась в тщетной попытке прикрыться, но ленты не позволили скрыть от мужчины сторающее от смущения тело, распятое, беззащитное, полностью открытое для взора.

Маркиз распахнул сорочку полностью и отстранился. Он ничего не говорил, не издавал ни звука, и девушка дрожала все сильнее от этого затянувшегося молчания. Не видя выражения его лица, не видя вообще ничего, кроме бесконечной темноты, она не знала, что и думать. Почему он молчит? Она... уродлива?

Какая глупая мысль в подобной ситуации – волноваться о мнении раздевшего ее негодяя! И все-таки вопрос мучил...

Маркиз вдруг шумно выдохнул.

– Вы восхитительны! Настоящее преступление прятать такую грудь и такое тело. И за это преступление я приговорил бы вас отбывать пожизненный срок в моем доме без одежды и заниматься со мной любовью минимум трижды в день.

– Пожалуйста, отпустите... – прошептала Ара. – Вы ведь уже сделали, что желали... наказали меня.

– Отпустить? О нет, милая Ара, игра еще не закончена. Я хочу свой приз.

И его чувственный чуть хрипловатый голос отозвался дрожью у нее между бедер.

– А теперь последнее, – он поддел лямки ее трусиков по бокам, чуть сдвинул, нежно поглаживая пальцами кожу, на которой отпечатались ткань.

– Нет! – испуганно возразила девушка, неловко пытаясь сомкнуть колени, насколько позволяли натянувшиеся ленты. – Это против правил! Вы должны предложить мне следующий предмет. У вас же еще, что-то осталось, я знаю! – То самое пугающее шипение горелки...

– Вы забыли, что я пропускал ход, – мягко напомнил маркиз. – И намерен его наверстать прямо сейчас. Хотя... – палец неторопливо прошелся по краю трусиков, заставив Ару втягивать живот и дышать поверхностно и часто от испуга и... чего-то еще, – если вы предложите мне заманчивую альтернативу, – палец сделал завиток прямо над треугольником плоти, продолжая касаться лишь белья, а не кожи, – готов уступить. У меня действительно осталось кое-что еще.

Девушка напряглась и, в равной степени страшась, как того, что он откажется, так и того, что согласится, произнесла севшим голосом:

– Вы можете касаться... трогать меня не только предметами, но и сами...

Неужели она правда это сказала?!

Повисла тишина, и сердце заколотилось в горле.

– Хорошее предложение, – согласился маркиз. – Оно принято.

Ара выдохнула: она надеялась, что отсрочка, как-то поможет: маркиз одумается, или возникнут новые обстоятельства, его вызовут дела – да, что угодно, лишь бы последний клочок одежды остался на ней!

Маркиз вернулся и предупредил:

– Перестаньте бледнеть, вы же не в пыточной.

– А, что это тогда по-вашему о-о-о... – Ара осеклась, дернувшись, когда грудь обожгло.

Но через секунду стало ясно, что боли нет, а то, что показалось напряженному истерзанному касаниями телу обжигающим – просто горячее или даже теплое и теперь медленно скользит по ее груди вниз. А маркиз продолжал лить на нее это липкое и пряное, стекающее по нежному телу Ары ручейками, заставляющее вздрагивать, кусать губы и ерзать в тщетной попытке увернуться, но увернуться не получалось: тягучие капли протягивались ароматным ожерельем, замирали на сосках, набухали и скатывались с кончиков, затекали во впадинку пупка, пропитывали трусики...

Он ошибался: это была настоящая пытка – задыхаться во тьме его шейного платка, чувствуя на себе запах маркиза, слышать хриплое тяжелое дыхание рядом и извиваться, пытаясь уклониться от горячих соблазняющих капель, глядящих и раскаляющих тело. Не иметь возможности отказаться от того, что он предлагал. А, что он предлагал?

– Что вы чувствуете? – спросил маркиз, усаживаясь рядом. Его голос сбивался, но все же не так сильно, как ее, когда Ара выдавила:

– Помимо ненависти к вам?

Слова вырвались сами собой, потому, что девушка безумно боялась, что лорд Кройд догадается о ее настоящих ощущениях, которые сейчас были далеки от ненависти, как луна от земли. Ненависть просто утонула в них, захлебнулась в дразнящем терпком жаре.

Что-то мягкое и теплое обвело ореол соска, и Ара всхлипнула, осознав, что это палец маркиза. Выгнула грудь, пытаясь избежать мучительно интимного оскорбительного касания, обнажавшего каждый нерв, совсем позабыв, что сама разрешила ему трогать. Ха, «разрешила» – как будто у нее был выбор...

– Знаете, а вашему телу я нравлюсь, – задумчиво произнес мужчина, продолжая обводить чувствительную вершинку, но при этом не дотрагиваясь до нее самой. И под его касаниями полутвердый сосок быстро каменел. Аре казалось, что все ее чувства, все ощущения сосредоточились сейчас под подушечкой пальца маркиза, и еще чуть-чуть, и произойдет... девушка сама не знала, что. Нечто, после чего не будет обратного пути. Точка невозврата.

– Я и тело – это одно целое, – задыхаясь, процедила она.

– Неужели? Тогда почему бы вам не договориться между собой.

Маркиз перешел к другому холмику, размазывая такими же ленивыми круговыми движениями густую теплую массу по ореолу второго соска, и Ара металась и горела, безуспешно пытаясь скинуть с себя осторожные, но настойчивые пальцы.

И теперь уже кусала губы не от страха, а сдерживая неприличные звуки.

«... Можете постонать для меня, как в прошлый раз? ...»

Девушка готова была сейчас не только стонать. В, какой-то момент память замкнуло: она совершенно забыла, что эти умелые опытные руки принадлежат мужчине, который из-за задетого самолюбия, из банальной низкой мести разорил ее семью, довел отца почти до

помешательства, а теперь хочет лишить Ару последнего – ее гордости и чести.

Наконец, маркиз нажал большими пальцами сразу на обе твердые горящие горошины, и Ара прикусила язык, зажмурившись под повязкой, чтобы не закричать от той горячей волны, что обрушилась на нее.

– Никогда не смейте сдерживать то, что чувствуете от моих ласк, – задыхаясь от страсти и раздражения, прорычал мужчина и ущипнул за оба соска.

И Ара закричала, потому, что уже не могла сдерживаться, потому, что сдалась, потому, что ощущение оказалось сильнее ее, подбросив девушку с кровати, выгнув спину и самым выгодным образом выставив распаленную грудь на обозрение маркиза. Путы на запястьях натянулись и снова расслабились, когда она обессиленно упала обратно на подушку, влажная и дрожащая от возбуждения.

А маркиз уже накрыл оба холмика ладонями, поглаживая, перекатывая маковки, слегка сжимая. И от этого, что-то в низу живота Ары тоже сжималось, а в бедрах нарастал ритм, ускоряясь по мере того, как движения мужчины становились настойчивее, интенсивнее, стискивая груди уже не мягко и осторожно, а собственнически, почти грубо.

Но эта грубость лишь усиливала чувственное удовольствие.

Неожиданно раздался его низкий хриплый стон:

– У вас такое чувствительное тело... с бревном я погорячился, – ладони отпустили и снова сжали груди так, что Ара громко охнула, – хочу попробовать их на вкус...

Что значит на вкус? Неужели он собирается... Нет, он не посмеет! Он не...

Маркиз посмел.

Когда его жадный горячий рот вобрал в себя левый сосок, девушке показалось, что она сейчас умрет, а между ног стало так мокро и горячо, как не бывало никогда раньше.

И она ерзала бедрами, пытаясь избавиться от ощущения. Если бы она могла дотронуться до себя там, то ощущение, наверняка, пропало бы, и Ара не плакала бы сейчас от невыносимого напряжения.

Рот маркиза не знал стыда: он слизывал пряный жар с соска, надавливал на него языком, дул, заставляя истерзанную маковку покрываться мурашками, прихватывал губами, тянул, прикусывал, сосал и перекатывал, пока его чуткие пальцы творили, что-то невообразимо волшебное со второй девичьей грудью.

Ара не просто забыла обо всем – растворилась, словно ее, как личности, не стало: мысли не помещались в тело, переполненное острыми сладостными почти болезненными в своей интенсивности ощущениями. И не замечала, как стонет всеми видами стонов: от хриплых горловых звуков, до тонких беспомощных всхлипов.

Этому способствовала и тьма под повязкой, которая прятала лица, прятала стыд, прятала прошлое и будущее, общество с его запретами и нравственными законами, прятала сомнения, оставляя лишь мужчину, женщину и их неистовое обоюдное желание.

А маркиз уже спускался ниже, вылизывая ее всю, как животное: обрисовывал языком ребра, целовал горящую липкую от пота и того, чем он ее измазал, кожу, бормоча:

– Сладкая... нежная... желанная.

И каждое следующее слово разводило бедра Ары шире.

Мужские губы прихватили и потянули губами влажную ткань трусиков, и Ара вынырнула на поверхность океана вожделения, хватая ртом воздух и с трудом возвращаясь в реальность.

– Растопленный шоколад! Нет... то есть мед, я оговорила, хотела сказать мед!

Маркиз, тяжело дыша, отстранился. И без него телу сразу стало холодно и пусто. Тело рванулось обратно к нему, но на этот раз девушка сумела удержать его прижатым к кровати.

Она чуть не пересекла черту. Замерла на самой грани, на остро заточенном лезвии...

– Вторая догадка верна, мисс Эштон, – произнес маркиз почти прежним тоном, словно не он только, что посасывал, целовал и лизал каждый сантиметр ее тела, урча по – звериному и задыхаясь от похоти. – Но, увы, засчитывается лишь первая...

Ее головы коснулись руки, и повязка упала с глаз.

Ара зажмурилась от неяркого света, резанувшего после продолжительной тьмы, поморгала и сосредоточила взгляд на мужчине.

В отличие от нее, он был полностью одет. Ну, как полностью: в рубашку и брюки. Отчего собственное обнаженное и блестящее от меда и поцелуев тело с бесстыже раскинутыми ногами, заведенными наверх руками, бурно вздымающейся грудью и красноватыми следами от интенсивных ласк и легких укусов, показалось до крайности неприличным.

Но она ошиблась, решив, что маркиз почти спокоен: его подрагивающие зрачки расширились до предела, очерченные тончайшими ободками мерцающей радужки, на штанах проступил впечатляющий бугор, а черты лица странно заострились, как три дня назад в малой столовой, напомнив о чем-то неуловимом...

– Я вас знаю? Встречала раньше? – повторила она тот же вопрос.

– Короткая же у вас память, Ара, – иронично отозвался маркиз, но взгляд остался таким же голодным, жаждущим. – Забыли того, кто изводил вас последние полгода?

– Вы поняли, что я о другом... Зачем вы это делаете? Почему именно я?

– Считайте все происходящее расплатой за свои добрые дела, – усмехнулся он.

Добрые дела? О чем он? Никаких добрых дел для лорда Кройда она не совершала. Или...

Мужчина молча взял кисточку, похожую на инструмент для каллиграфии, обмакнул в пиалу с растопленным медом, установленную над газовой горелкой, и неторопливо вывел на животе Ары надпись лицом к ней.

– Лэйн-роуд, – прочитала девушка. – Так называется улица в городе... что вы хотите этим сказать?

Но маркиз уже утратил настрой к разговорам, нарисовал еще несколько ничего не значащих замысловатых узоров на ее коже, а потом отложил кисточку и мягко улыбнулся, как хищник улыбается жертве, перед тем, как впиться зубами в горло.

– Время моего главного приза, Ар-ра.

Он встал коленями на кровать, оказавшись между раздвинутыми и привязанными ногами девушки. Положил ладони ей на бедра и подцепил кончиками пальцев лямки трусиков.

В этот момент он был непередаваемо, болезненно, чудовищно красив.

Ара сглотнула, умоляюще прошептал:

– Пожалуйста, Асгарт, не делайте этого...

Маркиз задумчиво с улыбкой смотрел на нее, слегка перемещая лямки белья вверх-вниз, словно размышляя: осуществить задуманное или прислушаться к мольбе. По крайней мере, Аре хотелось думать, что он колеблется.

Но, как оказалось, никакой внутренней борьбы в маркизе не происходило.

– Вы знаете, что для вселенной не существует частицы «не»? И вы только, что

попросили: «Пожалуйста, Асгарт, сделайте это».

Сказав так, он медленно потянул шелк вниз, не отрывая глаз от лица девушки, наслаждаясь мелькающей на нем гаммой эмоций: от испуга и стыда, до обреченности и затаенного робкого предвкушения.

Ара попыталась сомкнуть веки, но он жестко велел:

– Нет, смотрите на меня.

И она смотрела: смотрела в жадно горящие глаза, пока его пальцы безжалостно стягивали последнюю преграду. Преодолев примерно половину пути до колен, трусики застыли, натянувшись до предела, остановленные позой, и маркиз, улыбнувшись еще опаснее, резко порвал одну лямку, заставив девушку дернуться и прикусить губу. Потом точно так же порвал и вторую и откинул ненужный насквозь мокрый лоскут шелка.

Еще пару секунд не отпуская взгляд Ары, а потом посмотрел вниз, прямо на средоточие ее женственности. И до слез смущенная тяжело дышащая девушка все-таки не выдержала: прикрыла веки.

– У вас непередаваемо красивые губы, – сбивчиво выдохнул он. – Даже лучше, чем я себе представлял... Влажные для меня, бархатистые сладкие губы.

Ара распахнула ресницы: маркиз по – прежнему жадно рассматривал ее ярко-розовое потайное местечко. Девушка чуть не застонала от смущения, сообразив, что он имеет в виду.

– Перестаньте так их называть, это... не губы, – прошептала она, отворачивая горящее лицо и тут же невольно возвращаясь взглядом к маркизу.

– Как же не губы, если они созданы, чтобы их целовали? Вам понравилось, как я целовал вас туда в прошлый раз? Я умею по – разному. Позвольте показать... – на удивление в его голосе проскользнули почти просящие ноты, словно не Ара, а он был связан и обездвижен.

– Нет, только не ртом! – испуганно вскинулась она.

Если он снова коснется ее там языком, только теперь уже без преграды трусиков, Ара потеряет себя, не удержится, позволит ему все. А потом... пожалеет.

Мужчина вздохнул, словно сокрушаясь о ее выборе, но неожиданно принял его. А следом медленно порочно улыбнулся.

– Значит, не ртом? Что ж, я могу по-разному, – повторил он.

Опустил указательный палец в пиалу с медом и поднес к Аре, роняя на ее живот обжигающие сладкие капли, наслаждаясь сперва непониманием, а затем осознанием в ее расширяющихся глазах, и, опережая протест, погрузил его в сокровенную расщелину, раздвигая нежнейшую девичью плоть, смазывая нетронутые девственные лепестки горячей сладостью.

– Нет, Асгарт! – почти прорыдала Ара, откидывая голову на подушку и конвульсивно приподнимая бедра, вгоняя ногти в ладони.

– Мне нравится, как вы стонете мое имя. Но еще больше мне понравилось бы: «Да, Асгарт, не останавливайся!»

Источник наслаждения двинулся дальше, проникая глубже, скользя вверх-вниз, то усиливая, то ослабляя нажим. Лишая остатков разума и воли и заставляя бедра девушки подниматься и опускаться, совершать круговые движения за ускользящим пальцем, замирать, когда он вдавливался слишком глубоко, слишком остро и подрагивать от желания более быстрых резких движений. А мучитель словно и не подозревал об этом желании, продолжая томное тягучее, развратное скольжение.

Оказывается, это неважно, чем дотронется тот, кто умеет одним прикосновением сводить с ума, сносить все запреты, превращать «нет» в «да-да, еще!», срывающееся с пересохших губ Ары.

Она распахнула бедра максимально широко, до ломоты в мышцах, до сведенных икр, до покалывающих мысков, но невыносимый экстаз, постоянно блуждая где-то рядом, на набухших от возбуждения текущих лепестках, на изнывающем сверхчувствительном бугорке, на кончиках пальцев маркиза подбирался, подталкивал Ару к пропасти и... ускользал в последний момент.

– Я могу продолжать так долго, Ара, очень долго, – прошептал ненавистный хриплый от сексуальной жажды голос. – До утра, потом до вечера, до следующего утра...

Она лишится рассудка гораздо раньше. Ей нужно сейчас, сию же минуту!

– Пожалуйста, – всхлипнула девушка, пытаюсь усилить трение, зажать мышцами его пальцы, легко выскользающие из этого плена.

– О чем ты просишь? Чего хочешь прямо сейчас, Ар-ра? – и палец порхает вокруг подрагивающего среди лепестков горячего комочка, тогда, как одно прикосновение к нему – и она перестанет существовать, растворится в нестерпимом освобождающем блаженстве!

Девушка распахнула мокрые от слез глаза, посмотрев прямо на бледного тяжело дышащего маркиза, чья улыбка превратилась в оскал сдерживающегося из последних сил. Словно пытка Ары была десятикратной пыткой для него.

– Дотронься сильнее. Покажи мне наслаждение, – произнесла она глубоким грудным голосом, неожиданным для нее самой, а уж у мужчины и вовсе укравшим дыхание.

И мягко толкнулась бедрами навстречу его пальцам.

Он издал глухой звук, не то стон – не то вой зверя, готового упасть на самку и вбиваться в ее тугую раскаленную расщелину до звона в ушах, до звезд перед глазами, до одурения.

Но все же удержался и выдавил, с трудом переводя дыхание и прожигая ее огнем алчущего взгляда:

– А взамен? Что ты предложишь мне взамен, Ара?

Даже сейчас он пытался продавить ее под свою волю, заставить предложить себя.

– А взамен я буду кричать твое имя.

Мужчина побледнел еще сильнее, кусая губы, чертыхнулся и нажал точно в эпицентр агонии, выплескивая ее из тела Ары, даря долгожданное избавление.

И Ара кричала, как и обещала.

Кричала до последней судороги, до сорванного горла, до едва не вывихнутых запястий. А, когда больше не могла кричать, то стонала, шептала и повторяла про себя имя чистого, неразбавленного блаженства в облике ненавистного мужчины.

Она даже не заметила, как он отвязал ее. Очнулась уже в ванной, когда маркиз мягкими движениями смывал с нее вместе с пеной следы испытаний.

Девушка была настолько опустошена и измотана, что сил не хватило даже оттолкнуть губку. Все окружающее воспринималось сквозь дымку и заснула она, когда маркиз нес Ару обратно в ее комнату, прямо у него на руках.

На следующее утро Ара пробудилась прекрасно отдохнувшей и чувствуя во всем теле приятную негу и одновременно энергию. Она позволила себе посмаковать ощущение, пока разум преодолевал пограничное состояние между сном и явью. А потом все вспомнила.

События прошлой ночи хлестнули, как пощечиной, и Ара со стоном сползла под одеяло и уткнулась лицом в ладони. Как после такого посмотреть в глаза лорду Кройду? Может, сегодня он снова уедет по делам, и им не придется встречаться, а до его возвращения Ара, как-нибудь справится со случившемся?

Но маркиз и не думал покидать поместье или избегать ее. Напротив – узнав, что девушка проснулась, пригласил ее к позднему завтраку. Ступая под сень оплетенной розами беседки, где накрыли стол и где уже расположился лорд Кройд с утренней газетой в руках, Ара постаралась придать лицу равнодушный вид. Мужчина приветствовал ее спокойно, без тени насмешки или многозначительности во взгляде. На нем была рубашка, светлый жилет и элегантные брюки. И все-таки девушка слегка покраснела, увидев шейный платок, уже другой. На этот раз он находился на правильном месте – то есть на шее маркиза.

Лорд Кройд, словно, не замечая ее скованности, завел, какую-то незначашую беседу, и Ара, поначалу отвечавшая односложно, втянулась. Даже поинтересовалась новостями, и мужчина, кажется, слегка удивившись, что ей это интересно, вкратце пересказал содержимое наиболее интересных статей, которые успел прочесть. Постепенно напряжение отпускало, и она даже начала получать удовольствие от завтрака на свежем воздухе, напоенном ароматом роз, свежей выпечки и горячего кофе.

Закутавшись плотнее в шаль – все-таки в это время года было еще довольно прохладно и сыро, – Ара отпила крепкий горьковатый напиток и украдкой покосилась из-под ресниц на переворачивавшего очередную страницу маркиза. Его волосы немного растрепались от ветра, а на пальцах остались следы типографской краски. И почему-то именно эти по-мальчишески взъерошенные прядки и испачканные подушечки окончательно ее успокоили. Словно рассеялось его почти демоническое влияние на Ару, ведь только таким влиянием можно объяснить помутнение, охватывавшее ее, когда того желал маркиз. Помутнение, которое всерьез пугало девушку, потому, что не поддавалось ни логике, ни контролю.

Но у чудовищ не бывает беспорядка в прическе, на них не остается посторонних следов, чудовища всегда безупречны.

Словно почувствовав ее мысли, маркиз поднял глаза от газеты, лизнул указательный палец, лишь на, какие-то сотые доли секунды задержав язык на кончике, и перевернул страницу. Даже ничего не сказал!

Но одним этим жестом мгновенно разрушил возведенную ее разумом хрупкую иллюзию безопасности, заставив вспомнить, где его палец был вчера, и почувствовать тянущую пустоту в том месте...

они протекали примерно так же, как если бы Ара просто гостила в загородном особняке у, каких-нибудь приятелей. За небольшими, но существенными исключениями: девушка по – прежнему была вынуждена обходиться без корсета и нижней сорочки, оставлять волосы распущенными, даже на ночь, поскольку стараниями маркиза у нее изъяли все ленты и шпильки, и облачаться в указываемые им наряды. Еще Ара каждый день ездила с ним верхом и чувствовала себя уже вполне уверенно. Больше всего ей нравились их конные прогулки к обрыву над рекой. А его первая, скупая, но вполне искренняя похвала ее прогрессу неожиданно доставила удовольствие. Жаль, никто, кроме лорда Кройда, не оценит ее умения держаться в мужском седле, в лучшем случае в обществе за такое заклеят оригиналкой, а скорее все-таки – вульгарной бесстыдницей.

Постепенно Ара привыкла и перестала напрягаться, когда маркиз спрашивал, что она чувствует, касаясь, каких-либо предметов или во время трапез.

Порой он даже приносил ей подарки и предлагал угадывать, что это, с закрытыми глазами, только на ощупь, и, медленно изучая касаниями скользкий шелк или прохладные грани драгоценных камней, или чеканные узоры на металле, Ара испытывала легкую дрожь любопытства, совсем чуть-чуть страха и... смутного ожидания. Но лорд Кройд больше не пытался завязывать ей глаза или еще, как-то переходить границы.

Поначалу ей было все же неловко и странно общаться с ним, беседовать на обычные темы так, словно между ними ничего не произошло... Ара напряженно ожидала очередного подвоха, намека, масляного взгляда или надуманной придирки. Но маркиз вел себя, как мог бы обычный приятель. Вообще говоря, глядя на спокойное замкнутое лицо лорда Кройда, упакованного в идеально отглаженный костюм, Ара все меньше верила, что смазывание ссадин и ночь наказания ей не почудились, и, что глаза этого человека могут пожирать и пускать по ее телу раскаленную лаву, голос – быть хриплым от похоти, а язык, повествующий сейчас о, каком-то новом изобретении, изрекать непристойности...

Впрочем, это для нее случившееся было чем-то за гранью, чем-то из ряда вон, а маркиз, наверняка, еще не такое с другими женщинами вытворяет, уезжая в город по делам. И для него произошедшее – детская шалость, о которой он забыл на следующий же день... Почему-то эта мысль неприятно кольнула.

– Что с вами?

Лорд Кройд всегда странным образом чувствовал ее настроение, вот и сейчас он прервался на полуслове и внимательно посмотрел на девушку.

Ара поколебалась, застигнутая врасплох. С одной стороны, она все-таки соблюдала в беседах осторожность, интуитивно чувствуя, что хищник не пропал, а затаился, с другой – ценила установившееся между ними хрупкое перемирие, потому, что не желала проводить остаток условленного месяца в постоянных ссорах и стычках, с третьей, давно поняла, что лгать этому мужчине бесполезно: фальшь чует нутром и очень ее не любит. Наконец, в-последних, девушка и сама не понимала причины, какой-то странной душевной тоски, хотя, казалось бы, все шло прекрасно – ее не третируют, не оскорбляют, не домогаются.

– Не знаю... Асгарт, – ответила она чистую правду, просто неполную, немного запнувшись на последнем слове. Называть маркиза по имени теперь тоже стало одним из условий, но Аре оно давалось труднее всех остальных вместе взятых, и про себя девушка продолжала именовать его, как раньше – лорд Кройд. – Просто отчего-то нет настроения...

Маркиз медленно кивнул.

– Наверное, вам не хватает новых впечатлений. Как раз хотел сообщить, что сегодня

вечером мы едем в театр.

– О, в театр! В, какой? Поблизости есть еще городок?

– Обо всем узнаете вечером. Если желаете, можете прямо сейчас подняться к себе и велеть Мари приготовить ванную. Жду вас внизу к шести, наденете черное платье, оно помечено соответствующим ярлычком.

Поднимаясь к себе, Ара с удивлением почувствовала, что сердце колотится все быстрее в сладком предвкушении с ноткой страха, и замерла, как вкопанная на середине лестницы, осознав причину тоски, минуто назад рассеявшейся без следа.

Она ждала. Все это время Ара, сама, не отдавая себе в том отчета, ждала, что, что-то произойдет, и испытывала разочарование, потому, что день за днем ничего не происходило, и даже начало казаться, что остаток месяца пройдет в этих пустых разговорах и странных бессмысленных заданиях, хотя такой расклад был бы, пожалуй, наилучшим. Вот только... почему-то не радовал ее. словно перед ней приоткрыли дверь сокровищницы, позволив рассмотреть лишь краешек и сообщив, что самое интересное таится в глубине, а потом захлопнули створку перед носом и спровадили домой.

Но теперь... теперь Ара знала, что ожиданию пришел конец.

Об этом сказал брошенный напоследок взгляд маркиза, в котором не осталось ни тени равнодушной сдержанности. В нем тлело обещание...

* * *

Дожидаясь, пока Мари приготовит ванную, Ара подошла к зеркалу. И уже не вздрогнула, как раньше, при виде себя с распущенными волосами. Она начала привыкать к такому своему внешнему виду, к тому же ее теперь перестали терзать головные боли, как раньше от тугих причесок. А еще ей нравилось чувствовать, как ветер перебирает волосы, и иногда самой накручивать на палец прядку, хоть такой жест и не подобает леди. Но если никто не видит, почему бы не позволить себе маленькую слабость? Однако девушка, конечно, ни за, что не призналась бы во всем этом лорду Кройду.

Привыкло тело и к отсутствию нижней сорочки, и Ара больше не испытывала прежнего дискомфорта от трения, наоборот, ощущать разные материалы было даже... интересно.

– Ванна готова, мисс Эштон, – объявила служанка, и девушка проследовала в купальню.

Теперь горничная помогала ей и с омовением. Поначалу Ара зажималась – все-таки процедура очень интимная, и ее годами исполняла личная камеристка, – но постепенно привыкла и к этому. Мари действовала умело, и у нее была легкая рука. А еще она всегда добавляла в воду, какие-то лосьоны и ароматические вещества, так, что Ара чуть не выскальзывала ногами из сорочки. У нее и раньше была нежная кожа, но теперь просто светилась изнутри. Даже самой касаться и вдыхать аромат приятно, что Ара порой и делала.

Отношение остальных слуг к ней вопреки опасениям не поменялось: оно было ровно таким, как и в первый день.

Закончив процедуру в ванной, девушка прошла обратно в комнату и с особым удовольствием сама нанесла крема на тело и лицо, велев Мари принести из гардеробной наряд. В душе против воли разливалось предвкушение. Какое платье выбрал маркиз для сегодняшнего вечера?

Его выбор Аре понравился: она не видела этого наряда среди других раньше, возможно, его повесили недавно или даже сегодня.

Соблазнительная гладкость черного шелка, по которой приятно скользить ладонью, тончайшее плетение кружева, россыпь прохладных бусин и мельчайшие частички, придающие ткани волшебное мерцание. Ара вдруг осознала, что «рассматривает» наряд пальцами, прикрыв глаза.

А еще осознала, что к нему опять-таки не прилагается корсета – только перчатки до локтей, чулки с подвязками и трусики, непристойнее которых девушка и вообразить не могла. Первым порывом было отказаться, попытаться переубедить маркиза, но... что-то удержало Ару. В конце концов она ведь знала, что в этот месяц придется переступить через себя. Он... почти ненастоящий, этот месяц. А по истечении договора она просто обо всем забудет. Вычеркнет из памяти последние тридцать дней, словно их и не было.

– Помоги мне, Мари, – обернулась она к служанке.

Платье село идеально и обтянуло, как перчатка. Благодаря особому крою об отсутствии корсета будут знать только Ара и маркиз. Открытые плечи, низкое, очень низкое, но все же в рамках дозволенного декольте, заставившее сердце девушки учащенно забиться, ненавязчиво украшенное по самому краю узорами, лишний раз притягивающими взгляд, крутой изгиб бедер и чувственное сияние черного шелка.

Ара чувствовала себя странно и... волнующе. На этот раз Мари подобрала волосы в высокую прическу, оставив один локон падать на белую грудь, и из отражения на девушку посмотрела незнакомка: таинственная, притягательная и... немного порочная.

Ара вдруг поняла, что хочет увидеть лицо маркиза, когда предстанет перед ним в этом наряде. А еще поняла, что готовилась сегодня с таким упоением, потому, что готовилась для него.

Реакция лорда Кройда ее не разочаровала: когда Ара появилась на верхней площадке лестницы, он так и застыл, не замечая, что коньяк льется из наклоненной бутылки уже не в переполненный бокал, а на стол. И это девушке тоже понравилось – вывести сдержанного, а в последнее время очень сдержанного маркиза из равновесия.

Вспыхнувшее в его глазах жадное восхищение растеклось по ее венам горячей лавой удовольствия. Оказывается, она успела соскучиться по этому голодному взгляду.

Ара начала спускаться, легко скользя пальцами по перилам, даже сквозь перчатку наслаждаясь гладкостью красного дерева, и чуть заметно покачивая бедрами. Осознание, какое белье под этим платьем, действовало непривычно: придавало движениям соблазнительной плавности, намека, обещания, и она упивалась этим ощущением не меньше, чем неотрывно следующим за ней взглядом маркиза.

Ара всегда считала, что она не из тех женщин, что кружат мужчинам головы. Понимая, что, пожалуй, слишком серьезна и отпугивает этим многих кавалеров, девушка верила, что будущий муж полюбит ее за ум, верность и спокойную рассудительность, то есть скорее, как надежную спутницу жизни и друга. Но похоже, лорду Кройду сейчас было абсолютно плевать на ее дружеские добродетели, и, как ни странно, Ару это не оскорбляло. Потому, что ни одна умная фраза или сочувственное слово не заставят мужчину так судорожно сглатывать и лить коньяк полувековой выдержки на ковер за полмиллиона. А вот эти ее мягкие движения, падающий на грудь завиток и завораживающие переливы ткани при каждом шаге, подчеркивающие изгибы фигуры, могут.

Иными словами, сегодня Ара впервые ощутила женскую власть. И эта власть над сильным насмешливым привыкшим смотреть на нее свысока маркизом пьянила не хуже славного вина.

– Вы так ничего мне и не скажете? Или наряд не к лицу, и мне стоит переодеться? – поддразнила она, останавливаясь перед лордом Кройдом, и тот, чертыхнувшись, наконец поставил полупустую бутылку на стол.

А потом нахмурился, оглядывая Ару с ног до головы.

– Никуда не годится! – внезапно заявил он. – О чем вы думали, надевая платье с таким декольте? Вас просто опасно брать с собой. Мари! – позвал он. – Принеси мисс Эштон накидку.

Ара закусил губу, чтобы не рассмеяться, и не стала напоминать маркизу, кто выбирал наряд. Вместо этого уточнила, в, какой именно театр они все-таки едут.

– Есть один на Марнер-роуд.

Игривой расслабленности, как не бывало.

– В столице? – переспросила Ара, подобравшись. – Но меня могут узнать...

– Не волнуйтесь: даже если встретите кого-то из знакомых, вы друг друга не узнаете. Все предусмотрено.

– Но...

– Просто доверьтесь мне.

В целом Ара маркизу, конечно, не доверяла. Среди множества причин значилось и то, что в эти дни она еще, как минимум трижды слышала ранним утром сквозь сон голоса мужчин во дворе и стук колес длинного экипажа без опознавательных знаков, увозящего

очередной окованный цепями ящик... Но пришлось положиться на его слово. В конце концов, вряд ли он планирует ее сегодня прилюдно опозорить. По крайней мере, хотелось в это верить...

Мари принесла накидку из полупрозрачного шифона, короткую, только, чтобы прикрыть грудь, что маркиз и сделал лично и очень тщательно, как жадина, прячущий свои сокровища, после чего они направились к экипажу.

– Что за постановка? – спросила Ара, когда они устроились внутри, и карета тронулась с места.

Лорд Кройд назвал довольно известную, которую она уже смотрела, но в другом театре. То представление ей понравилось, так, что девушка была не против сходить на этот сюжет снова.

Вежливый диалог продолжался еще, какое-то время, а потом в карете повисла тишина. Не та тишина, которая появляется, когда людям нечего сказать друг другу, а из разряда многозначительных, от которых густеет воздух, и учащается пульс. Сидящий напротив маркиз откровенно и с удовольствием разглядывал Ару, и девушка радовалась полумраку кареты, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Отворачивалась к окну, но и там встречалась с мерцающим взглядом мужчины, отражающимся в темном стекле.

– О чем вы думаете? – спросила она, вернув маркизу вопрос, который тот сам частенько ей задавал.

– О том, чтобы послать театр ко всем чертям, велеть кучеру повернуть домой и там содрать с вас это платье.

Девушка понимала, что надо рассердиться, что такие речи и взгляды недопустимы в отношении леди, но рассердиться всерьез не получалось. Как можно злиться на того, кто смотрит на тебя с таким жадным восхищением? Хотя она, конечно, понимала, что восхищение вызвано не ее душевными качествами, а только одним аспектом, вокруг которого кружили мысли маркиза.

– Вы неисправимы, – покачала головой Ара. – А я уж было подумала, что вы в эти недели излечились от непристойностей.

– Вы предпочитаете приличный ответ или честный? К тому же, как можно излечиться от непристойных мыслей, когда их вдохновитель сидит напротив? Развивая ответ: я бы содрал платье, но оставил на вас чулки. И трусики... до определенного момента.

Нарисованная маркизом сцена ярко встала перед глазами, и дыхание девушки участилось.

– Кажется, я хорошо вела себя и не заслужила наказания, – невинно заметила она.

– Вы заслужили наказание уже за одно то, каким голосом это сейчас произнесли.

Ара вдруг осеклась, с изумлением осознав, что только, что... флиртowała с лордом Кройдом! Тем самым, который принес ее семье одни только несчастья и уверен, что Ара в скором времени добровольно и с радостью разделит с ним постель.

Девушка снова отвернулась к черному пейзажу за окном и равнодушно обронила:

– Сегодня ровно половина срока, как я у вас.

Атмосфера в карете моментально изменилась: словно похолодало, но при этом стало еще более душно. Маркизу замечание явно не понравилось.

– Вы это так рассматриваете? – негромко произнес он. Но от его тихого голоса у Ары поползли вдоль спины ледяные мурашки. – Отсидживаете срок, считая часы до окончания?

В ответ она лишь слегка повела плечом. Ссориться с маркизом в тесной карете перед

спектаклем не хотелось, но и продолжать игривый разговор – тоже. К чему это? Совершенно ни к чему.

Лорд Кройд внезапно наклонился, подхватил ее ногу и устроил на своем колене.

– Что вы делаете? – испугалась Ара.

– А на, что похоже? – усмехнулся он, снимая туфлю, и, не успела девушка опомниться, запустил руки ей под подол, развязал подвязки, стянул чулок и обхватил слегка замерзшую ступню горячими ладонями. – Обеспечиваю комфорт в пути. Может, тогда ваше настроение снова улучшится, и я получу назад приятную спутницу вместо этой ледяной статуи.

– Немедленно прекратите! Это неприемлемо! – дернулась она, пытаясь освободить ногу.

– А не то, что? – насмешливо спросил он и вдруг надавил, как-то по-особенному, так, что затекшая от новых туфелек стопа отозвалась благодарным теплом.

Ара вцепилась в сидение, едва удержавшись, чтобы не застонать от удовольствия.

– Помните, не смейте сдерживать эмоции от моих прикосновений, – сверкнул глазами маркиз, продолжая умело массировать.

– Мне стонать прямо здесь? – раздраженно спросила Ара.

Лорд Кройд рассмеялся.

– Я не против: кучер вас все равно не услышит, а мне, как вы помните, ваши стоны нравятся.

Ара сердито откинула голову на сидение. Стонать она не стонала, но прерывистые вздохи все-таки вырывались.

Руки лорда Кройда не обошли вниманием ни один пальчик. Поглаживали, чуть тянули, легонько сжимали, проникали в промежутки, потом снова обхватывали ступню целиком, грея ее в ладонях, каким-то немислимым образом посылая импульсы по всему телу, расслабляя и его тоже. Оставив разнеженную ногу девушки у себя на колене, маркиз точно так же принялся и за вторую. Только на этот раз действовал уже не спеша.

Аккуратно, не задирая подол, развязал подвязки, спустил и отложил чулок, скользнул ладонями вдоль ступни, словно успокаивая. Чувствуя, как его чуткие пальцы разминают, дотрагиваются, надавливают в нужных местах, Ара испытывала удовольствие, смешанное с неловкостью и непонятной тревогой.

От всего действия, почти невинного на фоне того, что произошло между ними ранее, веяло скрытым смыслом, и прикосновения его горячих пальцев к ее обнаженной ступне ощущались даже интимнее, чем прикосновения его губ к сокровенным местам Ары... Отец никогда не делал ничего подобного для матери. Зачем это на самом деле лорду Кройду? Или он рассчитывает, что Ара настолько расслабится, что отдастся ему прямо в карете?

– Ни о чем не думайте, – не поднимая головы, произнес маркиз, и девушка вздрогнула. Почему он так хорошо ее чувствует? – Не отравляйте себе удовольствие ненужными сомнениями, просто получайте его.

И Ара со вздохом подчинилась. А, что еще ей оставалось?

– Вам ведь приятно? – спросил он, по-прежнему не поднимая глаз.

– Приятно, – согласилась она, но не удержалась и добавила, чтобы как-то разбавить эту неуютную опасную интимность. – Похоже, у вас роман с моими ногами.

– Похоже, они отвечают мне взаимностью, – без улыбки произнес маркиз, вскидывая глаза, и вдруг медленно провел языком вдоль стопы.

Девушка шокировано дернулась, вцепившись ногтями в обшивку и расширенными глазами наблюдая, как он, удерживая ее взгляд, скользит кончиком языка по пальчикам,

чтобы, дойдя до мизинца, вобрать его в рот и легонько пососать.

– Перестаньте... пожалуйста... – хрипло выдохнула Ара, охваченная странной паникой и чувствуя, как тонкая полоска между ног впивается все сильнее.

Прикусив напоследок мизинец, маркиз скользнул выше и поцеловал хрупкую косточку на щиколотке, обвел ее губами, прижался щекой.

– Почему? Ощущения перестали быть приятными?

Просто приятными? О да, перестали. Теперь они обжигали и всерьез пугали. Примерно такой же страх перед неизвестностью и болью Ара чувствовала, когда лежала, привязанная к кровати маркиза, не зная, чего от него ожидать. Только теперь к тем чувствам прибавилось новое, непонятное, и пугала не столько физическая боль, хотя сидящему напротив мужчине ничего не стоило ее причинить, сколько другая, смутная, гораздо более глубокая, которую безмятежная душа Ары доселе не знала.

– Вы хотите, чтобы я прекратил, потому, что вам неприятно? – настойчиво повторил маркиз, и его ласковые руки превратились в железный капкан.

Солгать или промолчать значило бы рассердить его и нарваться на наказание.

– Хочу, чтобы вы прекратили, потому, что это неуместно!

– Неуместно – какое сухое безвкусное слово. Оно чье? Вашей маменьки или тетушки в почетной должности старой девы? Моя Ар-ра их не произнесет. Вы ведь моя Ара? – Светлые глаза завораживающе сверкнули в тряской полутьме кареты, а вдоль стопы прошелся уже не язык, а ноготь, глубоко впиваясь и напоминая, что этот мужчина никогда не был и не будет «безопасным приятелем», у которого Ара просто гостит.

– Не ваша... – едва слышно выдохнула она, чувствуя, как бешено колотится сердце, словно к нему уже приближается отравленный шип. – Лишь на этот месяц...

Маркиз ощутимо укусил за лодыжку, и пальцы скользнули выше, оглаживая голень, чувствительное местечко под коленкой, медленно, но неотвратимо сдвигая подол и посылая волны горячих мурашек к месту смыкания ног. Ара не могла пошевелиться, парализованная противоречивыми чувствами, от которых тело накрывало поочередно холодным потом и жаркой дрожью. Ей было страшно до безумия от этого ощущения чего-то бесконтрольного, надвигающегося на ее жизнь, и так же до безумия хорошо от ласк теплых рук. И не только рук...

Губы маркиза уже повторяли путь пальцев узорами из поцелуев, то легких, невесомых, то тягучих, наполняющими истомой, и каждое их прикосновение, на полдюйма выше предыдущего, ощущалось так болезненно ярко, словно он капал на нежную раздраженную кожу расплавленный свечной воск.

– Скажите, что вы моя! – потребовал мужчина, укусив за бедро с внутренней стороны, чуть повыше колена, и поднял мерцающие глаза.

Ара судорожно втянула в себя воздух и тут... карета остановилась. Кучер трижды постучал в стенку, сообщая, что они прибыли на место.

Маркиз медленно, не отводя глаз, отстранился.

– Похоже, на этот раз вас вырвали из лап чудовища, принцесса, – усмехнулся он и потянулся за чулком, чтобы помочь надеть обратно. Уже натянул было его на мысок, но вдруг убрал.

– Однако вы так и не ответили на мой вопрос, поэтому наказания за непослушание не избежать.

– Какого... наказания? – спросила Ара сипло.

Маркиз протянул раскрытую ладонь.

– Ваши трусики. Отдайте мне их.

– Что?!

Девушка тут же опустила ноги на пол, оправила подол и инстинктивно прижала его руками. Маркиз насмешливо наблюдал за ее действиями.

– Вы пойдете в театр без них, – любезно пояснил он. – К счастью для вас, об этом будем знать только вы и я. И это знание доставит мне огромное удовольствие. Ну же, не заставляйте ждать. Или хотите, чтобы их снял... я?

Ара поспешно помотала головой и потянулась к подолу.

– Отвернитесь.

– Даже не надейтесь. Я буду наблюдать, как они скользят по вашим ногам, унося с собой девичью честь.

Ара стиснула зубы и умудрилась освободиться от невесомого клочка ткани, практически не поднимая подол и скрыв все действие от бесстыжего взгляда маркиза. Наконец стянула их полностью и ловко подхватила.

– Bravo, вам бы фокусы показывать! Вы умеете разочаровать ожидание.

Ара, которая собиралась аккуратно передать комочек ткани, швырнула его маркизу в лицо. Тот поймал на лету и с удовольствием расправил полупрозрачный треугольник, заставив ее задыхаться от ярости и смущения.

– Замечательно, – сообщил он, еще немного полюбовался и спрятал в карман.

– Что теперь? Как вы собираетесь скрыть меня от остальных гостей представления? Или я провинилась настолько, что забота о моей репутации уже не входит в ваши планы?

– Какой у вас изощренный ум. Рядом с вами даже не нужно самому генерировать идеи наказаний. – Девушка пожалела, что трусики больше не у нее в руках, иначе она придушила бы ими маркиза. – Но обойдемся без таких крайних мер. – Он взял с сидения темную коробку, откинул крышку и протянул Аре.

– Это мне? – девушка коснулась маски, обтянутой черным шелком с вставками из кружева и россыпью бусинок, идеально гармонировавшей с платьем.

– Нам, – указал маркиз на вторую, прекрасно дополняющую его наряд.

– А остальные не удивятся, что мы будем в масках?

– Не удивятся. Они тоже в них будут.

– Что это за театр? – изумилась Ара. – Или тематика вечера – маскарад? Я однажды была на подобном представлении...

– На таком точно не были. Скоро сами все увидите, – сообщил маркиз, помогая ей надеть маску и поправляя свою.

Потом выпрыгнул из кареты, властно отстранил подбежавшего лакея и сам протянул Аре руку.

– Прошу, мисс.

Девушка положила чуть подрагивающие пальцы на его уверенную ладонь и покинула убежище кареты.

– Не раз проезжала мимо, но не знала, что это театр, – заметила Ара, пока они шли ко входу, осматривая здание – с изящными пропорциями, но довольно непримечательное. По такому скользнешь взглядом и не запомнишь, что видел. Обычно театры богато украшены скульптурами и лепниной, ярко освещены, а в дни представлений из окон и дверей льется музыка, перед крыльцом теснятся экипажи, просители подаваний и громкоголосые зазывалы.

Но здесь ничего подобного не наблюдалось. Здание молчало, а встретивший их швейцар, тоже в маске, почтительно, но без единого слова, поклонился и проводил внутрь.

– И не припомню, чтобы кто-то из моих приятелей о нем рассказывал...

– Сюда пускают не каждого, только по личному приглашению. Все, кто надо, о нем знают, – ответил маркиз, кивая в ответ, какому-то джентльмену в маске, потом другому, отсалютовавшему им бокалом с шампанским.

Ара напряглась, невольно вцепившись в его локоть.

– Вы с ними знакомы?

– Понятия не имею, они же все в масках.

Однако это обстоятельство не мешало людям собираться в компании, оживленно общаться. Ара заметила, что даже леди ведут себя свободней, чем-то обычно бывает: активно участвуют в дискуссиях, громко, на грани приличий или даже слегка за ней, смеются. Одна брюнетка в роскошном темно-изумрудном платье в пол, маске с перышками и с соблазнительной мушкой над губой улыбнулась маркизу.

Действительно... необычный театр.

Словно маски в, какой-то степени раскрепощали людей и позволяли им игнорировать некоторые условности. Ара пока не знала, как к этому относиться.

Маркиз, опять-таки отстранив услужливого лакея, сам снял с нее плащ с пелеринкой. Несколько джентльменов скользнули по девушке взглядом, и она внутренне сжалась, в этот момент особенно остро чувствуя отсутствие нижнего белья. Казалось, любому достаточно посмотреть на нее, чтобы догадаться о непристойной тайне, и за масками, которые у части гостей скрывали лицо целиком, прячутся многозначительные ухмылки и презрение.

Подошедший сзади маркиз легонько сжал ее локоть, и Ара вздрогнула.

– Не нервничайте так, вы же со мной.

Как ни парадоксально, после его слов действительно стало легче, хотя боялась она именно быть застигнутой в компании лорда Кройда.

– На меня смотрят, – шепнула она.

– Скажите кто, и я вырву им глаза. – Он произнес это спокойно и без улыбки.

– Перестаньте так шутить, – неуверенно произнесла Ара, которая вдруг засомневалась, правда ли он шутит.

Тут появился слуга с колокольчиком и дал первый звонок. Часть гостей потекла в зал, остальные допивали напитки и прощались до антракта.

– Раз моя дама не желает кровопролития... – Маркиз поцеловал кончики ее пальцев, подставил локоть и повел Ару в зал.

Он ничем особо не отличался от других виденных ею, разве, что скромными размерами, на полсотни мест, не больше.

– Это частный театр, – заметил маркиз, помогая Аре устроиться в ложе, из которой

отлично просматривалась сцена, и сам сел рядом, слегка отодвинув кресло назад. – Кстати, артисты здесь – любители, выступают бесплатно, ради искусства.

– Правда? Действительно никогда не бывала на любительских постановках, если не считать шарад, которые мы с друзьями устраивали на Рождество. Кроме последнего года, когда мы...

Ара осеклась.

– ... когда вы отмечали его в узком семейном кругу, – невозмутимо dokonчил маркиз.

Девушка с досадой прикусила губу и отвернулась, делая вид, что рассматривает остальных гостей.

Зачем она поделилась с лордом Кройдом такой личной подробностью? С человеком, по чьей вине они, как раз и не смогли устроить обычный пышный прием ввиду банкротства отца и его тяжелого душевного и физического состояния, вызванного обрушившимися на него несчастьями.

И почему Ара в последнее время, как-то упускает из виду, какую роковую роль в судьбе их семьи сыграл маркиз? Может быть, потому, что она не привыкла ежесекундно подогревать в себе ненависть и устает от этого чувства? Хочет простого человеческого общения, а рядом – только лорд Кройд... Наверное, какая-нибудь героиня романа Сесиль смогла бы день и ночь пылать праведным гневом – аж простыни бы тлели, – спать с кинжалом под подушкой и кидать в лицо маркизу смелые колкости, но Ара никакая не героиня. Она обычная девушка, которая прекрасно понимает, чем грозят такие бессмысленные выходки, и просто хочет по мере сил помочь семье.

– Знаете, смешно, но порой я забываю, что вы мне никакой не приятель, – с горечью произнесла она.

– Не забывайте. Я вам не приятель, никогда им не был и никогда не буду.

Ара обернулась: лицо маркиза, полускрытое тенью, ничего не выражало.

– Я это учту, – тихо ответила она и отвернулась к сцене, где подняли занавес.

Свет быстро гас под первым звуком увертюры, и девушка незаметно для себя погрузилась в представление, чтобы за волнующей любовной драмой, модной в этом сезоне, забыть о собственных трудностях.

Даже удивительно, что маркиз привел ее на эту постановку. Папенька на ней заснул и всхрапнул на весь зал, к вящему стыду маменьки, а вот Ара с Сесиль тогда прыснули в веера от смеха.

Маркиз не спал, в какой-то момент он даже придвинулся вместе с креслом, оставаясь чуть позади, и Ара поймала себя на том, что сосредоточиться на сюжете труднее, когда его горячее дыхание касается обнаженной шеи – волосы сегодня будто нарочно были убраны наверх. Но девушка не оборачивалась, старательно игнорируя волнующую близость.

Тут влюбленные на сцене после пылкой ссоры и не менее пылкого объяснения начали самозабвенно целоваться.

Ара приоткрыла рот от изумления. Они по – настоящему целовались! Во всех виденных ею ранее постановках в подобные моменты герои заключали друг друга в страстные объятия, максимум могли приблизить друг к другу уста, и в этот момент свет на сцене приглушали, или падал занавес. Но артисты, которые, как и зрители, были в масках, похоже, никогда не слышали про это негласное правило: они даже не слегка соприкасались губами, а будто пожирали друг друга!

Девушка посмотрела в зал и не увидела ни одного удивленного лица: кажется, только ей

из всех присутствующих происходящее казалось странным. Кинув еще один беглый взгляд на сцену, она все же не выдержала, отвернулась и внезапно встретилась глазами с маркизом. Он смотрел не на сцену – на Ару, изучая выражение ее лица, и на четко очерченных губах блуждала легкая усмешка.

– В чем дело, мисс Эштон? Вам не по нраву физические проявления великой любви? Лучше ограничиться высокими словами и возвышенным лобызанием рук?

Ара спокойно посмотрела на него, не собираясь доставлять лорду Кройду удовольствие своим замешательством.

– Вы правы: подобное на сцене представляется мне неуместным. Пожалуйста, предупредите, когда поцелуй закончится.

Маркиз перевел взгляд на сцену.

– О, как раз завершился! Можете поворачиваться, впереди самое интересное.

Ара так и сделала. Несколько мгновений непонимающе наблюдала, как героиня страстно срывает со сценической возлюбленной хиндостанскую шаль, какими нынче щеголяли дамы высшего света, затем избавляет от перчаток, не забывая прижиматься губами к каждому дюйму обнажающейся кожи, тянет с ее плеч платье, между делом увлекая девушку в альков, прикрытый прозрачными газовыми занавесками, впрочем, ничего не скрывающими, и до нее вдруг начало доходить...

Ара судорожно сжала подлокотники, оглядывая невозмутимый зал.

– Они, что... он... она... они собираются....

– О да, моя маленькая чопорная леди. Я же сказал: это особенная постановка. Без цензуры, если быть более конкретным.

Происходящее просто не укладывалось у Ары в голове. А вот несколько пар в зале, не обращая внимание на соседей, решили взять пример с любовников на сцене: одни, не стесняясь, целовались в губы, руки других вдруг оказались в декольте дам или скользнули к ширинкам джентльменов, соответственно...

– Я не буду на это смотреть! – сипло произнесла Ара, вскакивая, и устремилась к двери ложи. Но стоило потянуться к ручке, в замке щелкнуло.

– Будете, – спокойно произнес маркиз, который даже не шелохнулся. – Вы сейчас сядете на место, как хорошо воспитанная девушка, досмотрите представление, а в конце похлопаете артистам, благодаря их за старательное выступление.

– Нет, – прошептала Ара, чувствуя, как подступают слезы.

– Да, – холодно отрезал маркиз. – Сядьте. Не вынуждайте меня вставать. Вам это не понравится.

Со всей ясностью Ара поняла, что придется сделать, как он сказал.

– Почему вам нравится мучить меня? – прошептала она, сделав слабый шаг обратно.

– Это не мне нравится мучить. Это вам нравится мучиться. Объясните мне, непонятливому, может, в подобном чувстве есть некая неизъяснимая прелесть?

Он вдруг протянул руку и дернул Ару на себя, усаживая на колени. Девушка, охнув, уперлась ладонями ему в бедра.

– Немедленно отпустите!

Но он лишь плотнее прижал ее спиной к своей груди, одной рукой перехватив поперек живота, а второй придерживая за плечо.

– Зачем? Мне куда больше нравится смотреть представление именно так.

– Это не нравится мне, – прошипела Ара. – Я не пятилетний ребенок, чтобы сидеть у вас

на коленях!

– Кажется, мы уже выяснили, что в этом месяце мои желания первоочередны, и вы их выполняете. И да, вы совсем не пятилетний ребенок. Детей я к себе на колени не сажаю.

Дернувшись еще пару раз и осознав, что все бесполезно, девушка прекратила сопротивляться, лишь попыталась отодвинуться, как можно дальше, но маркиз тут же пресек эту попытку, прижав ее обратно, так тесно, что Ара чувствовала, как его сердце сильно и размеренно бьется ей в спину.

– Чего вы добиваетесь, заставляя меня смотреть, как другие люди занимаются... занимаются распутством?

– Самым естественным на свете процессом.

– Естественно это наедине с супругом, за закрытыми дверями опочивальни, а не на глазах у десятков незнакомых людей, – с презрением ответила она. – А сейчас они просто... совокупаются. – И все-таки не выдержала, покраснела, впервые в жизни произнесла это слово вслух.

– Предаются любви, это ведь любовная драма, – насмешливо поправил маркиз, взглянул на сцену, где герой уже поставил партнершу на четвереньки, и задумчиво склонил голову набок: – А вот теперь совокупаются.

– Омерзительно, – прошептала Ара, отворачиваясь.

– А вот я, подобно остальным гостям вечера, нахожу это возбуждающим, – прошептал лорд Кройд, мягко, но категорично разворачивая ее лицо обратно к сцене.

Словно в доказательство его сердце застучало быстрее.

Рука потянула с плеч Ары газовый шарфик, открывая декольте.

– Кажется, до конца представления вам это не пригодится: здесь тепло, и нет посторонних.

Ара напряглась всем телом, судорожно прижав стиснутые кулаки к коленям, но больше лорд Кройд ничего с нее снимать не стал. Успокаивающе провел от плеч к локтям, поглаживая.

– Тише... не нужно так бояться. Я ведь не сделал вам ничего дурного. Просто посадил к себе на колени. Вам это настолько неприятно?

– А вам правда есть дело до моих чувств? Вы, что, отпустите, если скажу: «Да, неприятно?»

– Отпущу... если скажете это искренне. Но я не чувствую, что вам противны мои прикосновения. Скажите, Ара, вам противно? – он заскользил губами возле ее шеи, не касаясь, лишь глядя теплым дыханием.

И вдоль спины невольно побежали мурашки... Ара поерзала, внезапно отчетливо ощутив место соприкосновения их тел, разделенных лишь тончайшей тканью ее платья и брюками, и бельем маркиза... если на нем было белье. Она не ответила, вместо этого кивнула на сцену, с которой неслись полные наслаждения стоны и скрип кровати.

– Какая женщина на такое согласится?

– Самая обычная, к слову, из высшего света, которая, как и вы, однажды просто пришла на представление, а потом захотела тоже принять в нем участие, – маркиз мягко провел по ее волосам, отводя их в сторону, и легко-легко, словно бабочка крыльями, коснулся губами за ушком. Но от этого едва ощутимого прикосновения тело обдала волна горячего трепета, и Ара прерывисто втянула в себя воздух, чуть выгнув спину. – Хотите, можете после представления пройти за кулисы и лично задать ей все интересующие вопросы, а может...

сами поучаствовать?

– Нет! – испуганно дернулась она.

Маркиз же не заставит ее?! Не заставит?

Шею опалил жаркий вздох. В основание волос ткнулся нос, а поперек талии обвилась уже обе руки, притягивая ее ближе.

– Ну вот, снова вы напряглись. Как же вас легко испугать, Ар-ра... – В его устах это звучало урчащей лаской.

– Перестаньте, не хотите – значит, ничего не будет. Ш-ш-ш...

Мужские руки мягко заскользили, поглаживая, успокаивая, рассеивая страхи, которые их же владелец и внушил.

Ара не понимала, что с ней происходит: сидеть на коленях у лорда Кройда и смотреть на то, как другие люди бесстыже выставляют таинство брака напоказ, было по-прежнему некомфортно. И в то же время... в то же время его прикосновения, дыхание в волосах, ощущение его сильного твердого тела, рук наполняло ее негой...

– Вы спросили, зачем я это делаю? – прошептал маркиз, легонько водя пальцем по ее позвонкам, обрисовывая каждый. – Мне просто... приятно: приятно дотрагиваться до вас, вдыхать запах ваших волос, кожи... от вас так хорошо пахнет, Ара... – он погладил кончиком носа ее шею, вдохнул. – Приятно чувствовать вас так близко, – поцеловал в основание волос, – ощущать, как вы слегка дрожите от моих прикосновений...

Его шепот гипнотизировал, обволакивал, лишал воли. Голова закружилась, и голос маркиза сливался с далекими стонами, но Ара почти забыла, чьи они.

Все, что имело значение – голос, погружающий ее в алое томление, и нежные объятия...

– Скажите... а вам это приятно?

– Да... – услышала она едва слышный ответ, соскользнувший с ее собственных губ.

– Ну вот, а говорите, я вас мучаю... Знаете, что такое настоящая мука? Непередаваемая пытка? Пытка – это держать вас сейчас в руках, знать, что на вас нет белья, а между ног с каждой секундой становится все мокрее и горячее... – голос из убаюкивающего становился все более глубоким, объятия – требовательными, руки скользили по телу Ары, уже не согревая, а распалая, передавая жар. – Мука – смотреть на них, – кивок на сцену, – и представлять на их месте нас с вами... – Пальцы потянули вверх ее подол дюйм за дюймом. – Воображать вас под собой, покрытую капельками пота, дрожащую, чуть испуганную и ждущую того, что обязательно произойдет. Наблюдать, как ваши глаза подергиваются поволокой страсти, стирающей все страхи и сомнения, как вы чуть-чуть раздвигаете для меня ноги, – мужские руки действительно слегка развели ее бедра, – и тут же замираете, тяжело дыша... Пытаетесь вновь свести их, но я не позволяю. Не позволяю вам передумать, отступить... – Пальцы впились так, что наверняка останутся синяки.

– Замолчите! – выдохнула Ара, выгибаясь то ли в попытке высвободиться, то ли от скручивающегося внутри невыносимого напряжения.

Пересохшее горло горело огнем, зрительный зал плыл и качался, растворенный в их с маркизом жарком дыхании, а голос продолжал нашептывать на ухо:

– Хочу, чтобы ты вся была открыта для меня, поэтому разведу тебе ноги широко-широко, наслаждаясь твоим смущением, сбившимся дыханием, умоляющим взглядом. Ты ведь будешь умолять, Ара? – Он ощутимо прикусил ухо, потянул и отпустил мочку. Лизнул в шею. – Сперва будешь умолять не делать этого, а потом – взять тебя. И я возьму. И наконец-то услышу, как ты стонешь, когда я буду погружаться в тебя, раз за разом все глубже и

резче... увижу ошеломление и удовольствие в твоих глазах, осушу губами слезы, почувствую, твое первое робкое движение навстречу, неожиданное для тебя самой...

Между ног уже всю горело, почти причиняя боль, и Ара вдруг поняла, что тихонько двигает бедрами в такт словам, трется о маркиза, а он в свою очередь притягивает ее к себе, ритмично вдавливаясь в ягодицы своим твердым и таким горячим пахом, что удивительно, как брюки еще не вспыхнули.

– Нет! – судорожно всхлипнула она, перехватывая его руку, скользнувшую ей между ног, но опоздала на доли секунды и лишь накрыла ее своей ладонью, усиливая нажим.

Маркиз мучительно застонал, ткнувшись лицом ей в плечо.

– Такая мокрая...

Потом быстро приподнял Ару за талию, торопливо высвобождая пуговицы из петель, расстегивая свою ширинку.

И снова прижал ее к себе, только уже не через брюки. Впервые соприкоснувшись обнаженной кожей, они оба глухо застонали, словно обожженные. Платье Ары сбилось на поясе, оголяя ее ниже талии – но слава Богу в темноте из-за бортика ложи этого не видно, – а вот маркиз был по – прежнему полностью одет, только брюки приспущены.

От его тяжелого хриплого дыхания сердце Ары сходило с ума.

Но почувствовав, как его горячее естество прижалось прямо к ее промежности, девушка испуганно дернулась, рывком выныривая из зыбучего алого дурмана.

– Нет, конечно, нет... – прошептал маркиз, угадав причину страха, – мы не станем делать этого здесь. – И потянул ее, откидывая на себя, мягко обхватил грудь.

Где-то далеко голос разума еще твердил, что так нельзя, что это неправильно, но он слабел с каждым движением бедер, тогда, как рождаемое трением горячих тел сладко-болезненное напряжение росло, как морской шквал.

И если бы маркиз дотронулся до нее еще раз, там, внизу, то шквал обрушился бы на Ару, унес с собой, но мужчина больше этого не делал. И Ара сама невольно раздвинула ноги шире, прогнулась до ломоты в пояснице...

– Маленькая жадина, – хрипло рассмеялся он ей в ухо, тут же сдавленно зарычал, и этот звук отозвался в ней горячей судорогой.

Маркиз же напрягся и, задышав рваными глотками, отодвинул Ару от себя. Прижался мокрым лбом к ее плечу, прикусил кожу, выдохнув:

– Господи, что я творю...

Девушка протестующе всхлипнула, когда он перестал двигаться, невольно вдавливаясь в него ягодицами и чувствуя, как он дрожит.

И лорд Кройд, что-то пробормотал сквозь зубы, развернул Ару боком, резко сдернул с ее плеча платье, обнажая одну грудь, и вобрал в рот сосок, поглаживая и пощипывая второй пальцами сквозь ткань.

Отступившая была истома хлестнула между ног яркой судорогой, и еще одной, в такт посасывающим движениям его рта. А затем без всякого предупреждения Ара рухнула в черноту, закричав от взорвавшегося в каждой точке тела и разума наслаждения.

Но маркиз быстро зажал ей рот ладонью и держал, пока не стих последний спазм. Потом быстро и аккуратно ссадив ее на кресло, выдавил:

– Я скоро. – И покинул ложу.

К возвращению маркиза Ара уже успела окончательно прийти в себя и оправить одежду. В голове царил полный сумбур. Да, смотреть на мужчину было неловко, но не так обжигающе стыдно, как можно было предположить. Лорд Кройд же вел себя, как ни в чем не бывало, и, наверное, эта его спокойная убежденность в естественности произошедшего передалась и Аре.

Он опустился в соседнее кресло, взял ее за руку, переплел их пальцы и просидел так до конца представления. На второй любовной сцене лишь поцеловал ее в раскрытую ладонь, породив в низу живота отголосок испытанного наслаждения, и крепче стиснул пальцы.

Ара же невидяще глядела на сцену, тогда, как все чувства сосредоточились на их сомкнутых руках, на глубоком размеренном дыхании мужчины рядом, на его пьянящем аромате, и ее сердце то лихорадочно колотилось, то замирало, и в груди разливалась странная сладкая боль, не имеющая ничего общего с недавней истомой.

Спектакль длился чуть больше часа, без антракта, и, когда включили свет, все хлопали, включая Ару.

Покидая ложу, она заметила, что некоторые гости направляются не на выход, а в, какие-то неприметные дверцы по бокам от сцены.

– Куда они? – спросила она у лорда Кройда. – Там есть другой выход?

– Там есть специальные комнаты для желающих продолжить вечер. Особенно они популярны у тех, кто приехал без пары или хочет разнообразить свою семейную жизнь.

Ара в немом изумлении уставилась на сошедшуюся возле одной из таких дверей парочку в масках. Несколько слов, и они исчезли внутри.

Девушка кинула взгляд на маркиза, почти ожидая от него насмешливого предложения проследовать туда и лично удовлетворить любопытство, но лорд Кройд молчал. Только сосредоточенно смотрел перед собой, чуть хмурясь, и держал ее за руку так крепко, словно боялся, что Ара вырвется.

Но в, какой-то момент на лестнице их все-таки разделил поток людей, и оказавшийся рядом высокий брюнет в фиолетовой бархатной полумаске улыбнулся Аре. При обычных обстоятельствах, в другом месте, и не сбитая с толку этим странным чувством, поселившимся в груди, она бы просто проигнорировала нарушителя этикета или ответила ледяным взглядом. Но сегодняшним вечером, под влиянием нового ощущения, которое то жгло, то щекотало изнутри, словно пузырьки игристого вина, улыбнулась в ответ.

Почти сразу ее снова нашел маркиз, и они уже без приключений спустились в холл, к которому примыкал гардероб. Ара зябко поежилась: от центральных дверей дуло.

– Ваша накидка, – вспомнил лорд Кройд, – мы оставили ее в ложе. Постойте здесь, сейчас принесу. – Он направился обратно к лестнице, прорубаясь теперь уже против движения потока, Ара же отошла немного в сторону.

Неподалеку беседовала компания джентльменов, и, проходя мимо, девушка услышала:

– ... прекрасное вложение! – бокалы с шампанским чокнулись, празднуя, какую-то сделку одного из мужчин.

Ара невольно улыбнулась. Не потому, что в этом было, что-то веселое или смешное, а потому, что рука еще хранила тепло пальцев маркиза, бережно сжимавших ее половину представления, а ладонь – прикосновение его губ, и девушке хотелось улыбаться безо всякой

причины.

– Да, старик Эштон продал земли за бесценок, – усмехнулся тот самый счастливчик. – Это ж надо быть таким ослом: прогореть дважды. Сперва потерять фабрики, а затем отдать за сущий пустяк и землю, через которую вскоре проложат железную дорогу. Я уже видел чертежи: через год я наварю на перепродаже вдесятеро больше.

– Умеешь ты чують прибыль, – восхитился третий собеседник. – Снова звон бокалов, смех.

И теплые пузырьки в груди Ары превратились в ледяные иглы, продирающиеся к сердцу. Внутри стало пусто и холодно.

Заметив, что с силой скребет ногтями ладонь, будто пытается стереть, соскоблить незримый след от прикосновения маркиза, девушка отошла от компании, празднующей банкротство ее отца, и пятилась, пока не очутилась в, каком-то тихом коридорчике, из которого было видно оживленный холл, наполненный людьми, прекрасно проводшими этот вечер.

Вслед за пустотой сердце вдруг кольнула такая невыносимая боль, что девушка согнулась почти пополам, хватая ртом воздух и прижимая руку к груди в безотчетной попытке хоть, как-то унять эту агонию и чувство глубокого, до тошноты, отвращения. Не к лорду Кройду – к себе.

Пока ее отец угасает телом и духом, а семья тонет в долгах, она ездит по театрам и развлекается с человеком, который их хладнокровно уничтожил. Позволяет ему вытворять с собой все, что заблагорассудится. Но горше всего было осознание, что ей это... нравилось. Что чувствовала в происходящем правильность, которой нет и быть не может. Что правильного в том, чтобы позволять трогать себя безнравственному мерзавцу, который еще месяц назад, должно быть, вот так же привозил сюда мисс Коннорс, шептал ей на ухо те же пошлости, так же переплетал их пальцы, а потом...

«... получил желаемое и, узнав, что я ношу под сердцем его дитя, вышвырнул, как грязь...»

«Я вам не приятель, никогда им не был и никогда не буду».

И все произошедшее вдруг предстало в совершенно ином свете: таком грязном и омерзительном, что по щекам поползли горячие дорожки, впитываясь в шелк маски.

Никакая физическая боль не сравнится с тем, что ощущала Ара в тот момент. Вспоминая и свою глупую улыбку, и странную волну радости в те мгновения, когда маркиз крепче сжимал ее руку, чтобы не потерять в потоке гостей, и, как наряжалась для него дома, она чувствовала себя такой жалкой, что хотелось вылезти из собственной кожи.

Вот чего он добивался: чтобы Ара предложила не просто свое тело, а всю себя: целиком, без остатка. Чтоб теряла голову не просто от вожделения, а от желания принадлежать ему каждой клеточкой своего существа, чтоб подменить ее установки своими, выкрасить черное в белое. Чтоб раскрылась перед ним так глубоко, как только возможно, а потом всадить в нее кинжал разочарования, удара которого она уже не перенесет...

И сегодня Ара балансировала на грани. А ведь интуитивно чувствовала надвигающуюся опасность уже в карете перед представлением – тот смутный страх неизвестности... Еще чуть-чуть, и маркиз добился бы своего. Еще чуть-чуть, и... она бы в него влюбилась.

В наступившем отрезвлении Ара поняла, что все еще прижимается спиной к холодной стене коридора, и ощутила злость: расклеилась, стоит тут, утопая в жалости к себе, тогда, как на свете есть множество людей с куда более весомыми причинами для слез.

Девушка сделала глубокий вдох, успокаиваясь, приподняла маску, смахнула слезы чуть дрожащими пальцами и тут же вернула ее на место, услышав в коридорчике шорох.

– Добрый вечер, – произнес тот самый улыбнувшийся ей на лестнице брюнет в фиолетовой бархатной полумаске, приближаясь.

Ара застыла. С одной стороны, ей претило беседовать с человеком, которому ее не представил по всем правилам общий знакомый, с другой, совсем ничего не ответить, наверное, тоже было не лучшим вариантом, поэтому девушка пробормотала хриплым после слез голосом:

– Добрый вечер. – И сделала движение в сторону холла, но брюнет лениво прижал ладонь к стене, перегораживая выход.

– Этот вечер только, что стал еще более добрым и... приятным, – произнес он и небрежно провел костяшками по обнаженной коже ее плеча.

Ара вздрогнула, сделав шаг назад, и не успела опомниться, как он прижал ее к стене, обдав горячим дыханием.

– Какие шелковистые волосы... – Рука потянула и отпустила ее отпружинившую прядь и скользнула по телу, собственнически касаясь груди, бедра, и внезапно сжала промежность сквозь ткань. – Они у тебя везде такие?

Ара окаменела, чувствуя поглаживающий ее внизу палец. Понимала, что нужно вырваться, дать пощечину, что-то сделать и... стояла в полном оцепенении. Такое с ней было однажды в зоопарке, когда из вольера вырвался лев и несся по дорожке прямо на нее: тетушка Бэтси отпрыгнула в сторону и кричала Аре, как и другие посетители, а вот она не могла шевельнуться и осталась жива в итоге лишь потому, что зверя застрелили за пару метров до нее, прямо в прыжке.

И вот сейчас девушка испытывала тот же парализующий ужас: от уверенной настойчивости, с которой ее трогали чужие руки, от осознания, что мужчина, пусть и не атлетически сложенный, все равно гораздо выше и сильнее ее, а коридор в стороне от холла, и, криком привлекая внимание других гостей, она рискует быть узнанной кем-то из них.

После такого Ара до конца жизни не отмоеся...

Она только и сумела, что выдавить:

– Я пришла не одна... – и попытаться сделать шаг в сторону, но мужчина уже откровенно навалился, вжимаясь в нее горячим бугром на штанах.

– Тогда он идиот, что оставил тебя. Я бы такую женщину не упустил. Дай мне шанс доказать, что я намного лучше, и не пожалеешь.

– Я не та, за кого вы меня принимаете, – снова попыталась выскользнуть Ара, но сопротивление лишь распалило его.

– Брось, я не ханжа, а ты не девственница, по ошибке попавшая на это представление. Я умею доставлять удовольствие.

Ара вдруг поняла, что вырваться не удастся, а любые слова возмущения будут восприняты им, как лицемерие, потому, что он прав: женщины, которые не разговаривают с незнакомцами, на такие спектакли не ходят.

Главное сейчас – выбраться из этого коридора...

– Ты не ошибся, – прошептала она, приблизив губы к его уху и прекратив сопротивляться. – Мне давно хотелось сравнить. – Она чуть изогнулась под его ладонью с тихим стоном, и мужчина, почувствовав перемену, перестал прижимать ее рукой к стене, зато сильнее вдавил пальцы второй ей между ног, сминая ткань.

– Да... хорошо... – всхлипнула Ара с полуприкрытыми глазами, прислонившись затылком к стене и чуть шире раздвигая бедра. – Вижу, что ты действительно знаешь, как доставить удовольствие. Но только не здесь... найдем свободную комнату...

Мужчина колебался, слишком возбужденный, явно желающий получить свое прямо сейчас.

– Не здесь, – повелительно повторила она хрипловатым голосом и укусила его за ухо. – И после сегодняшней ночи ты будешь целовать мне ноги и умолять о второй встрече.

Тот задышал тяжело, с присвистом, и чуть отодвинулся.

– Хорошо, пошли... – Но отойти они не успели, потому, что в тот же миг, какая-то бешеная сила откинула мужчину от Ары и швырнула на противоположную стену.

Этой силой оказался лорд Кройд, который не дал незнакомцу подняться самому, а вздернул его за шею одной рукой и приподнял над полом так легко, будто тот был тряпичной куклой, а не сравнимым с ним по росту и весу мужчиной.

Пленник сперва пытался отодрать стальные пальцы от своей шеи, но вскоре уже просто хрипел и дергал ногами, быстро синея.

– Прекратите, – опомнилась Ара, бросившись к ним, – вы его задушите!

Маркиз повернул голову, и она отшатнулась: лицо снова заострилось, как и кончики зубов, а в глазах не осталось ни одного проблеска мысли – только беснующаяся тьма, и на миг девушке показалось, что он сейчас просто протянет вторую руку и сломает ей шею.

– Кто он тебе?! – прорычал маркиз низким незнакомым голосом, от которого вздыбились волоски у нее на шее, и мигнули лампы, и встряхнул несчастного, снова прикладывая затылком о стену.

– Никто! Вижу его впервые в жизни! – вытолкнула Ара пересохшим горлом.

– И поэтому позволяешь этому якобы незнакомцу трахать тебя пальцами, как последнюю подстилку, и предлагаешь продолжить в комнате?! Не смей лгать мне Ар-ра! – Ее имя прозвучало пугающим раскатистым рыком, а пальцы сдавили чужую шею до хруста, и девушку замутило.

– Вы сейчас убьете его... – прошептала она.

– Тогда это послужит ему хорошим уроком впредь не трогать чужое. – Маркиз приблизил свое искаженное яростью лицо к незнакомцу, чьи глаза за полумаской уже закатывались. – Слышал? Она МОЯ!

Ару вдруг окатило волной ответной ярости.

– Простите ему эту ошибку: он не знал, что в нынешнем месяце только вы имеете право делать из меня подстилку!

Хотелось произнести это язвительно, а получилось устало и горько.

Маркиз застыл, пару мгновений не шевелился, а потом разжал пальцы, и мужчина упал на пол, судорожно кашляя и с хрипами втягивая воздух. На шее проступали багровые отпечатки, маска свалилась, болтаясь на одном ухе, но ни Ара, ни лорд Кройд даже не взглянули на его лицо, потому, что оно не имело никакого значения.

– Едем домой, – сквозь зубы произнес маркиз и, схватив Ару повыше локтя, потащил обратно в холл. Хватка причиняла боль, и приходилось буквально семенить рядом с ним, но она молча терпела.

Лорд Кройд тоже молчал и не обращал внимания на удивленные взгляды, которыми их провожали. Взяв в гардеробе одежду, дергаными движениями набросил на Ару плащ, оделся сам и, снова впившись стальными пальцами, повел ее к выходу.

Толкнул с дороги швейцара, рванул дверь, и в лицо ударил поток холодного ночного воздуха вперемешку с дождем, успевшим налить перед крыльцом огромную лужу.

– Велю подождать экипаж, – бросил маркиз и, прошлепав в ботинках прямо по воде, зашагал в сторону карет.

Оставшись одна на крыльце, Ара почувствовала, как ее начинает трясти. Даже не трясти: ее откровенно колотило. Скопившееся напряжение выплескивалось наружу дрожью в пальцах, которым никак не удавалось плотнее запахнуть края плаща, и противной слабостью в ногах.

– Карета подана, мисс Эштон, – произнес глухой мужской голос.

Ара повернулась, рассчитывая увидеть их кучера, но вместо него наткнулась на приземистую тень. Лицо незнакомца скрывала тень от надвинутого по самые глаза козырька.

В тот же миг кто-то, зашедший сзади, прижал к ее носу едко пахнувший платок, и мир закружился. Ара еще попыталась вырваться, позвать на помощь, но обмякшее тело не слушалось, а с губ сорвался даже не шепот – тень шепота:

– Асгарт...

В накатившем следом беспомоществе она уже не чувствовала, как чужие руки подхватили ее и понесли к стоявшему в стороне экипажу.

Очнувшись в тряской темноте, Ара не сразу поняла, где она. Судя по шуму, в карете. В памяти кружились лишь, какие-то обрывки, и каждый толчок экипажа отзывался резкой болью в затылке. Огни... музыка... гости... стоны... бурные аплодисменты... ее рука в руке маркиза... Ах да, представление... Чужие ладони, мнущие ее тело... бешеная тьма в нечеловеческих глазах... страх... А дальше – провал.

Может, заснула на обратном пути из театра? Тогда почему першит в горле и груди, как при простуде, запястья стянуты спереди, и, что-то мешает во рту. Ара шевельнулась, и это движение отозвалось такой резью в затылке, что она тихо застонала.

– Тише, – пригрозил незнакомый сиплый голос, и в ребра ткнулось холодное острие.

Девушка застыла, вдруг осознав, что ее маска куда-то делась, а рядом сидят двое незнакомцев: один бок о бок с ней, второй – на сидении, напротив.

– Будешь скулить, и я найду, чем еще заткнуть твой хорошенький ротик, – пообещал все тот же голос.

Мужчина напротив явно нервничал и поглядывал в окно.

– Кончай с ней лясы точить!

– Да чего ты кипешуешь, мы ведь просто болтаем, правда, красавица? – С обманчивым дружелюбием произнес первый, придвинувшись при последних словах к Аре. И от этого дружелюбия внутри у девушки заледенело.

В мментальной вспышке вспомнилось и крыльцо, и некстати образовавшаяся лужа, рука, прижавшая к ее носу, кисло пахнувший платок... Вот почему в горле и груди скребет: из-за той гадости, что она вдохнула! А карета так трясется, потому, что летит на огромной скорости, шатаясь из стороны в сторону. А еще потому, что это не комфортабельный экипаж, к которым Ара привыкла: сидения чуть мягче досок, и рессоры плохие, почти не смягчают толчки. Как раз под стать двум субъектам, одетым в неприметные обноски, какие могут носить портовые грузчики, и пахнущим отнюдь не флердоранжем...

Запястья ее связаны, а во рту кляп, зафиксированный сверху платком. Язык словно распух вдвое от жажды... О Господи... ее похитили!

В голове все еще стоял туман, мешающий четко думать. Но он постепенно рассеивался.

Что им нужно? Хотят получить выкуп? Думали, что подловили на выходе из театра богатенькую леди, а на деле у ее отца – ни гроша...

Карету снова трянуло, и Ара невольно застонала от прострелившей затылок боли.

– Кому сказали, ни звука! – рявкнул второй, нервный, и ударил ее по лицу.

Ару никогда прежде не били, поэтому она не знала, что простая пощечина – это так больно. Лучше б и дальше не знала: на щеку будто кипятком плеснули, в ушах зазвенело, заболела губа.

– Тише ты, она ж не просто баба, а ледь, – проворчал первый и вдруг дернул вниз закрывающий ее рот платок, вынул кляп и протянул Аре флягу. – Пить хочешь?

Не просто хотела: умирала от жажды и желания вымыть тот кислый вкус, от которого все во рту горело огнем. Девушка с благодарностью прижалась губами к горлышку, сделала большой глоток и тут же поперхнулась, закашлялась: не вода, а, какое-то пойло, настолько крепкое, что, кажется, содрало всю кожу в пересошем горле и обожгло ссадину на губе от пощечины, аж слезы выступили.

– Ну-ну, красавица, – со смехом похлопал ее по плечу первый. – Вот и умница. Хочешь еще? – Он снова протянул флягу, но на этот раз Ара отодвинулась. Взгляд упал на разорванный подол платья. Наверное, это случилось, когда они затаскивали ее в карету.

– Чего вы хотите? У меня нет денег... – прошептала она.

– Слыхал? – обратился первый ко второму. – У нее нет денег. Плохо, красавица, – покачал он головой, словно искренне сокрушался, и погладил щеку Ары своим заскорузлым пожелтевшим от дешевых сигарок пальцем.

Девушка дернула головой, сбрасывая его руку. Ужас от осознания собственной беспомощности захлестнул волной.

Страх нарастал с каждой секундой, но ни освободить руки, ни деться куда-то из мчащейся на полной скорости кареты она не могла. Здесь не театр, где, пусть и с риском разорвать репутацию в клочья, можно было позвать на помощь. За окном мелькал глухой ночной лес.

– Отвали от нее, – одернул второй, снова выглядывая в окно. – Сейчас главное убраться подальше. А, как получим вторую часть, на любую бабу залезешь.

Первый вздохнул, но руку убрал. Подмигнул Аре:

– А может, по добру? От тебя уже не убудет, так хоть порадуем друг друга напоследок, а, красавица? Не с тем ты кувыркалась...

Напоследок?.. Не с тем?

А ведь там, на крыльце театра, ее окликнули по имени. Выходит, хватали не наугад: им нужна была именно Ара... Но тогда похитители наверняка знают о банкротстве ее семьи. Врагов у нее нет... Тогда почему?..

И разум ударила догадка: маркиз! Это сделали из-за него!

– Послушайте, если вы думаете, что лорд Кройд за меня заплатит, то жестоко ошибаетесь: я ничего для него не значу, – обратилась она скороговоркой ко второму, который внушал больше надежды – он же осадил первого! – Если вы сейчас просто меня отпустите, обещаю, что обо всем забуду и не стану...

И тут же получила от него новую пощечину, по подбородку поползла горячая струйка.

– Заткнись! – прошипел он.

– Да хватит уже ей рыло портить, – лениво произнес первый. – Пусть поболтает напоследок, от тебя не убудет.

И снова это «напоследок»...

Все внутри Ары оборвалось от страшного осознания: они не собираются требовать выкуп. Они ее убьют. Убьют и получат от кого-то оставшуюся часть платы. И сейчас неважно, кто и почему их нанял. Может, из-за тех темных ящиков, что маркиз вывозит на рассвете, или кто-то мстит ему за застреленного в карточном доме джентльмена, или... лорд Кройд многим успел перейти дорогу. Поэтому никакие попытки достучаться до похитителей не сработают. И остался только сжимающий горло ужас, подскакивающая на ухабах карета, рев крови в ушах и удары сердца, разрывающие грудь.

Внезапно в стенку постучали – то ли кучер, то ли третий поделник, бывший на козлах. Второй опустил стекло и выглянул в окно. Внутри ворвался холодный ветер, принесший конское ржание и свист кнута. Пару мгновений мужчина всматривался в темноту, а потом выругался, схватив с сидения пистолет.

– За нами хвост! – бросил он напарнику. – Догоняет.

Тот снова подмигнул Аре:

– Не бойсь, мы тебя никому не отдадим, красавица! – И тоже схватился за пистолет.

Второй опять высунулся в окно, и его глаза расширились от изумления и страха.

– Он, что, дьявол?!

Мужчина пальнул в темноту. Выругался, промахнувшись, снова пальнул.

А в следующую секунду, что-то с силой приземлилось на крышу кареты, слегка прогнув ее, и мимо окна пронесся взнузданный конь без седока.

И тут начался настоящий кошмар: похитители палили в крышу, орали ругательства, сверху сыпались щепки. Ара забила в угол и молилась, чтобы раскачивающаяся карета не перевернулась, и никакая шальная пуля не попала в нее.

Снаружи дико заржали кони, гроыхнуло несколько выстрелов, вскрикнул, как от ужасной боли, какой-то мужчина, и экипаж, развернувшись на полной скорости, встал поперек дороги. Обоих похитителей швырнуло на противоположную стену, Ара упала на пол, больно ударившись. Пару секунд карета балансировала на двух колесах, словно раздумывая, не упасть ли, и вернулась на все четыре с оглушающим грохотом.

Повисла жуткая гнетущая тишина, а потом дверцу кареты – нет, не открыли и даже не распахнули – оторвали.

В проеме стоял маркиз. Вернее, кто-то, прежде бывший им.

На вытянутых тенями или игрой воображения пальцах блестели когти, фигура словно раздалась ввысь и вширь, а глаза пылали обжигающим огнем. Они остановились на разорванном подоле Ары, перебежали на ее разбитую губу, и в зрачках завихрилась чья-то смерть.

Он протянул руки и выволоч еще не успевшего очухаться первого похитителя, отшвырнул на полдюжины метров и двинулся на него.

Мужчина вскрикнул, ударившись о землю, подхватил выпавший пистолет, вскочил и направил дуло на маркиза. Третий похититель – кучер, – спрыгнул с козел и метнулся к нему сзади. Грянул выстрел. Лорд Кройд лишь слегка повел корпусом – просвистевший в дюйме от шеи кусочек металла вцепился в дерево, – перехватил запястье с оружием, развернул, с треском ломая, и упер дуло в подбородок кучеру. Грохот, вспышка огня, и голова мужчины дернулась назад, вслед за фонтанчиком крови и вылетевшей насквозь пулей. Вопль первого из-за сломанного запястья еще не отзвучал, а маркиз уже с силой всадил в него руку, пробивая грудь насквозь, и с кончиков когтей сорвались капли. Толкнул ногой, сбрасывая с себя безжизненное тело.

Рядом дико заорали, и второй похититель выпрыгнул из кареты и бросился к лесу, но маркиз походя, почти лениво крутанул его голову на пол-оборота. Вставшее на место затылка лицо удивленно уставилось на Ару, моргнуло, и мертвое тело повалилось на землю рядом с таким же мертвым приятелем.

А маркиз, не останавливаясь, шел к карете.

Ара вдруг поняла, что истошно вопит, срывая связки и пытаясь отползти от надвигающегося на нее кошмара с окровавленными руками и горящими глазами.

В тот миг, когда он запрыгнул внутрь, девушка потеряла сознание.

А очнулась уже на сидении, со свободными руками. И снова чуть не закричала, увидев склонившееся над ней нечеловеческое лицо. Крика не вышло, получалось только стучать зубами и лихорадочно отталкивать от себя этого нелюдя, который, что-то говорил, спрашивал, тормозил ее. Разум впал в оцепенение, и ее тело дергалось по инерции, сопротивляясь шарившим по нему рукам.

– ... ранена? – донеслось откуда-то через вату. – Ара, они тебя тронули? Ты меня слышишь? Тебе больно?! – Какие-то звуки, смысл которых до нее не доходил. Да и не было смысла, ни в чем больше не было смысла, был только животный выворачивающий наизнанку ужас, а перед глазами раз за разом ломалась чужая шея, и когтистая рука пробивала насквозь грудную клетку живого человека.

Он... он и ее сейчас так же?.. Он ведь их... убил... убил! Убил!! Всех троих...

Или нет, не станет ее... он ведь спрашивает, ранена ли...

– Не тронули... – едва слышно выдавила девушка.

Маркиз перестал ощупывать Ару и стиснул ее лицо скользкими от чужой крови ладонями, выдохнув:

– Слава богу...

Слава... Богу? Вот его-то тут сегодня точно не было...

Ара вдруг поняла, что уже не отталкивает мужчину, а просто дрожит всем телом, и из глаз текут слезы. Маркиз собирал их губами, слизывал с ее щек, как животное, покрывал поцелуями лоб, скулы, веки, бормоча:

– Не бойся... все позади... девочка моя... они тебя больше не тронут... не бойся...

Не понимая, что напугавший Ару до полусмерти монстр держит ее в своих объятиях. И она чувствует, как он напряжен, как тяжело дышит, и, что руки уже не ощупывают ее в поисках ран, а гладят: обнаженные плечи, шею, грудь, колени.

Горячий рот спустился по щеке, прижался к разбитым губам, даря болезненный соленый от ее слез и ее же крови поцелуй, без всякой нежности, напористо, требуя отклика. Язык властно раздвинул зубы, столкнулся с языком Ары, и на затылок легла ладонь, не давая отстраниться, углубляя проникновение.

А в следующий миг она уже лежала на сидении, придавленная сверху тяжелым телом. И если девушку до сих пор трясло от шока, то у маркиза возбуждение схватки перетекло в возбуждение иного рода, которое сейчас упиралось в живот Ары.

Его губы были повсюду: прижимались к ее рту, шее, ключицам, груди, которую он обнажил одним рывком, снова ко рту. Кажется, он даже не замечал упирающихся в него рук и попыток уклониться. Он... он, что, собирается сделать это с ней прямо сейчас?! После того, как меньше чем за минуту убил трех человек, один из которых лежит перед распахнутой дверцей кареты и укоряюще смотрит на них навеки остекленевшими глазами? Когда раздвигающие ее бедра руки – в чужой крови?!

И ладони отчаянно били в каменную грудь, тело изгибалось, уклоняясь от прикосновений и соленых поцелуев.

– Не отталкивай меня, Ар-ра, – полупопросило-полуприказало чудовище утробным рыком, перехватывая ее запястья, – не сейчас...

– Не надо, Асгарт, только не здесь, не перед ними! – умоляла она, чувствуя, как его пальцы скользят по внутренней стороне бедер, крепко впиваются, не давая свести ноги.

– Не могу... остановиться, – обжигающий выдох, и снова глубокий поцелуй, которым он словно пытался слиться с ней навеки. – Не могу, Ар-ра, останови меня...

А в промежность уже вжимается чужая горячая плоть, и его дыхание такое громкое и хриплое, словно он бежал много миль. Руки жадно мнут ее груди, шарят по телу, стискивают, оглаживают, трогают, сдавливают, зубы прикусывают плечо, потом ухо, ставя на ней метки. И в полутьме кареты их дыхание смешивается, и Ара уже не понимает, от чего ее трясет – по-прежнему от страха и отвращения к неправильности ситуации или грубых

обжигающих ласк и ужасной в свете произошедшего сладкой слабости в низу живота.

Услышав сдавленный мужской стон, она вдруг, каким-то внутренним чутьем поняла, что это уже не стон возбуждения: маркизу очень больно, но он все равно не останавливается. Да он же прямо сейчас нарушает договор! – дошло до нее. Он ведь не может принудить Ару к близости против воли, а она еще, как против! И сердце под ее пальцами бьется в совершенно безумном, бешеном ритме, которого долго не выдержит, как тогда, когда Ара попыталась ускользнуть с постоянного двора и едва не поплатилась за это жизнью...

– Помнишь... говорил... что быть в тебе... стоит... остановки сердца... – выдавил маркиз, и на побелевшем от боли лице выступил пот.

И Ара, до конца не понимая, что делает, скользнула ладонью вниз, обхватила твердое и горячее, чуть пульсирующее у нее в руке.

– Покажи, как надо, покажи, как тебе помочь... – прошептала она.

Маркиз подавился воздухом и громко гортанно застонал, когда ее пальцы коснулись его плоти. Тело над ней напряглось, словно сведенное сильнейшей судорогой.

Наконец, выдохнув и прикрыв глаза, он накрыл ее ладонь своей и начал двигать. И хотя он так и не проник в нее, Аре казалось, что их тела и души соединились и движутся в одном ритме, от которого оба задыхаются, кусают губы друг дружки, сплетаются языками, дрожат и стонут. А потом маркиз коротко с облегчением зарычал, и на живот ей выплеснулось, что-то горячее.

Они долго лежали, успокаивая дыхание, приходя в себя. Ара чувствовала, как наваливается чудовищная усталость. Если б маркиз сейчас захотел взять ее, она бы не смогла и пальцем пошевелить, чтоб остановить его.

Но он осторожно отстранился, вытер ей живот своей сорочкой, которая валялась на соседнем сидении, оправил платье и легко даже не поцеловал, а коснулся ее губ своими. Потом вынес Ару из кареты на руках, укутал в плащ и помог забраться в седло: тот самый конь, который во время погони проскакал мимо окна, спокойно дожидался хозяина под деревом, пощипывая травку. Запрыгнув следом и прижав к себе девушку одной рукой, лорд Кройд направил его прочь из этого леса. Не в силах больше противиться усталости, Ара откинула голову на мужское плечо и задремала.

Очнувшись в следующий раз, Ара узнала, что проспала двое суток. Она чувствовала небольшую слабость и головокружение, но в остальном, кажется, была совершенно здорова, о чем и сообщила расспрашивающей ее Мари, которая все это время дежурила при ней на стуле возле кровати.

– Как Его Сиятельство-то обрадуется! – всплеснула руками горничная. – Он чуть не каждый час справлялся о вас и замучил бедного доктора. Сейчас побегу, скажу ему!

При упоминании маркиза Ара стиснула края одеяла до побелевших костяшек: разум проснулся окончательно и вместе с ним пришли воспоминания – тряская теснота кареты, выстрел, хруст сломанной шеи, крики боли, нечеловеческая сила, горящая чернота в глазах, когти... нет, не могло их быть... ей примерещилось от шока, или воображение пририсовало, пока она спала...

Вернувшись, служанка передала сообщение от лора Кройда:

– Его Сиятельство желает подняться сюда и лично убедиться, что вы в добром здравии...

Ара сглотнула пересохшим горлом: она не готова была сейчас видеться с маркизом, но прекрасно помнила, к чему приводят ее отказы.

– ... однако, если вы пока не чувствуете к тому сил, то он будет рад видеть вас за ужином. Если же ваша слабость и этого не позволит, то Его Сиятельство не настаивает, – докончила Мари к изумлению Ары.

Он, что... предоставил ей возможность отказаться?

Ара облизнула губы, прочистила горло:

– Передай, пожалуйста, маркизу, что мне нужно некоторое время, чтобы прийти в себя.

Девушка удалилась, и Ара напряженно ждала, не сводя глаз с двери и ежесекундно ожидая, что та распахнется от разъяренного пинка. Но Мари вернулась одна, с подносом, прикрытым колпаком, и пожеланиями от маркиза скорейшего выздоровления.

Ковыряя ложкой суп, Ара пыталась собраться с мыслями и понять, что чувствует. Слишком много всего произошло в тот вечер: тепло руки маркиза, странное томление в груди, от которого и больно, и хочется любить весь мир, подслушанный разговор, как ушат холодный воды... а потом ее похитили, чуть не убили, дважды за ночь пытались изнасиловать, и, наконец, в результате погибли три человека... Да, они были негодьями и, возможно, за целую жизнь не совершили ни одного хорошего поступка, зато причинили много горя... и все же, все же они были живыми людьми. Людьми, у которых имелись матери, девять месяцев носившие их во чреве, быть может, жены и дети, не виноватые в том, что родились у таких отцов...

А их жизни оборвались в одну секунду, потому, что они хотели забрать жизнь Ары, за которую кто-то посулил им достаточно соблазнительный куш. Оборвались выстрелом, треском шеи и вырванным сердцем.

– Вы не голодны, мисс Эштон? – с беспокойством спросила Мари, и Ара поняла, что механически размазывает желе по тарелке круговыми движениями. – Еще бы: столько пережить! Нападение на господский экипаж! Куда катится мир...

Вот, значит, как маркиз объяснил слугам и ее состояние, и их прибытие верхом...

– Мне уже достаточно, спасибо, Мари, а теперь я бы хотела побыть одна, – она

отодвинула тарелку. – Передай повару, что суп был отменным.

И только, когда девушка удалилась с подносом, Ара вспомнила, что, кажется, не попробовала ни ложки.

До вечера она оставалась в постели, хотя больше не спала, только наблюдала в окно, как солнце соскальзывает с неба, постепенно окрашивая его в розовато-сиреневые тона, и плавится красно-золотой ниткой на горизонте.

Что теперь с ней будет? Как собирается поступить маркиз? Едва ли пойдет к констеблям сознаваться в тройном убийстве. Ему не привыкать отнимать чужие жизни. Но и винить его Ара не могла: это было бы мерзким двуличием – бросать ему в лицо обвинения, тогда, как он спас ей жизнь...

И такая раздвоенность чувств, от которой горел лоб и раскалывалась голова, сводила ее с ума.

Вечером Ара позвонила в колокольчик и велела пришедшей Мари передать маркизу, что готова с ним отужинать. Горничная исполнила поручение, а потом помогла принять ванную и одеться. Разбитая губа полностью зажила, но это Ару уже не удивило. Девушка все еще чувствовала слабость, однако желание определенности было сильнее. Она не станет прятаться в комнате, испытывая его терпение и оттягивая неизбежную встречу. Лучше, как можно скорее узнать, что маркиз намерен делать – с ней и вообще. Хотя перед дверью она все же остановилась и несколько раз глубоко вздохнула, отгоняя слабость при воспоминании о жестоком чудовище с обгавленными кровью руками и обжигающей неправильной близости в карете.

Лорд Кройд встал при ее появлении, внимательно разглядывая Ару, хотя у самого на лице не читалось ни единой эмоции.

– Рад, что вам лучше, – произнес он, приближаясь, и протянул руку...

Ару захлестнуло волной бесконтрольного ужаса, заставившего судорожно попятиться. Взгляд задержался на его пальцах... никаких когтей.

И лишь мгновение спустя до девушки дошло, что он просто хотел отодвинуть для нее стул. Она уже оправилась от испуга, но реакция не осталась незамеченной. По бесстрастному лицу маркиза пробежала тень, и он медленно отступил, возвращаясь на свое место.

Какое-то время за столом царило молчание, и звон столовых приборов, хотя, кажется, у лорда Кройда было не больше аппетита, чем у нее.

Наконец тишину нарушили.

– Должно быть, вы желаете поскорее вернуться домой, – произнес маркиз так, словно продолжал свободно текущую беседу.

Сердце заколотилось быстрее.

– Месяц еще не истек, – осторожно ответила Ара, делая вид, что поглощена нарезанием бифштекса на кусочки.

– И именно поэтому ваше желание неосуществимо. Договор не позволит вам уехать от меня раньше срока, и тут я бессилён.

Лорд Кройд не стал уточнять, насколько усердно пытался обойти это условие, а Ара не стала спрашивать.

– К тому же, – продолжил он, – отпускать вас было бы неразумно и опасно до тех пор, пока я не выясню, чего хотели те люди, и кто их нанял.

Девушка вспомнила дважды повторенную обмолвку первого похитителя.

– Они хотели меня убить, – едва слышно произнесла она.

Вилка с ножом замерли в мужских руках, и Аре показалось, что серебро вот-вот согнется подобно пластилину. Но ответил лорд Кройд прежним отстраненным тоном:

– Что ж, уже вопросом меньше.

Снова застучали столовые приборы. Наконец, Ара отложила свои, не в силах больше притворяться, что ест. Кусок в горло совершенно не лез.

– Вы убили тех людей... – тихо произнесла она.

Маркиз встретил ее взгляд через стол, и девушка вздрогнула, но глаза не отвела.

– Да, – бесстрастно подтвердил он. – И если вы хотите услышать, что я сожалею, то я не сожалею. Разве только о том, что теперь будет труднее установить личность заказчика. – Он вдруг усмехнулся улыбкой, больше похожей на шрам, и тоже отложил приборы. – Разве не об этом мечтают все женщины? Чтоб ради них проливалась кровь, и летели головы?

Нет, Ара не хотела, чтобы из-за нее летели головы, и чьи-то глаза навеки закрылись... или, наоборот, остались навеки открытыми.

Но она промолчала, понимая, что маркиз не ждет ответа. Еще, какое-то время он молча смотрел на нее, и Аре казалось, что в этом взгляде отражается почти ненависть, а потом подвинул к себе вишневый пудинг насыщенно-багрового цвета. Горка качнулась и задрожала от резкого движения. Ложка звонко ударила о тарелку, отрубая прозрачно-красный кусок, похожий на желированную кровь. Ара на миг прикрыла глаза. О Господи, кажется, она и впрямь начинает сходить с ума, не в силах выносить это напряжение...

Свободной рукой маркиз порылся в нагрудном кармане и, что-то ей протянул.

– Это вчера пришло вам.

И снова Ара не смогла удержать инстинктивный порыв и вжалась лопатками в высокую спинку стула, стремясь отодвинуться подальше от его руки. Но в ней оказался всего лишь небольшой квадратный конверт на четвертушку листа. На лбу лорда Кройда забились жилки, но он ничего не сказал, и Ара, прикусив губу, забрала послание. Оно было написано на светло-сиреневой бумаге, пахнувшей знакомыми сладкими духами. При ближайшем рассмотрении оказалось, что конверта нет: им служило само письмо, сложенное в несколько раз. Не вскрыто.

Ара сломала печать, сухо хрустнувшую в тишине комнаты, и расправила лист, уже зная, от кого весточка. И не ошиблась: Сесиль сообщала, что получила послание дорогой подруги, потом коротко и довольно бессвязно в своей экзальтированной манере перечисляла новости, а в конце, как бы вскользь роняла, что собирается такого-то числа заехать в Картвилль на целый день, чтобы пройтись по местным лавкам и посетить заведение «У мадам Луизы», чей горячий шоколад и сливочные эклеры снискали себе заслуженную славу лучших в трех графствах. И в оной кофейне она намеревается пробыть примерно с четырех до шести вечера...

Сесиль легкомысленна, но далека не глупа, и Ара прекрасно поняла намек и мысленно поблагодарила подругу за сообразительность. Та не стала выпытывать подробности ее приключения, хотя, судя по тону письма сторала от любопытства, и вообще составила его таким образом, что, попади оно в чужие руки, не скомпрометировало бы репутацию Ары. Итак, Сесиль предлагала встретиться в городке неподалеку отсюда, а назначенная ею дата уже через два дня. Ара вдруг поняла, что безумно хочет увидеть родное лицо, обнять подругу, хоть на миг забыть все беды в ауре жизнерадостности, которую всегда распространяет вокруг себя Сесиль, похожая на маленькую энергичную канарейку.

Но для этого придется обратиться с просьбой к лорду Кройду, а он, наверное, откажет по вышеупомянутой причине – опасность для жизни Ары, – или еще по, какой-то... Маркиз не спросил, от кого и по, какому случаю письмо, но сделал паузу, явно давая ей возможность самой рассказать, если захочет. Ара молча сложила лист по сгибам и положила рядом на салфетку.

– Я хотел бы вас кое с кем познакомить, – произнес наконец лорд Кройд. – Скажите, вы точно хорошо себя чувствуете? Сможете перенести часовую дорогу? Я не требую тотчас, можно и через пару дней.

Целый час в карете... почти такой же, как та, в которой Ару чуть было не...

А этот его друг, кто он? С чего такое странное желание маркиза? А вдруг он один из тех, кто помогает Его Сиятельству таскать окованные цепями ящики на рассвете? Но Ара удержала готовый сорваться с губ отказ. Что если взамен удастся договориться о встрече с Сесиль?

Лорд Кройд ждал ответа, и она медленно кивнула:

– Думаю, к послезавтрашнему дню я оправлюсь полностью и буду готова к дороге.

– Отлично, тогда выезжаем послезавтра.

Было видно, что маркиз доволен ее ответом, и девушка решилась на просьбу.

– Это письмо от моей подруги Сесиль, – кивнула она на конверт. – Через сутки она собирается провести целый день в Картвилле и хотела бы со мной встретиться хотя бы на два часа...

Ара умолкла, напряженно ожидая ответа. Лорд Кройд побарабанил пальцами по столу.

– Договорились: баш на баш. Я вас отвезу.

– Спасибо.

Маркиз посмотрел на ее губы и отвернулся.

В назначенный день они выехали после обеда. Правда, возле кареты произошла небольшая заминка: лакей уже любезно откинул подножку, Ара подалась вперед и... все. Тело парализовало, и она поняла, что не может сделать больше ни шага. Только смотрела на темный проем и слышала, как кровь шумит в ушах...

Девушка притворилась, что поправляет зацепившийся подол, и маркиз жестом остановил собравшуюся слезть с козел, чтобы ей помочь, Мари, а сам принялся отдавать распоряжения дворецкому, явно предоставляя ей время прийти в себя. Ара сжала кулаки, глубоко вдохнула, села в экипаж при посредничестве того же лакея и только после этого выдохнула. Ну вот, самое страшное позади. Никаких похитителей, никаких горящих тьмой глаз: обычные сидения, обычные петли, чтобы держаться на поворотах, обычный... маркиз, который устроился напротив нее и стукнул в стенку, веля кучеру трогаться.

Снова очутиться в тесном пространстве кареты наедине с лордом Кройдом оказалось... трудно. Ара прямо-таки осязала его присутствие каждым нервом, каждым вздыбившимся на шее волоском, хотя смотрела в окно, невидяще провожая проплывающий мимо пейзаж, и заметила, что изо всех сил сжимает пальцы, только, когда они вконец онемели. Той ночью в лесу в ней родился иррациональный страх перед маркизом, и девушка, сама, не отдавая себе отчет, жила в состоянии тревожного ожидания, украдкой вглядывалась в лицо мужчины, ища признаки надвигающейся опасности: казалось, его черты могут в любой момент заостриться, в глазах завихрятся смерчи, а отросшие когти пронзят грудь Ары, вырывая ее глупое сердце, которое сейчас сходило с ума в душном полумраке экипажа.

Она и раньше боялась лорда Кройда, но боялась с изрядной примесью ненависти, как превосходящего силами врага, жестокого и безнравственного, который может с легкостью сломать жизнь ей и ее близким. Нынешний же страх был сродни тому чувству, которое, верно, испытывали древние люди, покидая освещенную костром пещеру и всматриваясь в окружающую темень, слишком тихую и безмятежную, чтобы быть безопасной. Хищник выпрыгнет из нее и разорвет горло быстрее, чем жертва успеет осознать, что случилось...

У самого маркиза она ни о чем не спрашивала. Да и, что бы она ему предъявила: низкий рычащий голос? Когти? Пылающие глаза? Нечеловеческую силу? Или, что там еще может примерещиться похищенной и насмерть перепуганной девушке, висевшей на волосок от смерти?

Да, он ее пугал своей жестокостью и непредсказуемостью. Но вместе с тем не удавалось избавиться и от жарких воспоминаний, образы которых подменяли текущую по ее венам кровь кипящей лавой. И от этого запутанного клубка чувств по отношению к сидящему напротив мужчине ее непрерывно лихорадило последние два дня. Сейчас же, когда он так близко, ей... она...

– Может быть, приоткрыть окно? – бесстрастно предложил маркиз.

– Да, будьте добры. Здесь... очень душно.

Вот и весь их разговор за время пути.

Теперь их беседы были такими: короткими и редкими.

Нет, ссор больше не случилось, но между ними словно невидимая стена встала, раскидавшая их даже дальше, чем в начале знакомства, потому, что всякий раз, когда лорд Кройд делал жест в сторону Ары, или ей казалось, что делал, девушка непроизвольно

сжималась, отшатывалась и читала в его глазах едва сдерживаемый гнев. И с ужасом ждала того часа, когда он перестанет сдерживаться и сорвется, снова перевоплотится в то чудовище из кошмара. Это превращало каждое их даже самое мимолетное общение в фарс, когда она пыталась скрыть настороженность, а его лицо застывало в маску.

За истекшие недели Ара видела маркиза всяким: жестким и насмешливым, грубым и почти внимательным, возбужденным и соблазняющим, разъяренным и по – ледяному спокойным. Но порой думалось, что она ни разу не видела настоящего Асгарта Кройда. Или, наоборот, видела лишь раз – в том лесу.

* * *

Дом, к которому она подъехали, прятался в самом конце широкой, усаженной платанами аллеи. То ли лорд Кройд не удосужился предупредить своего друга об их приезде, то ли тот не отличался хорошими манерами, только встретили их слуги, а сам хозяин так и не появился. Однако маркиза это, кажется, ничуть не обескуражило.

Он помог Аре выбраться из кареты, поморщившись, когда она напряглась от его прикосновения до ломоты в мышцах, убрал руку и повел ее за дом.

Там раскинулся обширный сад из тех, что на первый взгляд кажутся почти не ухоженными, но при ближайшем рассмотрении все в них дышит любовью и уважением к растениям, которым дают право расти согласно их природе, а не кромсают в угоду человеку затейливыми фигурами. Ара представила, какая здесь, должно быть, сказка, когда все цветет. До этой поры осталось совсем не много времени.

Маркиз шел уверенно, он явно был тут частым гостем. Они несколько раз свернули, пока впереди не показалась оранжерея. Еще издали через приоткрытую дверь Ара увидела сидящую на коленях спиной к ним и склонившуюся над грядкой женщину или девушку с собранными на затылке светлыми волосами. И внезапно пришло в голову, что маркиз привел ее к одной из своих любовниц, вроде мисс Коннорс: он ведь не из тех, кто просто дружит с женщинами. Догадка отозвалась внутри яростью и странной болью. Если Ара права, то она не останется здесь ни секунды!

– Кто она? – не удержалась девушка, хотя собиралась дождаться, пока маркиз сам все объяснит.

– Моя мать.

От удивления Ара застыла посередине дорожки, лорд Кройд тоже остановился. Такого поворота событий девушка и представить не могла, и стало даже немного неловко за собственные недостойные мысли, благо о них знала только она сама.

– Должен предупредить, что она женщина старых порядков, поэтому вас мы ей представим, как мою невесту. А кольца на вас нет, потому, что помолвка пока держится в тайне.

Ара нахмурилась и посмотрела сквозь стекло теплицы: ей не нравилось, что придется с первых же минут обманывать новую знакомую.

– Но это ведь неправда. Что она подумает, когда узнает, что никакой свадьбы не будет?

– Не волнуйтесь, потом я вам изменю наиподлейшим образом, и вы, оскорбленная в лучших чувствах, расторгнете помолвку. Матушку мое поведение ничуть не удивит, а ваша

репутация не пострадает.

Идея нравилась Аре все меньше и меньше... Да, что там: она ей совсем не нравилась!

– Вы очерните себя за несуществующий грех? Зачем?

Лорд Кройд приподнял брови:

– Вы, что, волнуетесь о спасении моей души? Не стоит: вам ли не знать, что этих грехов на моей совести столько, что от одного лишнего она чернее не станет. Ваша репутация не пострадает, – повторил он.

Они говорили шепотом, но, видимо, женщина почувствовала чужое присутствие, потому, что обернулась и тут же легко поднялась с расстеленного на земле платка, на который опиралась коленями.

Отложила инструмент и двинулась к ним, на ходу снимая садовые перчатки.

– Как ты мог, Асгарт! – гневно воскликнула она.

Голос у матери маркиза был высоким и чистым, но не пронзительным. Наблюдая, как она приближается, Ара поняла, что грядет буря.

Миссис Кройд оказалась не молодой, но моложавой и удивительно привлекательной женщиной, не со светлыми, как привиделось издали, а совершенно седыми волосами (хотя на вид ей едва ли можно было дать больше сорока пяти, и то вычислив их из приблизительного возраста маркиза), однако это обстоятельство странным образом ее не портило, даже придавало шарм. А вот глаза, наоборот, были ярко-синими, очень живыми, как у молоденькой девушки. И такими же живыми были ее движения. Казалось, она не идет, а летит, танцует.

Когда она подошла, выяснилось, что она ниже Ары ростом, не говоря уже о сыне, которому не доставала и до плеча. Вообще, видя их рядом, оставалось лишь поражаться тому, что они родственники – настолько оба были разными во всем, в чем только можно различаться.

Если бы Аре до знакомства предложили представить мать маркиза, то она, верно, вообразила бы себе рослую брюнетку с жгучими черными глазами и властным не терпящим возражения голосом, а не эту миниатюрную фарфоровую куколку.

– Как ты мог не сказать мне, что приведешь гостью?! – топнула ножкой она, сверкая глазами, и повернулась к Аре. – Он ужасен, не правда ли, дорогая?

Ара так растерялась, что не знала, как реагировать на подобное начало.

– Матушка, позвольте представить вам мою невесту, мисс Эштон. И если бы я заранее сказал о нашем приезде, вы бы все эти дни не сомкнули глаз и сжили со свету слуг, заставляя их готовиться к приему.

– Что правда, то правда, – легко согласилась она.

– Мне очень приятно знакомство с вами, – сказала Ара, пожимая протянутые руки, сразу обе. Сказала совершенно искренне: женщина была похожа не солнечный лучик, из тех людей, что всегда при деле, всегда излучают энергию и обаяние.

– И мне, и мне, дорогая! Но Боже мой, что же делать! У меня нет ничего подходящего: если бы вы приехали завтра, то мне, как раз доставили бы отличный олений бок, а если бы вчера, то...

– Успокойтесь, матушка, мы приехали сегодня. И мисс Эштон здесь не для того, чтобы объедать вас. А ваша кладовая еще никогда на моей памяти не пустовала.

К слову, Ара понятия не имела, зачем она здесь. Чтобы обмануть эту добрую женщину, искренне огорченную, что не может принять их так, как желала бы? Внушить ложные

надежды, а затем разбить ей сердце лживой вестью о непостоянстве ее сына?

– Я уже говорила, что он ужасен? И, как вы его только терпите?

– С трудом, сударыня, – ответила Ара, не удержав улыбку и покосившись на маркиза. –

Но мы прервали вашу работу в оранжерее.

– Работу? – та обернулась через плечо, словно успела забыть, чем занималась до их появления. Отмахнулась: – Работа может и подождать. Ах, что же это я: держу вас на сквозняке и не пускаю в дом, а вы, верно, устали с дороги.

– Я ничуть не устала. Напротив, в последнее время обстоятельства складывались таким образом, что я почти безвылазно сидела в четырех стенах, поэтому рада побыть теперь на свежем воздухе, тем более в таком саду, как ваш.

Аре удалось произнести это совершенно невозмутимо.

Миссис Кройд о чем-то задумалась, чуть прищурилась:

– Скажите, мисс Эштон, как вы относитесь к садовым работам?

– Весьма положительно, сударыня. В нашем загородном доме, где я росла, тоже прекрасный сад...

Был. Пока им не пришлось заложить особняк и продать землю.

– ... пусть и не столь обширный, как ваш. Моя магушка больше... городская жительница, – хотя правильнее было бы сказать «комнатно-диванная», – поэтому его обустройством лет с тринадцати заведовала я. Мне нравится возиться с растениями.

– Чудно! Тогда, как вы смотрите на то, чтобы помочь мне с саженцами? Их привезли сегодня утром, и я совершенно ничего не успеваю!

– С удовольствием, – искренне ответила Ара.

Миссис Кройд хлопнула в ладоши и заявила сыну:

– На тебя приглашение не распространяется. И близко к своим розам не подпущу, даже если будешь умолять! – Судя по хмыканью это было последним, что собирался делать маркиз. – Поэтому тебя мы применим по другому назначению: прямо сейчас пойдешь на кухню и распорядишься об ужине, за который мне не придется краснеть. Или вы все-таки голодны, моя дорогая? Быть может, легких закусок?

– Благодарю, но мы пообедали перед выездом.

– Что ж, тогда после этого велишь слугам подготовить две гостевые спальни, – продолжила она перечислять распоряжения сыну. – Вы ведь останетесь у меня хотя бы на несколько дней?

– Только на одну ночь, завтра мисс Эштон встречается с подругой в Картвилле.

Миссис Кройд не сумела скрыть огорчения, а вот Ара едва скрыла изумление: маркиз не предупредил, что собирается здесь заночевать. У нее даже спальных вещей с собой нет, не говоря уже о сменной одежде!

– Как жаль! Но это не отменяет моего последнего распоряжения. И скажи, чтоб мисс Эштон поселили в соседней со мной комнате. Там чудный вид из окна, дорогая, – пояснила она Аре, и девушка почувствовала, что краснеет, догадавшись об истинной причине такого размещения. – А потом найди себе, какое-нибудь занятие и не мешай нам. Справишься?

– Приложу все силы, – чуть поклонился маркиз. – На этом приказы закончены?

– Вольно, солдат!

И хотя мать и сын за всю беседу не обменялись ни одной фразой, выражающей нежность и привязанность, невооруженным глазом было видно, что эти двое обожают друг друга. Аре снова стало не по себе: словно она подсмотрела в окно чужой праздник.

Праздник, который пришла испортить.

Как только маркиз скрылся из виду, миссис Кройд взяла ее под локоть и неспешным шагом повела к теплице.

– Не волнуйтесь, мисс Эштон, у меня есть запасной фартук. Я не столь жестока, чтобы заставлять гостей пачкаться с головы до ног!

– Благодарю, миссис Кройд.

– Я не миссис: никогда не была замужем. Можете называть меня Бланш.

Хорошо, что Ара в большинстве случаев умела не выдавать свои чувства, не выдала и на этот раз, а не то, верно, сильно обидела бы мать маркиза своим изумлением. Женщина, которую лорд Кройд представил, как придерживающуюся строгих правил в том, что касается приличий, и распорядившаяся разместить Ару в соседней с собой спальне именно ради соблюдения оных, родила... внебрачного ребенка?

Родители Ары, тоже люди старых порядков, такого бы точно не одобрили, и никакая безумная любовь, видимо, толкнувшая эту хрупкую женщину на прелюбодеяние, не послужила бы оправданием в их глазах. По правде сказать, Ару с детства приучали думать так же, и теперь она сама не знала, как относиться к признанию хозяйки дома. Распутницы по определению не должны нравиться и достойны лишь презрения, к которому была готова и сама Ара, решаясь на сделку с маркизом и заранее принимая все последствия. Но эта женщина была так не похожа на тех, кого Ара представляла под словом «распутница»... вообще-то мать маркиза ей нравилась. Размышления были отложены на потом, поскольку они уже переступили порог теплицы.

– Благодарю... Бланш. Вы тоже можете называть меня «Ара».

Женщина задумалась:

– «Ара» и «Асгарт» – звучит. Надпись будет отлично смотреться на свадебном торте!

Девушку вновь охватила досада на маркиза, вынудившего ее пойти на этот обман. Вводить в заблуждение мать лорда Кройда было, как-то особенно неприятно, оставляло мерзкий привкус в душе. Или это очередной урок, который она должна усвоить? Но в чем его смысл?

Помимо фартука Аре выдали еще перчатки и платок, чтоб расстелить на земле. Девушка ожидала, что мать маркиза набросится с расспросами, по большей части неудобными, ведь понятно, что она затеяла совместную работу и удалила сына специально, чтобы пообщаться наедине. Но женщина снова удивила, поинтересовавшись любимым сортом роз Ары...

И девушка не заметила, как пролетело несколько часов, к концу первого из которых она была уже совершенно влюблена в свою собеседницу, от которой словно исходили свет и радость жизни. И так же незаметно для себя она рассказала довольно много личного...

В свою очередь, мать маркиза предложила не стесняться и задавать любые вопросы, но Ара воздержалась, не желая заставлять эту женщину раскрываться перед той, кому вскоре предстояло нанести ей болезненную рану. Однако по некоторым обмолвкам заключила, что Бланш происходила не просто из состоятельной семьи, принадлежавшей к высшему обществу, но одной из самых богатых и влиятельных на континенте. Даже странно, что Ара про нее раньше не слышала... Может, отчасти происхождение и стало причиной ее падения? Девочка, с первых же дней жизни окруженная любовью и всеобщей заботой, не знавшая ничего, кроме добра и ласки, думала, что все люди такие, а, когда выросла и встретила двуличного мерзавца, то по наивности своей посчитала его любовью всей жизни? И впервые столкнулась с неприглядной действительностью...

– Простите за нескромность, Ара, – прервала размышления Бланш, – но сколько вам лет? Моему сыну повезло, что кто-то более шустрый не перехватил такое сокровище до него.

Ара ничуть не обиделась на вопрос, хоть и облеченный в комплимент, но все равно довольно бестактный из-за заключенного в нем намека, потому, что понимала: мать маркиза задала его из искреннего интереса, а не, чтобы уязвить. Эта женщина вообще все делала искренне, наверное, поэтому Ару так к ней тянуло.

– Не извиняйтесь: вы правы, я уже в том возрасте, когда многие мои ровесницы не по одному разу познали радость материнства. Мне двадцать один... Как же случилось, что я до сих пор не замужем? Право, трудно объяснить... Моя семья не бедствовала, я единственный ребенок, и приданое отец предлагал хорошее... Джентльмены не сказать, чтобы преследовали вниманием, но и не сказать, чтобы обходили им. Предложение мне однажды делали, и несколько раз ситуация была на грани, но... не сложилось.

Ара отвечала откровенностью на откровенность: после представления королеве на балу дебютанток в возрасте восемнадцати лет девушка или скорее ее приданое привлекло внимание сразу нескольких потенциальных женихов – для этого родители и тратят целые состояния, вывозя дочерей в столицу на сезон балов и приемов, который длится с весны по лето. Ни один из них не завоевал сердце, но двое или трое были вполне достойными партиями, которые оказывали ей знаки внимания, свидетельствовавшие о серьезности намерений, а потом... просто перестали замечать, буквально одновременно переметнувшись к другим леди и едва ли не отворачиваясь от нее при случайных встречах.

Когда это произошло впервые, Ара несколько дней проплакала, придумывая себе несуществующие изъяны, верно, послужившие причиной произошедшего, и матушка была непривычно внимательна, забыв ненадолго даже о собственных нервах, мигренях и прочих многочисленных «тяжких» недугах. Она даже решила, что дочь была влюблена в одного из тех господ и теперь рыдает над поруганными чувствами. Тогда-то Ара и взяла себя в руки: ведь куда хуже было бы, если б матушка оказалась права, и уязвленным осталось сердце, а не гордость и надежды на обретение семейного если не счастья, то по крайней мере благополучия. Чтобы все, как у всех.

Спустя время огорчение забылось, а на горизонте появился новый внушающий надежды знакомец, который... испарился с этого горизонта так же резко. Был еще господин Невил год назад, с которым у Ары зашло дальше, чем у прочих: он объяснился с девушкой, не меньше часа расписывая ей прелести брака, основанного на взаимном уважении и глубоком дружеском чувстве, подкрепленном слиянием их семейных состояний, и маменька даже уже выбрала атлас для подвенечного платья и заказала в газету объявление о помолвке... как вдруг сей господин, приехав поздним вечером в до неприличного неурочный час, даже не попросил – потребовал в довольно истеричной форме разговора тет-а-тет с Арой. Конечно, подобного ему никто не позволил – во время беседы присутствовал еще отец.

А сам незадачливый ухажер буквально в ногах у девушки валялся, умоляя разорвать помолвку. Даже готов был во всеуслышание объявить себя склонным к мужеложеству и, если она пожелает, скотоложеству. Таких жертв Ара от него не потребовала, более того – согласилась и на странную просьбу бывшего жениха игнорировать его, если они случайно где-то столкнутся, и всячески выказывать к нему презрение и нерасположение, когда кто-нибудь спросит ее мнение о нем. Это его желание было нетрудно выполнить, поскольку сама девушка прониклась откровенным отвращением к тому, кто, переменяв решение, не нашел более достойного способа выйти из неприятной для обоих ситуации.

Благо хоть объявление о помолвке успели перехватить по пути к наборщику...

После этого Ара не то, чтобы потеряла надежду, но... смирилась.

А во время совместного с Сесиль посещения ярмарки гадалка объявила, что причина ее любовных неудач кроется в порче, которую наслал некий черный человек... Ара не слишком-то поверила, прекрасно понимая, что гадалкам нужно отбивать полученные деньги, а приземленным пустяком люди не удовлетворятся – то ли дело услышать, что во всех их несчастьях виноват злой рок или таинственный недруг. Зато Сесиль посмотрела на подругу с таким откровенным ужасом и сочувствием, словно уже обряжала ее в саван. Для нее венец безбрачия и был равносильен смертному приговору.

А потом появился лорд Кройд, за отказ которому Ара расплачивалась прямо сейчас... Всего этого она, конечно, не стала рассказывать его матери.

Женщина отложила рыхлилку, стянула перчатки и заключила лицо Ары в ладони. Ее руки были мягкими и теплыми.

– Ты сделаешь моего мальчика счастливым, – сказала она таким серьезным и уверенным тоном, что Аре тут же захотелось во всем сознаться.

Лгать в лицо духа не хватило, и она опустила глаза:

– Почему вы так решили?

– Потому, что ты первая и единственная девушка, которую он привел сюда. – Бланш погладила ее щеку, поцеловала в лоб и отстранилась.

Ара чуть вздохнула.

– Знаете... порой мне кажется, что я не та, кто составит счастье Асгарта, и задаюсь вопросом, не поспешили ли мы с этим браком... – с запинкой произнесла она.

– Ты его любишь?

– Что? – Ара вскинула голову и столкнулась с ясным взглядом ярко-синих глаз. Таких лучистых, словно они принадлежали ребенку. Словно никогда в жизни не видели ни минуты горя, бед или потерь. Впрочем, едва ли маркиз убивал кого-то на глазах у матери...

– Ты любишь моего сына? – спокойно повторила Бланш.

– Я... боюсь тех чувств, которые он мне внушает.

– Тогда я могу вздохнуть с облегчением: тревога и сложная смесь чувств гораздо лучше твердых заверений в том, что ваши титулы и положения в обществе отлично подходят друг другу, – весело улыбнулась та, ставя точку в серьезном разговоре.

Только, когда начало смеркаться, обе опомнились и засобирались в дом. Бланш корила себя, что совсем замучила гостью, и Ара заверила ее, что совсем не чувствует усталости.

Она чувствовала совсем другое, и это чувство заставило ее метаться по выделенным покоям, куда девушку проводили, чтобы она могла немного отдохнуть и привести себя в порядок перед ужином. Там же Ара почти без удивления увидела кое-что из своих вещей, подаренных маркизом и, верно, упакованных Мари по его приказу и проделавших путь сюда на крыше кареты. Здесь был даже ее набор кремов!

Девушка раздраженно отвернулась от них и снова принялась мерить комнату нервным шагом, когда дверь скрипнула, впустив лорда Кройда. Вместо того, чтобы возмутиться, что он в нарушение всех приличий пришел к ней в спальню и даже постучать не удосужился, она подскочила к маркизу и буквально накинулась на него.

– Как вы могли?! Как могли поставить меня в такое ужасное положение!! – разъяренно воскликнула она, сжимая кулаки.

– Вам настолько не понравилось работать в саду? Так сказали бы об этом матушке

сразу, она бы не обиделась.

– Мне не понравилось лгать в лицо хорошему человеку! – отрезала Ара.

– Похоже, вы занимались не только этим на протяжении последних часов, в противном случае я восхищаюсь вашей выдумкой и изворотливостью. А я уж было подумал, что вы нашли общий язык...

– Перестаньте паясничать. Вы, что, правда не понимаете, как это низко?! Не понимаете, что разобьете ей сердце из-за своей минутной прихоти. Она заслуживает лучшего...

– Сына?

– Отношения. Лучшего отношения, Асгарт.

Ара умолкла, вдруг осознав, что впервые назвала его по имени не только вслух, но и про себя. И отчего-то почудилось, что и лорд Кройд это понял.

– Работа на свежем воздухе пошла вам на пользу, мисс Эштон: такой вы нравитесь мне куда больше, чем, когда вздрагиваете и бледнеете от каждого моего движения.

Ара устало приложила ладонь ко лбу и опустила на край кровати.

– Вы должны были заранее предупредить меня, к кому мы едем. Должны были рассказать хоть, что-то, рассказать о ее положении...

– Положении?

– Я назвала вашу мать «миссис Кройд», и она поправила меня, сказала, что никогда не было замужем. И мне неприятно...

«... что я поставила ее в неловкое положение», – хотела закончить Ара, но маркиз не дал этого сделать, поняв все по-своему.

– Неприятно? – перебил он таким низким шелестящим голосом, что Ара удивленно подняла глаза, не понимая, что его рассердило. А лицо мужчины уже потемнело, начиная проявлять те признаки, которые она настороженно выискивала последние два дня. – Неприятно?! Так вот, что вас на самом деле волнует: соблюдение этих ваших лицемерных ханжеских приличий! – буквально выплюнул он. – То, что у нее была внебрачная связь! Что, добродетельной Дэйнаре Эштон претит находиться под одной крышей с такими людьми?!

– Асгарт, вы неправильно поняли, я...

– Bravo, мисс Эштон. Сколько драмы, сколько фарса и пафоса: я уже почти поверил, что вы проявляете заботу о ней!

– Но я действительно...

– Можете успокоить свою совесть: моя мать не прелюбодейка. Ее изнасиловали, когда ей было пятнадцать лет, и поседела она именно в ту ночь. Узнав, что она ждет ребенка, ее отец, и человек, которого я никогда не назову дедом, выгнал дочь из дому, а вся семья отреклась. Одному богу известно, что ей довелось пережить в следующие восемнадцать лет, пока я не встал на ноги и не смог обеспечить ей мало-мальски приемлемый уровень жизни. Как видите, я с момента своего зачатия воплощаю все, что вы так порицаете. Сможете ли вы порицать меня за то, как я появился на свет?

Ара ошеломленно молчала. Маркиз тоже умолк и тяжело дышал, стоя спиной к ней и опираясь о подоконник. Затем выпрямился и, обернувшись, посмотрел на нее с чувством, с, каким никогда прежде не смотрел – глубочайшим презрением:

– Знаете... и слава Богу, что мы с вами не одного поля ягоды. Спешу обрадовать: договор позволяет сокращение срока до трех недель. Так, что через два дня на рассвете вы наконец навсегда от меня избавитесь.

И не дожидаясь ответа, покинул комнату широким шагом.

Ара еще, какое-то время смотрела на захлопнувшуюся дверь, а потом опустилась на край кровати и закрыла лицо руками. Она не плакала, но оплакивала: и загубленную молодость девушки, за которую никто не вступился в тяжелейшее время, и боль покинувшего эту комнату мужчины, и свои с ним раз за разом проваливающиеся, а теперь уже окончательно провалившиеся попытки найти общий язык.

Вспомнилось, как по наивности приписывала наивность Бланш, навоображала себе роковую страсть, опереточного мерзавца... а все намного проще, жестче и прозаичней. Вспомнились и по-детски чистые синие глаза, обладательнице которых в ее фантазиях повезло наслаждаться безмятежной жизнью в любви и роскоши. Какой трудный путь порой прячется за улыбками и внешним благополучием, на которое всегда найдутся завистники и недоброжелатели... Сколько трагедий скрывается за кажущейся легкостью!

Наверное, только те, кто пережил настоящее горе, подобное этому, и не сломался, могут смотреть на мир такими мудрыми лучистыми глазами.

И сидя в той комнате, Ара приняла решение, что ни за, что не испортит матери маркиза сегодняшний вечер. А еще придумает другое объяснение разрыву «помолвки».

Ужин прошел гладко и в оживленных беседах. Правда оживление текло в основном по двум практически не пересекающимся каналам: между Бланш и Арой с одной стороны, и маркизом и Бланш с другой, несмотря на явные усилия последней втянуть их в общий диалог. Ара старалась поддержать инициативу – она не таила обиды на лорда Кройда за его необоснованные обвинения и брошенные в гневе слова, – да и он делал со своей стороны все, что мог, ничем не выдавая размолвки, однако вместо разговора у «молодых» выходил, какой-то любезный, но неживой обмен репликами на уровне вопрос-ответ.

Бланш, конечно, заметила пробежавший между ее гостями холодок и всячески пыталась растопить лед. И под конец ужина ей это удалось: все трое рассмеялись над, какой-то шуткой, которую Ара через минуту уже и не помнила, зато запомнила, какими улыбками они обменялись.

Перед отходом ко сну Бланш пригласила Ару пройтись по саду. На маркиза предложение тоже распространялось, но он его отклонил.

Две леди уже были возле дверей, когда появившаяся экономка попросила хозяйку на пару минут по срочному делу и увела ее из холла. Ара прошла туда-сюда и остановилась перед огромным камином, задумчиво глядя на догорающие угли и размышляя о родителях. Шаги она не слышала, поэтому вздрогнула, когда прямо над ухом раздалось:

– Спасибо.

Девушка обернулась к вплотную подошедшему маркизу.

– Спасибо за сегодняшний вечер, – повторил он. – Я давно не видел ее такой радостной и оживленной.

Ара чуть повела плечом.

– Это мне стоит поблагодарить вашу матушку. В последнее время мне этого очень не хватало – не хватало чуда. И сегодня я с ним познакомилась.

Несколько мгновений лорд Кройд молча смотрел Аре в глаза, а потом чуть откинул голову, глядя на нее свысока, и спросил уже другим, сухим и отстраненным, тоном:

– Что я могу сделать для вас в качестве ответной услуги помимо исполнения нашего договора? Быть может, у вас остались еще, какие-то неразрешенные вопросы, мисс Эштон?

– Только один, Асгарт: почему, зная печальную историю своей матери, вы поступили схожим образом с мисс Коннорс – бросили ее и будущего ребенка? Почему вы поступаете так со мной?

Жилка на лбу маркиза дернулась.

– Если мне не изменяет память, вы до сих пор девица, и непорочное зачатие вам не грозит, а в договоре оговорен пункт о ненасилии.

– Речь ведь не только о физическом насилии. Насилие над волей порой не менее болезненно...

Его глаза сверкнули, отразив красноватый отблеск догорающих углей, но ответить маркиз не успел. Прислушался:

– Договорим в другой раз. Приятной прогулки.

Он поклонился и удалился через боковой коридор. Спустя несколько секунд после его ухода Ара слышала шаги возвращающейся Бланш. Та вошла в холл, поправляя шаль.

– А вот и я! Ну, что, вы готовы, дорогая?

Прогулка длилась около получаса, и Ара любовалась звездами, подставляя лицо ветерку и стараясь ни о чем не думать – ни о прошлом, ни о будущем. Отчего-то и то и другое заставляло сердце тоскливо сжиматься. Обратно они с Бланш двинулись длинной дорогой, чтобы растянуть удовольствие на лишние несколько минут.

На одной из аллей дорогу заступил слуга с фонарем, осведомившись, не оставляла ли мисс Эштон свои дорожные перчатки в теплице. Он не стал их трогать, поскольку не был уверен.

– Да, кажется, оставила, – спохватилась Ара.

– Вы меня извините, дорогая, если не стану делать с вами крюк? Я, признаться, уже устала, а нужно еще отдать распоряжения повару насчет завтрака.

– Конечно, Бланш, я вас догоню, – Ара коснулась губами подставленной щеки и последовала за слугой. Свернув в последний раз и очутившись перед открытой дверью оранжереи, девушка удивленно огляделась – лакей, как сквозь землю провалился, – пожалала плечами и переступила порог.

Внутри не было темно: расставленные тут и там фонарики отбрасывали мягкий рассеянный свет, обрисовывая саженцы. Ара с удовлетворением отметила, что они с Бланш сегодня славно потрудились. Перчатки из серой замши лежали там, где она их оставила, когда надела взамен садовые рукавицы – на лавке. Все-таки странно, что слуга не захватил их с собой, а вынудил ее саму за ними идти...

Девушка забрала перчатки и уже хотела покинуть оранжерею, когда услышала, какой-то шорох. Быстро оглядела неподвижные растения, но ни единый листик не шевелился. Показалось... Наверное, это был ветер, или тот рыжий лохматый кот, которого она видела днем. Ара прижала руку к груди, унимая неистово колотящееся сердце, и повернулась к выходу, как вдруг волоски на шее приподнялись от прямо-таки осязаемого ощущения чужого присутствия. Ее словно поразило десятком молний разом и тут же обдало жаром. Так ее тело реагировало только на одного человека...

– Тш-щ, не бойтесь, – негромко произнес маркиз и добавил, когда Ара шевельнулась, – и не оборачивайтесь.

– Вам обязательно каждый раз подкрадываться и пугать меня? – сердито поинтересовалась она слегка прерывающимся голосом.

– Кто же виноват, что вас столь легко напугать?

– Так это вы подговорили слугу? – догадалась девушка.

– Виноват. Грешен. И даже не каюсь...

– Так зачем все это? И почему мне нельзя обора... – На плечи легли руки, удерживая ее от движения.

– Тш-щ, – повторил лорд Кройд, и ладони, мягко поглаживая, скользнули по рукам Ары, до самых запястий. – Вы мне доверяете?

– Конечно, нет! – Сердце теперь колотилось в сто раз быстрее, чем минуту назад, когда она испугалась шороха: к испугу прибавились смятение, настороженность, неуверенность оттого, что она не видит лица мужчины, а еще, какое-то томительное тепло, растекающееся

по телу. Или это ладони маркиза, жар которых ощущался даже сквозь ткань платья, пропитывали ее теплом?

– Тогда представьте, что доверяете, – прошептали губы, опалив дыханием, отозвавшимся вибрацией во всем ее теле, – и закройте глаза. Даю слово, что не сделаю ничего дурного.

Похоже, он заманил ее сюда не для того, чтобы продолжить ссору. И свое слово маркиз еще не нарушал...

Ара помедлила и послушалась. Потом приоткрыла правый глаз.

– Не мухлюйте. – Девушка закусила губу от внезапного желания рассмеяться и на этот раз честно смежила веки. Вздрогнула, почувствовав, как он взял ее за руку и куда-то потянул. Сделав несколько шагов, они остановились. Маркиз вытянул ее ладонь и накрыл сверху своей.

– Что вы делаете?

– «Мы» делаем, – поправил он. – Колдуем. Дело серьезное, поэтому сосредоточьтесь.

От удивления Ара едва не распахнула глаза, но удержалась. И честно сосредоточилась, хотя ничего не понимала. Лишь то, что о серьезном деле сообщили подозрительно поддразнивающим тоном.

Около минуты она просто стояла, слушая, как их дыхания постепенно выравниваются, подлаживаются друг под друга, становясь единым, глубоким и размеренным, и пришла к выводу, что маркиз просто смеется над ней. Она уже хотела открыть глаза и спросить его напрямик, как вдруг центр ладони кольнула искорка, от которой побежало тепло, растекаясь по пальцам и вверх от запястья потоками силы. Казалось, из этой точки разливается бурлящее счастье, энергия, радость жизни, сливающие ее с окружающим миром и мужчиной, чью руку она ощущала на своей.

Теперь не только их дыхание соединилось, Ара чувствовала, что их сердца бьются в унисон. Нет, даже не так: она чувствовала, как сердце маркиза бьется в ее груди. Или теперь у них было одно на двоих сердце – она уже не ощущала границы между ними. Ее стало много, бесконечно много. И так же бесконечно мало... От всех этих разом нахлынувших переживаний закружилась голова, и девушка покачнулась, но надежная рука придержала за талию, что-то пощекотало ладонь.

– Теперь можете открыть глаза, – шепнул маркиз.

Ара открыла, и из груди вырвался изумленный вздох: под ее рукой, там, где только, что был саженец, распустилась изумительной красоты роза, перебирающая оттенки от кроваво-пурпурного по краям к сливочному в сердцевине. Нежные лепестки казались налитыми всей той энергией счастья, которую девушка пропустила через себя, а от восхитительного аромата голова кружилась не меньше, чем от испытанного взрыва чувств.

Маркиз внимательно наблюдал за выражением ее лица.

– «Королева карнавала» ведь ваш любимый сорт?

У Ары перехватило горло, так, что слова выталкивались с трудом.

– Что вы сделали? – прошептала она. – Как...

– «Мы» сделали, – снова поправил маркиз. – Чудеса ведь интереснее творить вместе, не так ли?

Сердцу вдруг стало тесно в груди, а к глазам подступили слезы, и девушка отвернулась к розе, чтобы скрыть от маркиза волнение, мягко провела по лепесткам.

– Она прекрасна...

Лорд Кройд потянулся к садовым ножницам.

– Нет, – остановила Ара. – Не срезайте, пусть цветет.

Он медленно убрал руку. Ара обернулась и увидела в глазах маркиза свое отражение. Но не только. Она увидела там все то, чего раньше не читала в глазах еще ни одного мужчины. В них отразился целый мир. И, когда его ладонь легла ей на щеку, Ара увидела в них то, что сейчас произойдет, то, чего она жаждет в эту минуту больше всего на свете, то, к чему стремится все ее существо.

Она не заметила, кто потянулся первым. Наверное, они сделали это одновременно: слились, схлестнулись, соединились, как только, что их дыхания и сердца. И от вкуса губ маркиза, от их мягкости и осторожности, слезы все-таки потекли по щекам. В ее жизни не было ничего сладостнее этого соленого поцелуя. Соленого не от крови, как их первый поцелуй в карете, а от слез счастья, которое сейчас переполняло ее настолько, что Аре казалось, будто она стоит в, каком-то мощном бурном потоке. И он вот-вот собьет с ног, подхватит, унесет ее подобно мелкой песчинке и растворит в этом огромном прекрасном мире. А единственным, что не давало ей упасть в темноту, были теплые губы, нежно касавшиеся рта, собиравшие с ее щек слезы, покрывавшие поцелуями веки, лоб, скулы, снова припадающие ко рту. Горячий прерывающийся голос, шепчущий ее имя, пальцы, зарывающиеся в волосы, руки, обнимающие крепко, и в то же время бесконечно бережно, словно она была такой же хрупкой розой, как та, что наполняла сейчас ароматом оранжерею.

Они на миг прервались, хватая ртом воздух, как рыбы выброшенные на берег, и вновь соединились, словно не могли дышать друг без друга, словно и были друг для друга воздухом. Но в, какой-то момент нежности стало мало, и Ара сама приоткрыла рот чуть шире, желая большего, робко приглашая. И на ее робкое приглашение откликнулись с таким жаром, что закружилась голова, подкосились ноги, а собравшееся в теле томление вырвалось тихим стоном, отозвавшимся в теле маркиза крупной дрожью. Внутри Ары нарастал голод, который могли утолить лишь его поцелуи, ласки, прикосновения. И они же его распалили. Распалили жажду, в которой не виделось ничего постыдного. Напротив, принимать нежность и страсть этого мужчины, слышать его тяжелое хриплое дыхание, пропускать сквозь пальцы короткие жесткие волосы, ощущать его руки на своем теле и самой прижиматься к нему было самой правильной вещью на свете.

И, как роза перебирала все оттенки от пурпурного края к воздушно-сливочной сердцевине, так и их поцелуй перебирал, только наоборот: от нежного и осторожного, неторопливого и чувственного, к тлеющему, настойчивому, глубокому, обжигающему, жесткому, задыхающемуся, болезненному, умирающему от блаженства и совершенно сумасшедшему, вгрызающемуся и сталкивающему с края – в черную пропасть, до звезд перед глазами, до безумного полета, до кинжала, вспарывающего грудь сладкой болью, до полной потери себя... И эта жгучая бездна одуряюще благоухала розами.

Вечность спустя они просто стояли, продолжая держать друг друга в объятиях и пытаясь отдышаться. Ара подняла голову, огляделась и... неверяще застыла:

– Боже, Асгарт... только посмотри на это!

Она рассмеялась и прижала ладони ко рту, не веря своим глазам.

Маркиз тоже поглядел по сторонам и улыбнулся:

– Да, постарались мы на славу.

В теплице больше не осталось ни единого саженца: все до последнего распустились,

превратившись в пышные розовые кусты, на которых горели крупные сочные бутоны самых разных сортов.

Ара спрятала горящее лицо на груди у маркиза.

– Мы сорвали вашей матушке весь план посадки.

– Она нас простит, – маркиз зарылся губами в волосы Ары, теплые ладони скользнули по ее спине, поглаживая, – завтра же закажу ей в питомнике новые.

Потом они шли от теплицы к дому. Шли долго, потому, что останавливались через каждые полдюжины шагов и снова целовались. И снова, и снова, и снова. И вскоре Ара уже не понимала, как жила раньше без его губ. Без его рук, которые, несмотря на очевидное желание маркиза, дрожавшее в расширенных зрачках, звучащее в хриплом голосе, ощущавшееся в жаре бедер, ни разу сегодня не опустились ниже ее талии.

Свет в окнах особняка не горел: все уже легли спать. Нет, все-таки не все, как выяснилось, когда из-за закрытой двери соседней спальни раздался голос Бланш:

– Это вы, дорогая?

Ара поспешно постучала по мужскому плечу, и губы маркиза неохотно покинули ее рот. Переждав несколько секунд, пока дыхание более-менее успокоится, Ара ответила:

– Да, Бланш, простите, если разбудила.

– Я еще не спала. Вы их нашли?

– Их?.. – Непонимающе переспросила девушка.

– Перчатки, за которыми вы пошли... – Ара прижала ладонь ко рту, пытаясь удержаться от смеха и только сейчас вспомнив, что направилась в оранжерею вовсе не за тем, чтобы целоваться там до полного изнеможения.

– Нет... кажется, кажется... я их снова там забыла. Я сегодня немного рассеянна.

– Бывает, дорогая, свежий воздух так действует. – Аре показалось, или в голосе действительно проскользнули лукавые нотки?

А действует так не свежий воздух, а мужчина, целующий сейчас каждый ее пальчик и заставляющий сердце бешено колотиться в груди. И хотя Ара не испытывала ни грамма стыда за то, что сейчас происходило и происходит, получится все же неловко, если Бланш выглянет в коридор и застанет ее у двери спальни не одну, к тому же с растрепанными волосами и распухшими губами. Поэтому она нажала на ручку своей двери и громко сказала:

– Доброй ночи, Бланш!

– Спокойной ночи, Ара.

Последний поцелуй, самый нежный и сладкий, и Ара скользнула в свою комнату. Не зажигая свет, привалилась спиной к двери, прикрыла глаза и тронула губы, еще хранящие тепло и вкус губ маркиза. В груди словно тоже расцвел пышный куст роз с прекрасными ароматными лепестками и неотъемлемыми раздирающими душу шипами. И от этого было невероятно больно, и невероятно хорошо. А еще безумно страшно и радостно до слез.

Как же наивна она была в тот вечер в театре, когда решила, что сумела удержаться на краю, на тонком лезвии, не понимая, что странное томление в груди – это росток будущей розы, а сама она уже летит в бездну, распахнув ей навстречу объятия.

Нет, Ара не удержалась: она сорвалась прямым в черную пропасть – влюбилась в чудовище, которое... быть может, все-таки не чудовище?

Аре снилось, что она лежит в ящике. Тесном длинном ящике, как раз под ее рост, и без крышки, а вокруг – только туман. Сплошное белесое марево, в котором скользят смутные тени. Девушка была полностью обнажена и не могла пошевелиться, поскольку тело сковывали тесным коконом плети роз. Они напоминали прекрасное благоухающее платье с кроваво-красными бутонами, а еще причиняли боль, и там, где в кожу впивались шипы, выступили алые капельки.

И снова, какая-то женщина звала из тумана:

– Ара, где ты? Девочка моя, ты где?..

Не просто, какая-то – ее матушка. Теперь Ара ее узнала!

Девушка хотела откликнуться, успокоить ее, но не сумела издать ни звука. А потом вдруг поняла, что лежит в узком проулке – из тумана вылепились кирпичные стены, на ближайшей из которых значилось «Лэйн-роуд».

Внезапно одна из теней выступила вперед, обретая плотность и знакомые очертания: высокая мощная фигура, гибкие уверенные движения хищника и... длинные когти на концах пальцев. Чем ближе он подходил, тем сильнее стучало сердце Ары, заходясь от смеси ужаса и томления. Мужчина склонился над ней и несколькими взмахами когтей разрубил оковы из роз. Ара вскрикнула, но вместо звука из ее рта вырос багровый бутон... Мужчина снова занес руку, сверкнув когтями, и...

В тот же миг туман разорвал истошный женский вопль, и Ара проснулась, чтобы уже через пару мгновений снова погрузиться в сон, совершенно другой и полностью развеявший следы предыдущего.

Наутро Ара не помнила, что ей снилось, зато ее посетили все те сомнения, для которых вчера не нашлось места под влиянием особой магии вечера и волшебных поцелуев. Но, увы, уже ничто не могло повернуть вспять ее чувства к маркизу. Очень сложные и запутанные чувства, которые, казалось, приковали ее к нему крепче любых цепей.

И это было страшно – страшно осознавать себя настолько открытой и уязвимой перед другим человеком. И не просто человеком, а безжалостным манипулятором с неясными мотивами, с которым она связана щекотливым договором и трудным прошлым. Прошлым ли? Таковым оно станет, когда Асгарт исполнит свою часть сделки и вернет ее отцу все, что забрал, а потом... что потом?

Маркиз ведь ни разу не намекнул, что между ними, что-то изменилось. Все с первого и до нынешнего дня оставалось в рамках договора. Он просто трогал Ару так, как женщину должен трогать только муж, научил кататься верхом, пробудил чувственность, целовал до звезд перед глазами и наворачивающихся слез, вырастил для нее розу... а еще заставил соврать хорошему человеку, убил троих у нее на глазах, цинично бросил свою беременную любовницу и проворачивал, какие-то темные дела с ящиками... И вот теперь Ара ждет от него... чего? Заверений в вечной любви, потому, что только ее неумелые поцелуи и неопытность сумели воспламенить его страстным чувством, которым он доселе не пылал ни к одной женщине на земле? Да, в страсти можно не сомневаться: достаточно вспомнить, какими темными были его глаза и горячими – бедра, когда он прижимал ее вчера к себе, и даже сейчас щеки Ары горят от этих воспоминаний...

Девушка вздохнула и потянулась к баночкам с кремами. Смешав пудру с капелькой крема, как могла замаскировала припухлость рта. Она решила, что не станет накручивать себя понапрасну, но и голову постарается не терять. Все-таки, чтобы ни твердило сердце, Ара не знает, чего на самом деле хочет от нее маркиз...

А раз ничего сейчас нельзя изменить, лучше просто порадоваться новому дню и предстоящей встрече с Сесиль. Мысль о подруге подняла настроение, которое окончательно выправилось, когда Ара спустилась к завтраку и обнаружила возле своей тарелки небольшой букетик прелестных голубых цветов, закрепленный в кольце для салфеток. Их с маркизом глаза встретились, и его улыбка вкупе с красноречивым взглядом прогнали остатки туч из ее мыслей. Откровенно говоря, Ара страшилась этой встречи. Боялась, что волшебство вчерашнего вечера развеется безвозвратно, и утром ее встретит хорошо знакомое холодное замкнутое выражение лица, ничем не напоминающее о том, что произошло накануне. Поэтому теперь ее сердце затрепетало от волны тепла.

Во время трапезы вместо омлета с беконом и превосходного мятного суфле они с маркизом пожирали друг друга – взглядами.

Бланш простила им все ответы невпопад и вообще явно радовалась примирению «жениха» и «невесты», которым, наверное, и полагается так смотреть друг на друга.

Едва Ара покинула столовую, как дверь снова скрипнула, и девушка оказалась прижатой к стене сильным телом, а рот накрыли горячие настойчивые губы.

– Мм... ждал этого всю ночь и все утро, – произнес маркиз хриплым задыхающимся голосом, поглаживая кончиками пальцев ее щеку. – Как можно быть такой соблазнительной, поедая банальную яичницу со спаржей?

– Это был омлет с беконом, – рассмеялась Ара, пытаясь успокоиться, что было практически невозможно, когда она чувствовала, как быстро и сильно бьется сердце в прижатой к ней груди. Да и ее собственное сходило с ума.

– В самом деле? Не заметил...

– Во сколько мы выезжаем? – переменяла тему девушка, вспомнив о своем решении не терять голову, и хотела отстраниться, но руки маркиза тут же пресекли это самоуправство, притиснув ее обратно к его телу, мягко огладили бедра, не давая тлеющему между ними огню погаснуть.

– Хочешь, можем прямо сейчас, и проведешь с подругой не два часа, а весь день.

– Правда? – с радостным недоверием переспросила Ара.

– Правда, – улыбнулся он, как взрослый улыбается ребенку, прыгающему от восторга, что ему разрешили покататься на карусели.

Ара же вдруг вспомнила брошенные им накануне в пылу ссоры слова о трех неделях вместо четырех... Маркиз словно мысли прочел.

– Я не могу повернуть вспять новые условия договора, он истекает послезавтра, – произнес он, – но хочу, чтобы ты знала: чтобы ни случилось в оставшееся время, я выполню все обязательства по отношению к твоему отцу.

Не удержавшись, девушка коснулась его губ своими – легко и нежно, чувствуя, как сердце щемит от счастья и ставшей уже привычной тоски. Маркиз отдал ей целый день, хотя у самого оставалось всего два.

Он тут же перехватил инициативу, углубив поцелуй, превращая его из благодарного в жаркий и неистовый, битву языков, дыханий и страсти, заражая ее ответным голодом, испепеляющей жаждой. Закинул запястья Ары себе на шею, не переставая жадно брать ее рот и посасывать губы, скользнул ладонями по напряженной груди, погладил большими пальцами соски через ткань, отчего низ живота сжала сладкая боль, и буквально вдавился в нее, лишая остатков разума и воли, заставляя слегка раздвинуть ноги под подолом, чтобы ощутить его твердость в паху своей промежностью.

– Хочу вылизать тебя, – прошептал на ухо и, зажав мочку зубами, погладил ее влажным языком, отпустил и поцеловал в яремную вену, прямо в бешено бьющийся пульс. – И хочу, чтобы ты снова трогала меня, – взял ладонь Ары и, поместив на свой пах, сжал вокруг пульсирующего и горячего даже сквозь брюки ствола. – Вторую неожиданно прижал к... ее собственному естеству. – А также себя...

Нет, этому мужчине неведомы ни стыд, ни приличия! И рядом с ним Ара тоже про них забывала... Ноги дрожали и подкашивались, коридор расплывался перед глазами, и она упала бы, не держи ее маркиз своим телом.

– Пойду собирать вещи, – вытолкнула девушка пересохшим горлом, оперевшись слабыми ладонями ему в грудь, буквально отдираясь от него, и на этот раз маркиз неохотно, но все же отпустил. Только бросил напоследок взгляд, от которого воздух выбился из легких, а колени и бедра вновь охватила горячая дрожь.

Вот, как?! Как он умудрялся быть таким разным?! Вчерашний нежный романтичный мужчина исчез, оставив вместо себя этого порочного двойника с искушающим голосом и замашками собственника, которого вели лишь оголенные звериные инстинкты. И, что самое ужасное, Аре безумно хотелось подчиниться всем его бесстыжим желаниям, забыв о доводах рассудка...

Мари собрала все вещи сама, так, что Аре оставалось лишь окинуть взглядом комнату, чтобы проверить, ничего ли они не забыли. В самый последний момент она вспомнила про перчатки и направилась в оранжерею. Несмотря на довольно серую унылую погоду, сердце пело и трепетало от радости. В самом приподнятом настроении, девушка открыла дверь теплицы и... застыла на пороге.

Ни единого розового куста не осталось: все до единого облетели, и вместо пышной зелени с бутонами торчали иссохшиеся остовы, а землю покрывал ковер из сморщенных почерневших лепестков. Цветы не только распустились за одну ночь, пробужденные энергией страсти, но и сгорели за нее же...

Ара попятилась от этого кладбища вчерашней сказки, пахнущего теперь горечью и тленом, позабыв и про распахнутую дверь, через которую ветер выметал шелуху, совсем недавно бывшую ароматными лепестками, и про перчатки, ставшие вдруг не нужными. У нее в чемодане есть другие...

Тем не менее она нашла в себе силы сердечно попрощаться с Бланш, стараясь ничем не выдать чувств, и, кажется, ей это удалось. Мать маркиза сияла и настаивали на том, чтобы взять часть, а если на то будет дозволение молодых, то и все предсвадебные хлопоты на себя, и от этого стало только горше.

В карету Ара села, надеясь, что ей хватит сил удерживать маску весь путь до Картвилля. Ведь раньше она это умела – умела скрывать эмоции. Однако в последнее время их было слишком много и слишком сильных и противоречивых, так, что прятать становилось все сложнее, почти невозможно. Или это Ара изменилась? Эмоции прятать куда легче, когда твое сердце не терзают ежесекундно радость и тоска, уверенность и сомнения, надежда и страх разочарований. Где ее спокойствие? Где ее привычная уравновешенность? Ара сама себя не узнавала.

Но маркиз, как всегда, почувствовал ее состояние.

– Что с тобой? – Мягко сжал пальцы, когда они выехали за ворота. – Что-то случилось?

Они были в карете одни: Мари снова сидела рядом с кучером.

– Розы... – Ара подняла на него печальный взгляд. От этого мягкого прикосновения, от непривычного участия в его голосе перехватило горло. – Они все погибли, облетели...

Маркиз не удивился.

– Да, вполне возможно. Быстро зацвели, быстро и отцвели. Не волнуйся, я уже отправил слугу в питомник, скоро матери привезут новые.

Вот и все: когда одна роза вянет, он просто находит себе другую... Без капли жалости и сомнений.

Ара отвернулась к окну и почувствовала, как он удобнее перехватил кисть, слегка отодвинул рукав и поцеловал запястье, потом, аккуратно сняв перчатку, коснулся губами сердцевинки ладони, из которой вчера выплеснулась энергия, пробудившая цветы к жизни и их же раньше срока погубившая. Девушка внутренне сжалась от этих ласк: неспроста же он посадил Мари к кучеру – чтобы не мешала. Теперь наверняка захочет продолжения жаркого утра. Но добравшись до пальцев, маркиз просто поцеловал каждый, а затем переплел со своими, как уже делал. Ара обернулась: глаза мужчины походили на драгоценные камни искусной огранки, в бесконечных переливах которых она прочла все, кроме похоти.

Он молча привлек ее голову к себе на грудь, и Ара, вздохнув, прикрыла глаза. Слушая, как ровно и сильно бьется его сердце, согревая, прогоняя тоску, внушая чувство безопасности и утерянное спокойствие, девушка ощутила комок в горле.

Зачем он это делает? Ведь новые розы заказать можно, а новое сердце – нет.

Если от жестокости можно отгородиться презрением и холодным безразличием, и даже зову тела еще можно сопротивляться, то, как противиться этой светящейся в глазах нежности, в которой так хочется увидеть нечто большее, чем игру на ее чувствах?

Да, голову терять нельзя, Ара только еще немножечко послушает его сердце и дыхание, а потом обязательно вспомнит, что должна соблюдать осторожность...

* * *

К обеду они уже прибыли на место. Ара была уверена, что Сесиль остановится в гостинице «Корона», самой приличной в городе – там их семьи сняли апартаменты в прошлый раз. Когда они подъехали, часы на площади неподалеку пробили одиннадцать.

– Приеду сюда ровно в шесть. Пожалуйста, не опаздывай, – предупредил маркиз.

– А ты? Отправишься в поместье?

– Нет, у меня тут неподалеку дела. Как раз закончу их и заеду на обратном пути за тобой.

На удивление он даже Мари к ней не приставил. Пересекая улицу, Ара заметила, что карета так и не тронулась с места, не торопясь уезжать.

Девушка уже приготовилась услышать от портье, что мисс Сесиль Уитли упорхнула и теперь найти ее можно где-то в торговых рядах в центре города, как вдруг прямо в дверях столкнулась с блондинкой в очаровательном лазурном бонете, бросающем вызов окружающей хмари.

– Ара! – всплеснула руками она и кинулась к ней на шею с радостным смехом.

Обычно более сдержанная, Ара порывисто обняла подругу в ответ и краем глаза заметила, что карета маркиза скрылась за поворотом.

– Думала, свидимся только вечером, – сообщила Сесиль, отстраняясь, и добавила шепотом, – и то в лучшем случае! Боялась, что твои таинственные обстоятельства не позволят вырваться.

– Я тоже боялась, – призналась Ара. – Но вот я здесь, и в нашем распоряжении весь день. За мной приедут только в шесть.

– До этого времени еще целая вечность! Дай же мне на тебя посмотреть, дорогая! Подруга отодвинулась и развела ее руки в стороны, удерживая за кончики пальцев.

– Мы не виделись всего три месяца, – улыбнулась Ара. – Вряд ли я успела сильно измениться.

В этот момент в дверях позади Сесиль показалась невзрачная дама средних лет и два джентльмена. При виде Ары оба приветственно мазнули края цилиндров.

– Ара, ты же помнишь кузена Ирвина? – взяла Сесиль под руку одного из них, высокого молодого мужчину с каштановыми слегка вьющимися волосами и темно-синими глазами и подтащила к ней. – А это его приятель, мистер Дорс, – указала она на второго, с прямыми песочного цвета волосами и спокойными серыми глазами.

Для Ары их присутствие стало неожиданностью. Хотя, если подумать, Сесиль не была уверена, что встреча все-таки состоится, так, что желание подруги так или иначе провести день в приятной компании вполне объяснимо.

– Конечно, помню, – отозвалась Ара, протягивая руку. – Как я могла забыть мужчину, воровавшему для нас с тобой соседские яблоки? Здравствуйте, мистер Стокард.

– Смею надеяться, что с семнадцати лет талантов у меня поприбавилось, а те яблоки, к слову, я воровал тогда только для вас, Ара, – вместо того, чтобы пожать кисть, он галантно ее поцеловал, шепотом добавив: – И в память об этом ужасающем преступлении прошу называть меня по имени.

Он улыбнулся – так обаятельно и заразительно, что Ара ответила тем же. Есть люди, которым невозможно не улыбнуться в ответ, и стоящий перед ней человек был, как раз из них.

– Ваша тайна умрет вместе со мной, Ирвин, – в тон ему шепнула она.

Достопамятный случай имел место во время летних каникул, которые юноша проводил у родни. Тогда же они, кажется, и виделись в последний раз: снова пересечься их дорогам мешала то его учеба, то желание матушки Ары поправить здоровье на водах, то еще, какие-то обстоятельства. Девушка не могла не отметить, что за прошедшие четыре года из нескладного подростка с живым нравом Ирвин превратился в привлекательного молодого мужчину, на которого поглядывали проходящие мимо дамы.

– Предатель! – шутливо хлопнула его по плечу веером Сесиль.

– У тебя и без меня всегда хватало поклонников, Силь! – защищаясь, ответил он. – Взять хотя бы Дорса: он сохнет по тебе уже который год, скоро одна тень останется!

Ни Сесиль, ни упомянутого мистера Дорса, кстати, совсем не изможденного, а очень даже атлетически сложенного, это заявление ничуть не смутило, из чего Ара заключила, что либо это традиционная шутка, либо друг Ирвина давно не делает тайны из своих чувств.

Склонялась больше ко второму: Сесиль с ее живым нравом легко кружила головы мужчинам, причем без всякого умысла или усилий, просто это было такой же частью ее природы, как дышать. Яркие бабочки всегда в центре внимания.

– Ирвин недавно закончил учебу и теперь вернулся, чтобы помогать отцу с управлением помещьем, а заодно и самому осваиваться с будущим наследством, – пояснила подруга. – Такой занятой стал, что ни минутки свободной не осталось, даже на меня. Зато, услышав, что я еду в Картвилль, где, возможно, встречу с тобой, буквально приставил мне нож к горлу, потребовав взять с собой!

– То есть я поехал не потому, что «Ирвин, кроме тебя, некому будет нести мои покупки»? – деланно удивился молодой человек.

– Зануда!

– Врушка!

В этой перепалке звучали нежность и дружеское поддразнивание. Если Аре не изменяла память, Ирвин приходился сыном сводной сестры Сесилиного отца, иными словами, каким-то родственником не по кровной линии.

Когда все участники, включая незаметную старую деву-компаньонку – та самая вышедшая следом за Сесиль невзрачная дама, – оказались представлены друг другу, и официальная часть закончилась, было решено перекусить в местечке под названием «Красная лоза», где подавали отличные мясные пудинги и крамблы из ревеня, а затем прогуляться по торговым рядам. Так и сделали.

Время вдруг пустилось вскачь, и Аре показалось, что она вернулась в те беззаботные деньки, когда судьба еще не столкнула ее с маркизом, и мысли о семейных долгах и собственном двойственном положении не терзали. Мистер Дорс по большей части молчал, и Ирвин старался за них двоих, ухаживая за своими дамами. Ара, уже давно лишенная привычного общества и маленьких радостей, поневоле наслаждалась и его учтивой манерой держаться, и мелкими знаками внимания, будь то желание услышать ее мнение по тому или иному вопросу, или пятнышко, собственноручно оттертое им платком с ее туфли, когда девушка случайно ступила в грязь...

За внешне легкомысленным, как и у Сесиль, фасадом скрывался в меру серьезный умный человек, приятный и любезный собеседник, который умел развлечь, как интересным фактом, так и шуткой. Рядом с ним Ара чувствовала себя спокойно и свободно могла высказываться, не опасаясь, что его лицо внезапно застынет ледяной маской или полыхнет гневом, или, что он отпустит в ее адрес колкость, попытается дерзко перейти границы или унизит, каким-то образом. И уж едва ли он, когда-либо обрывал чью-то жизнь или бросал беременных любовниц: даже с Сесиль, с которой они были на короткой ноге, молодой человек держался подчеркнуто галантно. Иными словами, Ирвин был полной противоположностью одного знакомого Аре маркиза.

И девушка с удовольствием вбирала в себя атмосферу тепла и легкой непринужденности, которой ее окружили приятели, явно старавшиеся скрасить для нее этот день. И все же, все же, какая-то ее часть была сейчас не здесь, а рядом с тем, кого в Картвилле не было.

– О чем задумались? – шепнул вдруг подошедший сзади Ирвин, и Ара вернулась мыслями в лавку, куда их затащила Сесиль. Остальные вились в другом конце возле, какой-то вещицы, привлекая внимание подруги, Ара же подошла взглянуть на ткани, и последние несколько минут ее пальцы перебирали нежный шелк, скользкий атлас, приятную

шершавость тончайшего кружева, впитывая ощущения.

– Простите, не желал напугать. Просто у вас было такое лицо... трудно объяснить, но очень захотелось узнать, что именно родило такое выражение.

– Я думала о том, что даже этот прекрасный день скоро подойдет к концу.

– Зачем вам уезжать так рано? Мы все могли бы остановиться в «Короне» на эту ночь. Вы будете с Сесиль и мадам Хортан, – он кивком кивком указал на компаньонку, – приличия окажутся соблюдены.

– Нет, к сожалению, это невозможно, – покачала головой Ара, – у меня нет с собой вещей, к тому же за мной приедут ровно в шесть. – И она поскорее отошла к Сесиль, избегая дальнейших расспросов.

Этот разговор напомнил, что время действительно бежит: уже почти три часа, а она так и не поговорила с подругой о том, что ее действительно волновало. Напоминать Аре не пришлось: Сесиль все поняла по ее взгляду и, подобно капитану пиратского корабля, весело объявила остальным, что теперь они держат курс на кондитерскую «У мадам Луизы», потому, что лишь горячий шоколад вернет их изможденные покупками тела к жизни перед вечерним походом в театр, к которому дорогая Ара, увы, уже не сможет присоединиться.

Конечно, подруга не забыла, зачем пригласила ее в Картвилль, но накинуться с первых же минут встречи с расспросами в присутствии своих спутников или сразу бросить их и уединиться с ней не могла, это смотрелось бы подозрительно. Зато теперь их желание пообщаться только вдвоем, особенно с учетом скорого отъезда Ары, не вызовет подозрений. Расплатившись, они покинули лавку и направились в заведение, пристроившееся на углу центральной улицы и пользовавшееся популярностью у жителей и гостей города. Сюда заходили и многие обитатели столицы, бывшие проездом в Картвилле. К слову, нести покупки Ирвину не пришлось: их отослали вместе с мальчишкой-посыльным в гостиницу.

На внешней витрине кофейни красовался макет города, сделанный полностью из сладостей: сахарные крыши, трубы из печенья, улицы, залитые разноцветной глазурью, и человечки из орехов и мастики. Внутри все располагало к уютным беседам и неторопливому потягиванию напитков, которых здесь насчитывалось аж полтора десятка видов. Сесиль, несмотря на протесты мужчин, решительно отсадила их, а заодно и свою компаньонку, за отдельный столик, а сама потянула Ару к тому, что был возле окна и, едва дождавшись, когда официантка в переднике примет заказ и отойдет, возбужденно велела:

– Выкладывай! Эти часы были настоящей пыткой: еще чуть-чуть, и я лопнула бы от любопытства, как воздушный шар!

И Ара выложила. Все, начиная с той минуты, когда приняла решение прийти к маркизу и заканчивая их сегодняшним расставанием напротив «Короны». Прервалась лишь раз, когда им принесли эклеры с горячим шоколадом, и умолчала только про тройное убийство.

Но и того, что поведала, подруге хватило с лихвой. По мере рассказа лицо Сесиль становилось все более серьезным и задумчивым. Это была явно не та легкая любовно-приключенческая авантюра, которую она рассчитывала услышать.

Наконец Ара замолчала, переводя дыхание, и только сейчас почувствовала, как ей нужно было кому-то выговориться. Но Сесиль не торопилась с комментариями, и в душе поселилась тревога.

– Что... скажешь? – спросила Ара.

– Я не совсем понимаю, что ты хочешь от меня услышать, – после паузы произнесла подруга. – Мое мнение? Совет? Но тебе никогда не требовались мои советы, не требуются и

сейчас. Или я должна удерживать тебя от, какого-то шага или, наоборот, подтолкнуть к нему? Ты знаешь, что осуждать тебя я не могу. Наоборот, восхищаюсь: не уверена, что сама на твоём месте сумела бы набраться смелости прийти к нему... Так скажи, что ты хочешь услышать, чем я могу помочь, и я всеми силами постараюсь это сделать!

Ара опустила лоб на ладони.

– Я и сама не знаю... – устало потерла лицо она, – я запуталась, Сесиль.

– Запуталась в своём отношении к лорду Кройду? – осторожно уточнила подруга.

Ара безмолвно кивнула.

Сесиль легонько сжала её лежащие на столе руки.

– Давай попробуем разобраться с самого начала. Итак, мы говорим о человеке, чьё имя твой отец не может даже слышать без опасности апоплексического удара...

– Да.

– Лорд Кройд снова сделал тебе предложение?

– Нет... – следующие слова пришлось буквально вытаскивать. – Напротив, сразу предупредил, что брак его больше не интересует.

– Он объяснился тебе в любви? Сказал, что сожалеет о том, что тебе и твоей семье пришлось пережить?

– Нет, – прошептала Ара.

– И ты даже не догадываешься, что в тех ящиках, но, возможно, как раз из-за них или из мести маркизу тебя и пытались убить?

– Да.

– И единственное, что мы знаем наверняка: он хочет тебя, а ты... хочешь его?

– Да, – едва слышно ответила Ара. – Но дело не только в желании, Силь. Хотя меня тянет к нему так, словно я опутана тысячей незримых нитей! У меня, как будто впервые в жизни открылись глаза, и я теперь вижу больше, знаю больше, чувствую больше. Иногда этих чувств так много, что кажется, я не выдержу, рассыплюсь на миллиарды сверкающих искр. Единожды испытав подобное, ты никогда не согласишься на скучную подделку. И в то же время я полностью отдаю себе отчет в том, что на его совести есть очень дурные и низкие поступки и... даже преступления. А ещё он меня пугает, до дрожи, до, каких-то глубинных инстинктов. Пугает и завораживает. Рядом с ним я боюсь и его, и себя. Боюсь, что просто не смогу сопротивляться, не захочу, потому, что, что-то внутри меня откликается на его тьму... – Ара взволнованно умолкла, и в наступившей тишине Сесиль подытожила:

– И главная наша проблема в том, что ты не знаешь, что чувствует он? Тоже увлечен, или это лишь притворство, чтоб получить твоё тело и тем самым осуществить план мести до конца? Лишить тебя шанса обрести счастье с другим мужчиной, раз уж ты отказала ему? И быть может, в конечном итоге он вовсе не собирается помогать твоему отцу вернуть положение и состояние...

– Нет... – покачала головой Ара. – Я ему... верю. Верю, что Асгарт исполнит свою часть сделки: не станет меня принуждать и восстановит дела моей семьи.

– Откуда эта уверенность? Из-за договора? Договора на то и нужны, чтобы искать в них лазейки.

У Ары не было ответа на этот вопрос, и она лишь слегка пожала плечами. Есть вещи, которые чувствуешь сердцем, но при попытке облечь ощущения в слова выходит, что-то маловразумительное.

Сесиль подалась вперед и накрыла руки Ары своими, не сводя с неё такого же

серьезного, как и на протяжении всей беседы, взгляда. От легкомысленной кокетки, щебетавшей днем, не осталось и следа: Сесиль была далеко не глупа, иначе они вряд ли стали бы подругами.

– Ты знаешь, дорогая, что я желаю тебе только добра, но скажи, до конца вашего договора осталось ведь всего несколько дней?

– Полтора, – уточнила Ара. – Он истекает послезавтра на рассвете.

– Тогда почему бы тебе не дождаться его завершения, удерживаясь от... опрометчивых шагов, и посмотреть, что будет дальше? Как маркиз поступит, когда ты снова окажешься свободна и вернешься к прежней жизни? И не изменятся ли тогда твои чувства? Все-таки сейчас в условиях, когда ты постоянно находишься под его влиянием, трудно рассуждать трезво.

Ара покачала головой:

– Асгарт сказал, что не станет меня принуждать, и если я сама не захочу с ним... близких отношений, то по истечении договора он просто исчезнет из моей жизни и больше никогда в ней не появится, не станет беспокоить. Мне кажется, это еще и проверка на доверие. И я не знаю, чего боюсь больше, Силь: ошибиться в этом человеке и погубить себя или оттолкнуть его и до конца дней мучиться вопросом, правильно ли поступила...

Сесиль откинулась на спинку стула, окинула Ару задумчивым взглядом.

– Знаешь... а ты все-таки изменилась. Не зря Ирвин весь день глаз с тебя не сводит.

– Что? – Ара удивленно посмотрела на столик по диагонали и встретила взглядом с упомянутым кузеном, который тут же ей улыбнулся и, что-то сказал другу. – Нет, ты ошибаешься...

– Уж поверь мне, я не слепа. И кстати, он не врал, когда сказал, что воровал те яблоки именно для тебя, а я не врала про нож к горлу... ну, разве, что немного преувеличила, – засмеялась Сесиль, увидев, как вытянулось лицо Ары. – Он действительно вызвался сопровождать меня, как только узнал про возможную встречу с тобой. Еще тогда, четыре года назад, ты ему понравилась, и, видимо, время не загасило этот огонек, а сегодня ты плеснула масла.

– Но... тем летом он никак не проявил своего отношения, – Ара вновь невольно покосилась на другой столик и вновь встретила взглядом с тем, кого они обсуждали. – Я не заметила с его стороны ничего, кроме дружеского участия.

– Потому, что он не видел ни малейшей искры интереса с твоей стороны. Он бы сейчас меня убил, если б знал, что рассказываю тебе, но Ирвин тогда сказал, что ты... слишком холодная и отстраненная. Словно с нами, а словно бы и не здесь. И ни один юноша не зажег блеска в твоих глазах, хотя со всеми ты была неизменно вежлива и внимательна. А сегодня, когда мы были в лавке, признался, что хочет быть куском шелка, который ты гладила... В тебе действительно словно загорелся огонь, которого раньше не было, и он пропитывает каждый твой жест, каждое движение. Даже я люблю! И больше всего боюсь, – Сесиль пожалала ее пальцы, – что это пламя превратится в затухающие угли.

Ара стиснула пальцы подруги в ответ, тронутая ее словами.

– Не волнуйся за меня!

А сама задумалась, как все могло бы обернуться, если б она узнала про симпатию Ирвина раньше, еще тем летом. И ответила на чувства того, кого несомненно одобрила бы маменька. Вышла бы за него замуж... И их с маркизом пути никогда бы не пересеклись.

– Не могу не волноваться, Р-ра! – назвала ее Сесиль именем, которым называла, когда

они были еще совсем маленькими девочками. – Второй лучшей подруги у меня нет!

– Это в конце концов возмутительно! – раздалось над ухом, и они обе подпрыгнули на местах. – Ты решила забрать мисс Эштон в единоличное владение до конца сегодняшнего дня? – весело спросил Ирвин, который только, что подошел к столу вместе с мистером Дорсом. – Или вы обе все-таки сжалитесь над нами и разрешите присоединиться?

Ара уже сказала и услышала все, что хотела – большего Сесиль для нее сделать не могла, – поэтому произнесла:

– Конечно, прошу, присаживайтесь. – Но тут же встрепенулась: – Пойдите, который час? Мне, наверное, уже пора.

Ирвин щелкнул крышкой хронометра и показал ей:

– Половина пятого.

– Да? Мне казалось, я слышала, как часы на площади бьют пять...

– Вам показалось, впереди еще полно времени. Пожалуйста, не лишайте нас своего общества раньше срока, посидите еще хотя бы часок. А потом мы все вместе проводим вас до кареты.

Ара уступила: глупо почти полтора часа ждать маркиза возле гостиницы, да и к вечеру на улице похолодало. А отсюда до места встречи было максимум десять минут небыстрым шагом. Но провожать себя до самой кареты она, конечно, не позволит.

– Хорошо, – согласилась она. – Тогда еще один час.

Молодые люди придвинули дополнительные стулья для себя и мадам Хортан, и беседа вернулась в русло непринужденности.

Горячий шоколад, про который Ара совершенно забыла, окончательно остыл и подернулся пленкой. Но новый она заказывать не стала, а свой эклер отдала мистеру Дорсу – сладкого сейчас совсем не хотелось.

– Похоже, у вас появился тайный поклонник, я начинаю ревновать, – шепнул Ирвин и кивнул на, какого-то мужчину в неприметном пальто с поднятым воротом и шляпе-котелке на другой стороне улицы. – Я почти уверен, что видел его днем в торговых рядах.

– Вероятно, очень тайный, – ответила Ара. – Настолько тайный, что я понятия не имею, кто он. Впрочем, полагаю, он тоже не имеет представления, кто я, и просто проводит свой выходной в центре города, как и множество других людей, включая нас.

Незнакомец сел в кресло мальчишки-чистильщика обуви, а, когда тот закончил наводить лоск на его шпидлетах, отправил с, каким-то поручением, а сам купил цветов у уличной торговки.

– Вот вам и ответ, Ирвин: он готовится к свиданию!

– Главное, чтоб не с вами!

Ара тихо рассмеялась, и Сесиль тут же потребовала рассказать, о чем это они там шепчутся, но только Ирвин открыл рот, как звякнул дверной колокольчик.

– Вы только поглядите! – прошипела мадам Хортан. – Это же мисс Коннорс! Какая наглость – явиться в приличное заведение, где проводят досуг достойные люди!

Ара почувствовала, как все внутри оборвалось, а сердце заколотилось липкими спазматическими толчками: на другом конце зала действительно стояла особа, с которой она имела неосторожность столкнуться в доме лорда Кройда.

Часть упомянутых приличных людей, очевидно тоже узнавших скандально известную любовницу маркиза, разделили чувства мадам Хортан и демонстративно покинули кофейню, оскверненную присутствием блудницы. А мисс Коннорс осматривала заведение в поисках

свободного столика с самым безмятежным видом, словно ничего не произошло, и полностью игнорировала поджатые губы, презрительные шепотки и скользящие по ней наглые мужские взгляды. Все-таки она была очень красива, что вкупе с репутацией доступной женщины лишь усугубляло ее положение.

И, какой-то частью себя Ара восхитилась этой хрупкой блондинкой в узорчатом плаще, из-под которого выглядывал подол шелкового изумрудного платья в полоску и двуцветные ботиночки с длинным рядом пуговиц. Той частью, которая не застыла от ужаса, вызванного этой неожиданной встречей. Ведь надо же было мисс Коннорс по жестокой шутке судьбы оказаться в Картвилле в одно с ней время и зайти в эту кофейню именно сейчас, не раньше и не позже! Или она теперь здесь живет, раз столица отвернулась от грешницы?

За стойкой появилась хозяйка, мадам Луиза собственной персоной, и так напряженно следила за гостьей, словно опасалась, что та сейчас начнет при всех сдирать с себя одежду и приставать к джентльменам. Мисс Коннорс же двинулась вдоль столиков, провожаемая шлейфом шепотков. Шаг, еще один... пока не случилось неизбежное. Их с Арой взгляды встретились, и мисс Коннорс замерла от неожиданности в паре метров.

Ара поняла, что пропала: одно слово этой женщины, и впредь все заведения будут встречать ее точно так же, как оступившуюся дочку графа, а Ирвин, и вообще ни один джентльмен, не говоря уже о леди, никогда больше не сядет с ней за один стол!

– Что эта женщина себе позволяет? – снова зашипела мадам Хортан. – Смотрит без грамма стыда и совести! Так, словно это мы должны опускать перед ней глаза! А еще компаньонку с собой привела, кого она пытается этим обмануть?

Мисс Коннорс действительно сопровождала такая же незаметная женщина, как и сама мадам Хортан.

Немая сцена, как и направленность взгляда гостьи, не остались без внимания.

– Вы знакомы? – удивленно спросил у Ары Ирвин, а потом, чуть нахмурившись, обратился к мисс Коннорс: – Прошу прощения... мисс, могу я быть вам чем-то полезен?

Сесиль закусила губу, Ара же чувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Духота давила со всех сторон, а зала плыла и кружилась перед глазами.

Мисс Коннорс словно бы очнулась. С трудом перевела взгляд на Ирвина, очаровательно улыбнулась и произнесла своим грудным завораживающим голосом:

– Нет, простите, я обозналась.

И отвернувшись, прошла мимо.

Ара чувствовала, как руки под столом дрожат, и сглотнуть по-прежнему не получалось. Ирвин и остальные уже продолжили беседовать о чем-то другом, а она никак не могла успокоиться. Мисс Коннорс совершенно точно ее узнала, но не выдала. Лишь осознав, что к ней обращаются с, каким-то вопросом, Ара с трудом вникла в его суть и, что-то ответила. Но сосредоточиться на разговоре не получалось, как и получать прежнее удовольствие от этого вечера, и через несколько минут она извинилась, сообщив, что вынуждена ненадолго отлучиться.

Ирвин и мистер Дорс почтительно встали, когда она поднялась.

В дамской комнате Ара поплескала воды на горящие щеки и уставилась на свое отражение в зеркале: лихорадочные пятна румянца на щеках, пересохшие губы и потерянный мечущийся взгляд. Вот он переход от слов к действию, проверка свыше: она готова к цене ошибки? Готова к такой же реакции на свою персону всю оставшуюся жизнь?

Дверь снова открылась и закрылась, впустив... мисс Коннорс. Та быстро проверила

кабинки, убеждаясь, что кроме них здесь больше никого, и повернулась к ней.

Повисло молчание.

– Спасибо, – произнесла наконец Ара. – Спасибо, что не стали открывать, при, каких обстоятельствах мы с вами встретились в прошлый раз.

Мисс Коннорс повела плечом, что вышло у нее плавно и красиво.

– Женщины в беде должны помогать друг другу, не так ли? А вы ведь в беде?

– Не думаю, что понимаю, о чем вы. Прошу прощения, меня ждут. – Несмотря на свою благодарность, Ара не желала задерживаться здесь и продолжать разговор, поэтому направилась к двери, но следующие слова заставили ее замереть:

– Он заставил вас подписать контракт, верно? Поэтому вы не можете ничего рассказать. – Заметив, какой ошеломляющий эффект произвели ее слова, мисс Коннорс невесело усмехнулась: – Вижу, что не ошиблась. Не удивляйтесь, он и меня в свое время вынудил подписать договор, включающий пункт о неразглашении. Не знаю, как ваш, а мой бессрочный...

Договор Ары действительно включал такой пункт. Только он касался разглашения подробностей соглашения, но в общих чертах она смогла рассказать Сесиль.

– И мне бы очень хотелось забыть то, что я видела в его доме! – продолжила мисс Коннорс. – В том... подвале, он... – девушка схватилась за горло, словно, что-то душило ее, мешая нормально говорить, поэтому закончила она с передышками и часто дыша: – Внизу... все... ответы... ящики... маркиз... совсем не тот, кем вы его... считаете. Правда куда страшнее... Бегите от него, бегите, пока не поздно!

Не прощаясь, она развернулась и покинула комнату. Краем сознания Ара отметила, что на пальце мисс Коннорс до сих пор блестит подаренное Асгартом кольцо с черным камнем в окружении бриллиантов.

Когда она вернулась в зал, скандальная посетительница уже ушла, то ли отказавшись от намерения провести здесь вечер, то ли все-таки выставленная мадам Луизой. И теперь гости заведения могли всласть перемывать ей косточки.

Ара поняла, что тоже больше не в силах здесь оставаться. Ей нужно на воздух, отдышаться, подумать, привести мысли в порядок...

– Как, вы уже нас покидаете? – встрепнулся Ирвин, когда она сообщила, что ей пора. – Но вы могли бы...

– Нет, сейчас ведь уже около половины шестого? Лучше приду пораньше, не хочу заставлять себя ждать.

Молчаливый мистер Дорс кинул на приятеля странный взгляд.

И тут джентльмен неподалеку громко спросил у соседнего столика, который час.

– Без двадцати семь.

– Благодарю, сэр.

Ара непонимающе обернулась к ним, хотела возразить, что это ошибка, и сейчас на час меньше, но вдруг увидела, как мистер Дорс снова покосился на приятеля, и все поняла.

– Ирвин... скажите, что сейчас половина шестого, а не седьмого! – потребовала она.

– Послушайте, Ара...

– Зачем ты это сделал, балбес! – возмутилась Сесиль, до которой тоже дошло.

– Вы не должны были!! Не должны были обманывать меня! – Ара в отчаянии обернулась по сторонам. – Где мой плащ?!

– Простите, я не мыслил дурного! Мне просто хотелось побыть в вашей компании

чутьточку подольше, а вы так твердо стояли на своем. Разве это такое уж преступление?..

Молодой человек растерялся, явно обескураженный такой бурной реакцией на свою в целом невинную уловку. И при других обстоятельствах Ара с легкостью бы ему простила. При других, а не тогда, когда маркиз отпустил ее на встречу с Сесиль с одной-единственной просьбой – не опаздывать. И слава Богу, то была просьба, а не прямой приказ, в противном случае, она бы сейчас умирала от сердечного приступа.

– Это ведь всего лишь один час! – бормотал Ирвин. – Даже меньше – сорок минут. Что может случиться за сорок минут? Простите... простите, я не хотел вас расстраивать, сейчас принесу ваш плащ из гардероба.

Но принести он ничего не успел, потому, что дверь кофейни распахнулась с такой силой, что вылетели вставленные в нее стекла, и на пороге появился... нет, не тот мужчина, который высадил сегодня Ару напротив «Короны». А тот, что убил в лесу трех человек.

В глазах маркиза смерчами заворачивалась тьма, а волны гнева буквально лавиной хлынули на всех посетителей кофейни, заставив замереть. Несколько дам запоздало вскрикнули, с испугом глядя на него.

– Это, что, лорд Кройд? – изумленно прошептала мадам Хортан, которая, кажется, знала имена всех аристократов страны. – Что он здесь...

Когда взгляды Ары и маркиза встретились, девушке показалось, что в нее воткнули разом три кинжала: два в глаза, и один – в грудь, обрывая стук сердца.

Каким-то одним диким движением мужчина оказался рядом, выдернул ее из-за стола на ноги, как тряпичную куклу, и поволок к выходу, даже не дав одеться.

– Что вы себе позволяете?! – опомнился Ирвин и перегородил дорогу.

Ни на миг не останавливаясь, лорд Кройд просто отшвырнул его с пути, так, что юноша пролетел несколько метров и врезался в стену, сломав затылком раму висевшей там картины. Со стоном сполз на пол, но тут же попытался встать, чтобы помешать взбешенному маркизу. И Ара, объятая ужасом, что сейчас услышит хруст еще одной сломанной шеи, крикнула:

– Нет, Ирвин!! Не надо... я с ним...

Потрясение, которое произвели эти слова, ударило ее пощечиной наотмашь. Последнее, что она увидела, это широко распахнутые глаза Сесиль на смертельно бледном лице, а в следующий миг маркиз выдернул Ару на улицу и швырнул в распахнутую дверцу кареты.

– А кто мне заплатит за ущерб?! – крикнула вслед хозяйка, наконец опомнившись, но лошади уже рванули с места под свист кнута, унося с собой виновников нового скандала.

Едва придя в себя после грубого приземления на сидение, Ара накинулась на маркиза разъяренной кошкой, осыпая его беспорядочными ударами, пощечинами, стуча о него сразу обеими руками, кулаками, ладонями!

– Ты не имел права!! Не имел права бить моих друзей и швырять меня, как, какую-то вещь!! – Из глаз брызнули злые слезы и потекли по щекам, но Ара даже не пыталась их смахнуть, заходясь в первой в своей жизни истерике.

Как он мог?! Как мог так унижить ее перед друзьями?! Как мог накинуться на них с кулаками?! Как мог подставить перед посетителями кофейни, которые разнесут новость о случившемся подобно лесному пожару?! То, чего не сделала мисс Коннорс, только, что сделал он! Просто перечеркнул будущее Ары одной вспышкой своего гнева! И все из-за чего: из-за того, что опоздала на, каких-то сорок минут? И это в нем-то она пыталась разглядеть, что-то хорошее?! Его защищала перед Сесиль?! Так мог поступить только человек, которому совершенно плевать на нее и ее чувства!

– Ненавижу!! Ненавижу тебя! – рыдала Ара, продолжая беспорядочно бить маркиза, который молча привалился в углу напротив, тяжело дыша и никак не закрываясь от ее ярости.

– Что ты молчишь?! Не смей молчать!!

– Он молчит, потому, что не может говорить: едва дышит из-за пробитого легкого, – раздался вдруг незнакомый голос.

Ара дернулась, осознав, что они не одни в карете: рядом сидел незнакомый мужчина в очках с коротко стриженными темными волосами и щеткой усов. Он смотрел на девушку неодобрительно, с осуждением. В следующий миг дошел и смысл его слов.

– Что?.. – Взгляд растерянно метнулся к маркизу, и только сейчас она увидела, что тот прижимает руку к груди, а между пальцами сочится алое... И сюртук спереди весь мокрый от... крови?

Гнев схлынул моментально, сменившись страхом той же силы, какой только, что была злость. Асгарт ранен? Ее Асгарт ранен?! В наступившей паузе стало слышно, что он дышит не просто хрипло, а с присвистом и пугающим бульканьем. А еще он то и дело промакивал рукавом кровь с губ, которая выступала снова и снова... И все прочее в мире тотчас показалось несущественным, сущим пустяком по сравнению с тем, что было важнее всего на свете – чтоб он выжил.

– Боже! Как... Когда это случилось?!

– Около полутора часов назад в трех милях отсюда.

– Полтора часа?! Почему вы сразу не отвезли его ко врачу? Мы должны немедленно вернуться в Картвилль и найти доктора! – За окном уже мелькали поля.

– Почему-почему, – фыркнул мужчина, просверлив Ару еще одним неодобрительным взглядом. – Потому, что посмотрел бы я на того смертника, который взялся бы образумить этого сумасшедшего! Говорил же ему, что с вами все в порядке, и сперва надо с его раной разобраться. Так мне за это чуть все кости, дьявол, не переломал! И нет бы напротив «Короны» дожидаться вас – женщины ведь вечно опаздывают. Тогда б записка от Чейна сразу в руки попала... Куда там: ему ж надо было самому полгорода обежать, прежде чем мальчишка-посыльный его наконец нашел!

У Ары все внутри оборвалось: так, значит, Асгарт потерял уйму драгоценного времени, потому, что кинулся искать ее? Когда она не явилась вовремя в условленное место, бросился на поиски, решив, что она в опасности? Метался по городу в ужасе, что прямо сейчас она лежит где-то и умирает от ран, а нашел... в уютной кофейне, беззаботно болтающей в развеселой компании, включающей двух незнакомых мужчин...

«Что может случиться за сорок минут?»

Чья-то жизнь может закончиться за эти потерянные сорок минут.

А она накинулась на него с кулаками и упреками... Ара чуть не взвыла от злости на себя и желания надавать себе же пощечин.

– Перестаньте говорить так, будто меня здесь нет, – хрипло выдавил маркиз. – Я не собираюсь помирать, и я еще не немой...

– Ничего не говорите, – прошептала Ара. – Берегите силы. Куда мы едем? – обратилась она к мужчине, имени которого не знала.

– В поместье. Туда уже вызвали доктора.

Внезапно дверца кареты распахнулась, и внутрь прямо на ходу запрыгнул мужчина, которого Ирвин в шутку причислил к поклонникам Ары. Девушка поняла, что это и был тот самый Чейн, отправивший к «Короне» мальчишку с запиской для маркиза. Запиской, которую тот не дождался, потому, что бросился искать ее самостоятельно. Она сразу должна была догадаться, что Асгарт не оставил бы ее одну в городе, не приставив сопровождения. Сам же говорил, что угроза сохраняется, пока не найден заказчик ее похищения!

– Через полчаса будем на месте, – хмуро сообщил Чейн, закрывая дверцу и тоже устраиваясь внутри. Его ботинки блеснули, и дело тут оказалось не только в старательности чистильщика обуви: острые носы были окованы, каким-то металлом. И точно такая же обувь оказалась на другом мужчине и на самом Асгарте. В памяти всплыл гулкий стук шагов, спускающихся в подвал... И тут же отступил, как неважное сейчас.

Ара закусил губу: целых полчаса! А маркиз на каждой кочке сдавленно чертыхается, едва сдерживая стоны. И лицо у него побелело настолько, что аж светится в полумраке кареты... Снова захотелось расплакаться – от страха за его жизнь и бессилия.

Но ее слезы – последнее, что ему сейчас нужно. Поэтому девушка усилием воли взяла себя в руки и спросила у остальных двоих:

– Я могу чем-то помочь? Если это огнестрельное, то пулю не вытащу, но хотя бы промою снаружи рану, если у вас есть вода или спиртное.

Мужчины переглянулись, обменявшись безмолвным диалогом.

– Это не огнестрельное, – сказал наконец усатый.

– Ножевое? Тогда я могу наложить временную повязку.

– И не ножевое... Но помочь вы вообще-то способны... – он странно посмотрел на нее.

– Заткнись, Дик! – прошипел маркиз. – Еще слово, и я выброшу тебя из кареты!

Усатый с нажимом повторил:

– Ты умираешь от отравления и кровопотери, а она может помочь!

– Нет!

О Господи, еще и яд?

– Пожалуйста, Асгарт, позволь мне сделать все, что в моих силах! – взмолилась Ара.

– Я сказал «нет»!! – прорычал маркиз, так, что девушка отшатнулась и вжалась в стенку кареты, до боли вогнав ногти в ладони.

Он так зол на нее, так презирает, что даже в условиях угрозы жизни не желает

принимать от Ары помощь... На очередной кочке, немилосердно тряхнувшей всех пассажиров и вырвавшей у маркиза глухой стон, его рука на миг сползла с груди и снова вернулась на место. Но этого мига девушке хватило, чтобы разглядеть рану в разрывах одежды. Или вернее «раны» – острые длинные и до тошноты глубокие порезы, больше всего напоминающие... следы от когтей. А кожа по краям почернела и будто оплавилась.

Что-то далекое окутанное туманом с запахом городского смога опять вспыхнуло в памяти. Вспыхнуло и погасло.

И все, что Аре оставалось остаток пути – это кусать губы, мысленно подгоняя и так мчащихся на предельной скорости лошадей, и молиться, чтобы они успели вовремя.

* * *

Доктор уже ждал в доме, и, когда маркиза туда втащили, поддерживая с обеих сторон, все мужчины тут же заперлись в кабинете, предварительно очистив стол, куда положили раненого. Ару не пустили, хоть она и предложила врачу услуги ассистентки.

– Чейн, держи ее подальше! – рявкнул маркиз в закрывающуюся дверь. И лицо у него было такое... такое, словно он сейчас придушит Ару голыми руками или накинется и растерзает зубами. Он даже рванулся к ней, и трое взрослых сильных мужчин с трудом удержали одного раненого.

Его слова и полный голода и обжигающей ненависти взгляд полоснули сердце Ары острой болью, хотя, казалось бы, оно сегодня уже столько вытерпело, что почувствовать, что-то еще просто невозможно. Выяснилось, возможно. Боль прошла, а горечь осталась. Девушка то злилась на маркиза за то, что злился на нее, то корила себя, то твердила, что ей должно быть безразлично, то молилась всем святым за его жизнь, мечась по коридору.

Если б она могла сейчас тоже помогать: подавать полотенца, менять воду, накладывать повязки, ей было бы намного легче, чем вот так выть от бессилия и неизвестности, и слышать из-за двери отрывистое:

– ... за яд? Антидот...

– ...второго типа...!

– ...держи края!

– ...завтра... на ноги...

– ...издеваетесь?!... врач, а не волшебник!

– Идемте отсюда, мисс, – аккуратно, но настойчиво потянул ее за локоть Чейн.

Ара вырвала руку.

– Никуда я не пойду! Я должна быть здесь, рядом с ним!

– Вы слышали маркиза: он этого не хочет и велел держать вас подальше.

– Мало ли, что он там велел! Он ранен, в бреду!

– И даже в бреду он не желал вас видеть.

Грудь прошила новая волна боли, от которой хотелось зашипеть... Да, когда же это закончится?!

А уйти все-таки пришлось. Какое-то время Ара сидела у себя в комнате на залитой лунным светом постели, не зажигая свечей и напряженно вслушиваясь в то, что происходило внизу. Но доносились лишь отдельные глухие звуки – то ли шаги, то ли, что-то передвигали.

Слов мужчин было не разобрать, только интонации. Спустя вечность все стихло.

Почувствовав боль в мышцах, Ара опустила глаза и обнаружила, что до побелевших костяшек сжимает остатки тонких шелковых простыней, которые, сама того не заметив, изодрала. Девушка разжала пальцы, успокоила дыхание и спустилась вниз, к кабинету. В коридоре никого не было: Чейн то ли зашел внутрь, то ли ушел вовсе. А голоса за дверью теперь звучали не отрывисто и грубо, а спокойно: доктор, видимо, закончил работу, и теперь мужчины просто тихо переговаривались. Интонации Асгарта тоже различались.

Ара уже хотела постучать в дверь, но тут в холле раздался шум, который явно направлялся в эту сторону. Девушка безотчетно попятилась в тень, поэтому появившаяся в коридоре группа гостей ее не заметила. Зато она прекрасно разглядела четырех... женщин, которых вел Чейн.

Три гостьи выглядели заспанными, словно выдернутыми из постелей – скорее всего, так и было, – и слегка испуганными. В одной из них Ара узнала молодую крестьянку, которую видела с маркизом под дубом. Другая была молоденькой девушкой лет пятнадцати, с ярко-зелеными глазами на чумазом лице, кутавшейся в, какое-то рванье – похожа на нищенку. Третья – широкобедрой крепкого склада женщиной средних лет, настороженно осматривающейся. А вот четвертая, лет двадцати пяти, совсем не казалась сонной, словно не спать по ночам – обычное для нее дело. Она шла уверенно, без тени смущения и даже нагло вглядывая обстановку. Одета ярко, но безвкусно, а лицо слишком белое и румяное, чтобы эти краски принадлежали природе.

Компания была такая разношерстная, словно их хватали без особого разбора. Чейн завел гостей в кабинет и, сам зайдя внутрь, щелкнул замком.

Ара стояла, не в силах собраться с мыслями после пережитого волнения и бессонной ночи, и просто не понимала, что это значит. Четверо мужчин закрылись сейчас в кабинете с четырьмя женщинами, а она стояла и не понимала. И все еще надеялась, что этому есть, какое-то разумное объяснение.

А потом тонкий девичий голосок вскрикнул:

– Нет, пожалуйста, не надо! – наверное, та самая девочка-нищенка.

Что-то ударилось о дверь, словно в попытках выбраться. Дернулась ручка, которую терзали изнутри. Рывок, второй, и девушку оттащили.

– Потерпи, милая. – Пыхтенье доктора. – Тебе хорошо заплатят.

– Не-ет!

Какая-то возня, отчаянное трепыхание, словно кого-то силой удерживали на месте... еще один вскрик и... стон. Не удовольствия – боли. Испуганные возгласы других женщин.

– Что происходит?!

– Выпустите!

... отчаянные всхлипы...

– Крепче держи! – рык маркиза.

Совсем не такой голос должен быть у тяжело раненого и едва спасшегося от смерти.

И снова стоны, только уже не боли, а... чувственные, призывные.

– Хватит, ты убьешь ее!

Кого-то всхлипывающего отшвырнули.

– Давай... следующую... – тяжелое, с одышкой, маркиза. – А ты, Чейн, успокой Лизет.

Наверное, та самая крестьянка, раз Асгарт знает ее имя...

Вскрик, треск ткани.

Ара чувствовала, что ее вот-вот стошнит. Зажала уши руками, чтобы отгородиться от этого кошмара, хотела попятиться, но ноги парализовало, и она не могла сдвинуться с места. Так и стояла, трясясь всем телом и пытаясь не слышать звуки, которые все равно просачивались через дрожащие пальцы.

Вечность спустя это прекратилось. Мольбы, стоны, вскрики стихли, последовала возня, шелест одежд, словно участники приводили себя в порядок, и дверь снова отворилась, выпуская давешних четырех женщин, опять ведомых Чейном.

Самая младшая девушка, едва переставлявшая ноги, споткнулась и на миг повернула

голову в сторону застывшей в тени Ары. Лицо гостьи было уже не испуганным, а пустым, погасшим и смертельно бледным. Такая же пустота царила в зеленых глазах, растерянно шаривших вокруг, на щеках блестели подсыхающие дорожки слез.

– Не туда, – дернул ее мужчина. – Налево.

От рывка за локоть монеты выпали из неплотно сжатого кулака и так и остались лежать на ковре...

Остальные гости были в не лучшем состоянии. Даже у той, что входила в кабинет с нагловатым уверенным видом, на лице застыла такая же потерянность.

Выпроводив женщин, Чейн вернулся, и вскоре все четверо мужчин уже окончательно покинули кабинет и направились к центральному выходу, распространяя запах бурбона, такой крепкий, словно они им обливались.

Четверо.

Маркиз шел впереди уверенным шагом. Переодетый в новый чистый костюм, он не кривился от боли, не прижимал руку к груди и явно не испытывал никаких затруднений в дыхании.

Это было невероятно...

Это было невозможно!

Это было... обманом. Да. Обманом!

Все с самого начала было обманом!

И завершающим штрихом – сегодняшний вечер, предпоследний перед окончанием контракта.

Его ранение, ярость, ругань мужчин – всего лишь тщательно спланированный спектакль. Потому, что человек не может просто встать и пойти после такой тяжелой раны, как у него. Он должен был еще минимум несколько дней проваляться в постели, а не запирается в кабинете с женщинами, а потом вышагивать, как ни в чем не бывало.

Но зачем? Зачем ему все это?

Мысли кружили, отказываясь собираться в нужном порядке, а эмоции рвали на части, выворачивали наизнанку.

Она поверила ему. Поверила, тогда, как все вокруг предупреждали этого не делать: Сесиль, мисс Коннорс, опыт ее собственной семьи, великосветские слухи и даже тот застреленный в карточном доме джентльмен, обвинивший Асгарта в мухлеже. И только Ара, как последняя идиотка, не хотела их слушать, потому, что так подсказывало сердце... Глупое никчемное сердце, изодранное сегодня в клочья, оплеванное и растоптанное!

А, как же его мать?.. Ведь она... Мать?! Ара запустила пальцы в волосы и со стоном сползла спиной по стене, чувствуя, как наружу рвется смех вперемешку с, какими-то лающими рыданиями. Просто отличная актриса, у которой во внешности нет ничего общего с «сыном». А все это представление с врыванием в гнев в кофейню – действительно для того, чтобы подставить Ару. Отрубить ей обратную дорогу в высший свет и толкнуть в объятия раненого «героя». Сжечь мосты, ведь ей теперь и правда некуда вернуться... А если б она все-таки не согласилась стать его по доброй воле, то по истечении договора и уже без опасности сердечного приступа ее бы... тоже, как этих женщин?!

И от кабинета велел держаться подальше не потому, что злился на нее, а, чтоб Ара не слышала, как они там смеются над ее наивностью, распивая бурбон...

Беспринципный циничный подонок, для которого нет ничего святого! Который убивает тех, кто говорит правду, разоряет семьи, осмелившиеся перечить его воле, и запирается в

кабинете с кричащими от страха женщинами!

Потом мысли стали совсем хаотичными, разум не вмещал всех потрясений сегодняшнего дня, и Ара еле-еле, цепляясь за стену, затем за перила лестницы, дотащилась до своей комнаты и, не раздеваясь, упала на кровать. Мелькнула было мысль придвинуть к двери комод, но девушка от нее отказалась: во-первых, не осталось сил даже пальцем пошевелить, во-вторых, это препятствие не остановит того, кто выбивает двери ногой, а разозлить – разозлит.

От усталости она даже плакать уже не могла. И думала, что не заснет, но заснула почти мгновенно – как в пропасть рухнула, и в этой пропасти, в которую она летела весь остаток ночи, кружили разрозненные обрывки: циничная улыбка маркиза, его нежная улыбка, распускающиеся лепестки розы, горячее тело, вжимающееся в ее, удар когтей, брызнувшая кровь, женские крики и мужские руки, рывком раздвигающие ей бедра...

Ара проснулась разбитой, но странно спокойной. словно погасшие угли. Потухшие искры. Человек, чьи чувства просто закончились.

И тем более странно было видеть Мари, ведущую себя, как ни в чем не бывало. Ара ей подыграла. Вернее, изобразила себя прежнюю. Даже спросила, как самочувствие маркиза – горничная была вчера в числе слуг, выбежавших встречать карету с «раненым». Та ответила, что хозяин уехал еще затемно и до сих пор не вернулся... Кажется, девушка смутилась. Только отчего? Стыдно было лгать в глаза? Или она действительно ничего не знала про дела маркиза и тоже не понимала, как человек в его состоянии мог куда-то уехать? Больше Ара не стала задавать никаких вопросов, и вскоре Мари ушла.

Девушка сняла колпак с подноса и позавтракала, обстоятельно и неторопливо. Или скорее пообедала, потому, что проснулась, как выяснилось, в три часа пополудни – организм восстанавливался после нервного потрясения. Или просто Ара не хотела никогда больше просыпаться. Хорошо, что леди не читают газет. Вряд ли бы ей понравилась статья на первой полосе таблоидов про вопиющий случай, имевший место в кофейне Картвилля. Ара даже почти видела строки, смакующие в сочных выражениях позор бывшей леди, пустившейся во все тяжкие с небезызвестным маркизом после банкротства семьи...

Мысли о родителях девушка постаралась загнать, как можно глубже. Не думать, не переживать произошедшее заново, не корить себя, иначе просто распахнет сейчас это окно и выпрыгнет...

Окно Ара действительно распахнула, но не для того, чтобы пафосно и глупо закончить свою жизнь, а, чтоб вдохнуть свежего воздуха. Он был тяжелый, вязкий, как и набрякшее пасмурное небо, больше приличествующее вечеру перед грозой. Но ей полегчало. А отсутствие эмоций помогло сделать то, что накануне помешал их избыток – думать. О том, что ее ждет впереди, что приготовил маркиз в этот последний день под его крышей, а еще о том, что, что-то не сходится... Ара нахмурилась, пытаясь подцепить ускользающую мысль, но та срывалась, словно верткая рыбешка с крючка, так, что девушка не могла понять, что же ее смущает.

Как-то все понемножку: невероятное по масштабам представление ради... нее одной? Поразительные артистические способности маркиза, который умел великолепно играть не только гнев и страсть, но и нежность. Или все-таки не играть? Глубокие и совершенно натуральные раны, которые она видела собственными глазами и не сомневалась в их подлинности, исчезнувшие за пару часов... Розы, которые не могли распуститься, но все-таки распустились – так же невероятно, как и практически мгновенное исцеление, как и

нечеловеческая сила Асгарта, как и появляющиеся и исчезающие когти, как и... договор, нарушение которого грозит смертельным исходом. И в конечном итоге оберегающий ее от самого маркиза.

Наверное, она безумна, отравлена, совершенно заморочена этим мужчиной, но на пепелище сгоревших чувств упрямо пробивался росток... надежды. Ара упорно давила его в себе, но он поднимался снова и снова, нашептывая, увещевая, что у монеты всегда две стороны. И если ты смотришь только на аверс, это не значит, что реверса нет. Просто пока, что ты его не видишь. Но стоит чуточку повернуть металлический кружок...

Ара решительно сняла халат и принялась одеваться. Мари вызывать не стала.

Весь дом казался, каким-то притихшим, словно растерялся без хозяина, который уехал неизвестно куда и вернется неизвестно, когда. За пределами комнаты решимость девушки поубавилась. Она и сама не знала, куда идет. Просто шла и шла вперед, прислушиваясь к затаившемуся поместью, которое, казалось, в свою очередь настороженно наблюдает за ней. По пути не встретилось ни одного слуги, никто ее не остановил, как в кошмарных снах, в которых блуждаешь и блуждаешь до бесконечности по паутине коридоров и никак не можешь найти искомое место, пока пробуждение не вырывает из этого лабиринта, не имеющего выхода.

Только Ара совершенно точно бодрствовала. И, пожалуй, все-таки с самого начала знала, куда идет. Или узнала, когда остановилась перед невысокой дверью. В подвал. Конечно же, она будет закрыта. Девушка дернула ручку так, больше для того, чтобы в этом убедиться, и уже хотела отвернуться, но застыла на месте – потому, что створка беззвучно поддалась и приоткрылась...

Ара смотрела в черную щель, из которой тянуло сквозняком и еще чем-то, отчего волоски на шее поднимались, и словно бы раздвоилась. Одна часть девушки убеждала, что это очень плохая идея, и, что следует убраться отсюда, как можно скорее. А вторая – та, что никак не могла избавиться от сомнений, – утверждала, что очевидное и безопасное еще не значит верное, и, что сейчас, пока маркиза нет дома, у нее есть единственная возможность раз и навсегда покончить с сомнениями.

Мисс Коннорс накануне сказала, что все ответы в подвале. И ящики Асгарт с помощниками выносил именно отсюда... Ара чувствовала, что внизу ее ждет либо свидетельство его жутких и жестоких преступлений, и тогда завтра же на рассвете, как только истечет срок действия договора, она должна бежать из этого дома, бежать в полицию и рассказать там обо всем, включая тройное убийство в лесу. Либо же – и, что-то в душе замирало, отчаянно надеясь на это «либо», – она увидит реверс, который не видит сейчас.

Ара глубоко вдохнула, медленно выдохнула, сняла со стены зажженный канделябр и, растворив дверь шире, шагнула на уходящую в темноту лестницу.

В лестнице было ровно двадцать три ступени. Ара считала. Это помогало отвлечься от бегущего по спине озноба и мысли о том, что ее ждет в конце темноты. Несколько раз посещало малодушное желание развернуться и сбежать к безопасности первого этажа, но Ара, стискивая зубы, заставляла себя спускаться дальше. Даже ее тень на стене в трепещущем ореоле света приобрела пугающие черты: то вытягивалась сумрачным насекомым с непомерно длинным узким телом, переползая на потолок, то сжималась в маленькую испуганную девочку, словно бы протягивающую к Аре руки и умоляющую повернуть назад, пока не поздно.

Ни единый звук не был слышен, кроме звука ее шагов и ее же оглушающего прерывистого дыхания.

Наконец, Ара оказалась на пяточке десять на десять ярдов. С одной стороны к нему примыкала лестница, по которой она только, что спустилась, а с другой помещалась... еще одна дверь. Ара приблизилась и прислушалась. Ей почудился, какой-то шорох на другой стороне. Но мог действительно просто почудиться.

Жаль, что у нее нет с собой никакого оружия, вроде пистолета. Хотя зачем он ей? Все равно не умеет пользоваться. Впрочем, подсвечник, тяжелый, внушительный, вполне мог сойти за оружие. Девушка тут же одернула свое не в меру разыгравшееся воображение. Это все нервы.

Она положила пальцы на дверную ручку и, когда оставалось только сомкнуть их и потянуть створку на себя, одернула руку. Быстро прошлась по пяточку, зажигая настенные лампы на одну свечу. Когда мягкий свет прогнал все тени, полностью выставляя на обозрение небольшую площадку, стало спокойнее. Ара решительно подошла к двери, дернула на себя ручку и... ничего. Дверь была заперта.

«Ну, вот и все! – обрадовался внутренний голосок, с самого начал отговаривавший спускаться в подвал. – Ты сделала, что могла: ключ либо у маркиза, либо у экономки. И ни тот, ни другая, разумеется, тебе его на дадут».

Наверное, это было трусливо, но девушка не смогла сдержать вздох облегчения.

И словно в ответ на него по ту сторону двери раздался стон. Уже успевшая отвернуться и даже шагнуть к лестнице, Ара застыла на месте.

– Помогите... – прошелестел измученный голос, – бога ради... помогите...

С бешено колотящимся сердцем девушка вернулась обратно и приложила ухо к створке, но больше не донеслось ни звука. Там сейчас... ЧЕЛОВЕК?! Живой человек?! Судя по голосу – едва живой.

– Вы... кто вы?... Как давно заперты?

– Помогите... пить... – бормотал несчастный, – сжальтесь... он придет... врача...

Пленник уже явно бредил и, возможно, не дотянет до утра. А если маркиз не вернется сегодня? Или, – ударила страшная мысль, – смерть в этом подвале не является чем-то из ряда вон. И в тех черных окованных цепями ящиках... Ара судорожно втянула в себя воздух.

Снова подергала ручку.

– Дверь закрыта. Вы меня слышите? Как вы? Вы не ранены?

– Помогите...

– Как?! – в отчаянии воскликнула она. – У меня нет ключа!

– Не... ключ... – так же едва слышно. – Он открывает... не ключом...

Только после этих слов Ара поняла, что на двери нет замочной скважины.

– Ручка... поверните ее... трижды вправо... а потом влево... на пол-оборота... и оставьте... параллельно полу.

Не тратя времени на удивление, Ара поставила канделябр на пол и сделала, как ей сказали.

Что-то щелкнуло, но дверь осталась по-прежнему заперта.

– Теперь... простучите по двери... вот это...

Она услышала ритм, довольно замысловатый, который отбивали, кажется, по полу чем-то металлическим. Пленнику пришлось повторить его еще раз, поскольку с первого запомнить сложную последовательность не удалось. Едва Ара извлекла костяшкой пальца последний звук, раздался новый сухой щелчок, словно отодвинулся второй невидимый затвор.

– Теперь... надавите на лунки... видите... появились?

В том месте, которое раньше закрывала вертикально стоящая ручка, теперь действительно обнаружились пять глубоких впадинок, будто специально для руки, и Ара, вставив в них пальцы, надавила. И тут же, ойкнув, отшатнулась, уставившись на пять капель крови, выступивших на концах пальцев от порезов обо, что-то острое.

Последний щелчок, и створка с тихим скрипом приоткрылась...

Девушка шагнула вперед, распахнула ее, подняла повыше подсвечник и зажала себе рот ладонью, сдерживая крик.

На полу у противоположной стены крошечного карцера скорчился молодой мужчина, даже юноша – лет семнадцати. Бледное изможденное до выступающих ребер тело было опутано вделанными в стену за ним цепями и прикрыто лишь полотняными штанами, открывая на обозрение худой торс с множеством свежих и уже подживающих синяков, ссадин и отметин, напоминающих... следы от плети и ожоги?! О господи, его пытали!

Пленник поднял затуманенные давно не видевшие свет глаза и часто заморгал, закрываясь ладонью от свечей. Звякнул металл, и Ара поняла, что ритм по полу он выстукивал кандалами. Массивные обручи натерли кожу на отошавших запястьях и лодыжках до багровых ран, особенно хорошо видных на бледной истончившейся коже, которая, казалось, может в любой момент порваться, обнажив кости. Удивительно, как в нем до сих пор держалась жизнь!

Но даже несмотря на такое ужасающее состояние было видно, насколько пленник красив – словно сошел с полотен старинных мастеров: скульптурные скулы, светлые вьющиеся почти до плеч волосы, сейчас грязные и свалявшиеся, глубокие, как омуты, глаза, в которых начали загораться осмысленность и надежда.

– Помогите... прошу, – слетело с запекшихся губ.

Ара содрогнулась от ужаса и жалости. Казалось, юноша в любой момент может испустить последний вздох.

Она сделала инстинктивный шаг вперед, но тут же почувствовала, как сердце словно сдавил невидимый кулак, предупреждая. Еще один шаг, и давление усилилось.

– Я... не могу войти, – в отчаянии произнесла она, отступая обратно. – Он запретил мне переступать порог подвального помещения.

Стоило снова оказаться снаружи, как хватка на сердце разжалась.

Юноша шевельнулся, но подняться сил у него не хватило, и скользнувшие по телу цепи

переползли с израненных на уже поджившие участки кожи. Раздалось шипение, словно металл обжигал, и несчастный застонал, заваливаясь обратно.

Ара закусила губу:

– За, что с вами так?

– Хотя бы... воды... – прошептал он, приваливаясь затылком к стене.

Кружка с водой, словно дразнясь, стояла на середине комнатухи, куда пленник не мог дотянуться, и девушка вновь поразила изощренной жестокости его мучителей.

– Я придумаю, как вам помочь, только держитесь!

Ара огляделась по сторонам в поисках идеи – она физически не могла переступить порог темницы, а он не мог даже просто встать, – и поняла, что держит ответ в руках. Быстро задула огоньки, потом опустила на колени и протянула подсвечник, подталкивая самой длинной свечой питье к пленнику и следя за тем, чтобы самой ненароком не коснуться пола. Маркиз ведь запретил «переступать порог», и она не переступает, она тянется на весу. И похоже, хитрость сработала, поскольку никакого давления на сердце она не ощутила.

Юноша протянул худую кисть навстречу кружке, которую Ара двигала к нему.

– Спасибо, ты просто ангел... – прошептал он, чуть приподняв уголки губ в благодарной улыбке и поймав ее взгляд. Но кружку почему-то не взял, хотя та уже была в пределах его досягаемости, а вместо этого нежно произнес: – А теперь иди ко мне.

Ара хотела напомнить, что не может этого сделать, но вдруг поняла, что откладывает подсвечник, поднимается и идет... С каждым шагом сердце стучало все быстрее, лихорадочнее, крича, требуя повернуть назад, но повернуть девушка не могла.

– А теперьними оковы, – произнес пленник, когда она остановилась перед ним, и поднялся на ноги, пусть и не без труда, но и не такой слабый, как казалось. Одновременно с этим выяснилось, что длины цепей и сил ему хватило бы на то, чтоб самостоятельно дотянуться до воды.

Ара хотела отшатнуться, спросить, что происходит, но увидела, как ее руки послушно толкают вставленные в пазы штыри, подцепляют и вынимают их, как оковы раскрываются, падая с его запястий и щиколоток. Как потом ее руки помогают ему выпутаться из цепей, которые, задевая кожу, заставляют его морщиться и шипеть от боли, как шипит его израненная кожа от соприкосновения с этим странным тусклым металлом.

Когда последние путы упали с его тела, юноша прикрыл глаза и, откинув голову, застонал от облегчения. А потом встряхнулся, и за его спиной расправились огромные... крылья. Перепончатые, в тонких прожилках и красивые страшной чудовищной красотой, они не помещались в этой клетушке, сгибаясь, царапаясь о стены. И сам юноша, полностью выпрямившийся, с мерцающими во тьме зовущими глазами, был прекрасен такой же пугающей дикой душераздирающей красотой. От нее на глаза Ары наворачивались слезы, а сердце, и так отмерявшее последние судорожные толчки ее жизни, лихорадочно металось в груди, будто умоляя вынуть его и отдать пленнику...

И Ара это сделает, если он попросит, вырвет своими же руками. Сердце, тело, душу, что угодно – лишь бы и дальше смотрел на нее своими небесными глазами, лишь бы позволил еще пару мгновений любоваться его красотой, умирая от блаженства.

– Ты ангел, – повторил юноша с крыльями, кладя руку ей на горло, поглаживая обнаженную кожу кончиками пальцев, заканчивающихся теперь когтями, а потом наклонился вперед и медленно с наслаждением лизнул ее острым длинным языком от

подбородка к виску. Одна часть Ары, все сознающая, но бессильная, передернулась от омерзения, а другая, безвольная и онемевшая от восхищения, испытала горячий экстаз. – Вкусный ангел, – улыбнулся он. – А я так хочу пить... Теперь разденься.

И вновь рот Ары промолчал, а руки зажали своей жизнью, освобождая сперва ее от одежды, а потом и его – от штанов. И, когда он провел руками по ее полностью обнажившемуся телу, с удовольствием оглаживая нежную кожу, девушку затрясло от мучительного наслаждения, и с губ сорвался стон, на который юноша ответил рычанием, обнажая заостренные книзу зубы. Лицо тоже заострилось, но болезненная изможденность при этом странным образом сгладилась по сравнению с тем, что было вначале, некоторые мелкие ссадины уже зажили, другие заживали прямо на глазах, словно тело с каждой секундой наливалось силой.

Когда бывший пленник наконец опустил Ару на холодный мокрый от конденсата пол, в ней билось лишь одно желание – чтобы он поскорее оказался в ней, чтобы взял на этом грязном полу. И брал бесконечно долго и яростно, в ритме бешеных толчков, разрывающих сейчас ее грудь под влиянием нарушаемого договора и охватившей тело жгучей истомы. Поэтому, когда он лег сверху, Ара только шире раскрыла бедра, извиваясь, выгибаясь навстречу и крича от невыносимого напряжения – каждая секунда промедления была пыткой. И снова, какая-то ее часть, далекая и слабая, скулила от страха и отвращения, от желания столкнуться с собой этого прекрасного монстра, тогда, как другая, сильная и жадная, требовала отдаться ему без остатка, раствориться в губительной страсти.

И сердце, захлебывающееся в предсмертных судорогах сердце знало, что разорвется, навеки остановится с первым его движением внутри, но Ара лишь крепче обвила юношу руками и ногами, готовясь слиться с обжигающей вспышкой.

Вспышка действительно была: свет ударил в глаза, залил тесное пространство клетушки, а следом ее выволокло наружу, и подвал сотряс раскатистый рык, к которому тут же присоединился второй, перешедший в гневное шипение лишеной законной добычи.

Когда желанное тело внезапно исчезло с нее, Ара задохнулась от боли, словно оборвали кровную нить, хотела рвануться к нему, вернуть, снова быть с ним, но из-за накотившей невероятной слабости не могла даже открыть глаза и лишь чувствовала, как сумасшедший барабан в груди постепенно успокаивается, переходя на хоть и сбивчивый, но безопасный ритм. А рядом кто-то метался, бился, врезаясь в стены, звеня цепями, слышался треск ломаемых крыльев, снова шипение, снова рев, словно два взбесившихся животных бились не на жизнь, а на смерть.

Последний раскатистый рык, удар, и все стихло. А потом кто-то приблизился, бережно приподнял ее, укутал во, что-то, кажется, в плащ, и мир погас.

Аре было откровенно скучно. Зато маменька явно не разделяла ее мнение: она вот уже битый час болтала со случайно встреченной на выходе от портнихи знакомой и, кажется, еще долго не собиралась останавливаться. И Ара смотрела на затянутую туманом улицу – на прогуливающихся леди, наряженных в последний писк столичной моды, джентльменов, постукивающих тросточками о мостовую, проезжающие мимо экипажи, – потом снова на маму и со вздохом прижимала к себе куклу.

Единственным занимательным событием стал перебегающий дорогу кот с привязанным к хвосту бантиком. Забавный... Он брызнул в подворотню неподалеку, откуда вскоре раздалось его жалобное мяуканье и шипение. Девочка нахмурилась и с беспокойством посмотрела на угол, за которым он скрылся, ожидая, что кот вот-вот вновь появится, но он не появлялся, продолжая жалобно мяукать. Кажется, там послышался шум... А вдруг, что-то упало и придавило его, и теперь бедняжка не может выбраться?..

Девочка кинула еще один взгляд на маму, увлеченно обсуждавшую бриллиантовый гарнитур графини на последнем приеме у Эйзенгрантов, и сделала шагок в сторону подворотни. Оглянулась, но взрослые были полностью поглощены своим скучным разговором. Мама велела не отходить далеко, потому, что одиннадцатилетние девочки не должны в одиночку разгуливать по улицам города, тем более сегодня такой туман, что даже собственную вытянутую руку видишь не слишком четко. Но Ара и не собирается отходить далеко – лишь поглядит, что там с котом, не пострадал ли, и сразу обратно.

Кот не пострадал: вполне целый и невредимый, он забрался на закрытую крышку мусорного контейнера и оттуда, выгнув спину и вздыбив шерсть, шипел на кого-то внизу. Девочка сделала еще шагок вперед и испуганно попятилась: на земле, привалившись к контейнеру, сидел, какой-то человек. При звуке шагов он резко вскинул голову и уставился на Ару, не пытаясь подняться. Лицо кривилось от боли, и дышал он тяжело, хрипло, а руки прижимал к животу. Незнакомец был взрослый, на вид лет семнадцати-восемнадцати, как кузен Мэтью, хотя Ара плохо в этом разбиралась.

Первым порывом было убежать. С незнакомцами говорить нельзя, потому, что это признак дурного воспитания, и потому, что они могут причинить вред. Но кажется, этот юноша даже встать с земли не мог, не то, что навредить Аре. А еще по его прижатым к животу пальцам текло алое, капая на брюки, пропитывая заношенную и местами изодранную одежду. И Ара решила повести себя одновременно невоспитанно и неосторожно:

– Сэр... вам плохо? Вы поранились?

В его глазах зажглись странные огоньки – и страшно, и красиво.

– Да... дитя... поранился...

– Моя мама тут, за углом, я ей скажу, и она позовет констебля, чтоб он вам помог!

– Не нужно... констебля, – с расстановкой вытолкнул юноша. – Ты сама... можешь помочь...

Ара с сомнением посмотрела на его рану, наверное, глубокую, раз так кровит – порезы у Ары, даже, когда она случайно задела только, что наточенное лезвие косы, так не кровоточили, – потом обернулась на затянутую туманом улицу, в мутном мареве которой плыли пешеходы и экипажи. Так близко, и так далеко... И зачем только она пошла выяснять

судьбу кота? С другой стороны, если б не это, незнакомец просто истек бы здесь кровью.

– Я не умею лечить, – неуверенно произнесла она.

– О... умеешь... Как твое имя, дитя?

– Дэйнара Эштон. Но папа с мамой и Сесиль зовут меня «Ара». Сесиль еще иногда «Р-ра», потому, что недавно научилась выговаривать «эр».

– Так вот... Ара... ты умеешь лечить, потому, что ты... волшебница.

От удивления девочка качнулась вперед и сделала шаг к нему.

– Подойди... дитя, и я расскажу... больше.

Оглянувшись через плечо на улицу в пелене, Ара прижала куклу крепче к груди и сделала еще один шаг к раненому. В конце концов, юноша слишком слаб, и, если, что, она всегда успеет убежать от него.

– Я правда волшебница? – шепнула она.

– Правда... подойди... ближе.

Она сделала следующие два шага, замороженно глядя в его глаза, разгорающиеся прекрасным нездешним светом.

– Еще... ближе.

– Какие у вас красивые глаза, – произнесла она, останавливаясь вплотную, и тут вдруг юноша с неожиданной скоростью и силой стиснул ее подбородок, притянул лицо к себе и поцеловал в сжатые губы.

Ара хотела оттолкнуть его, закричать, чтоб прекратил, потому, что это гадко и неприлично, но стальные пальцы не позволяли шелохнуть головой, а сил с каждой секундой становилось все меньше, словно они куда-то стремительно утекали. Кукла упала из безвольных пальцев, голова кружилась сильнее и сильнее, и в этом вихре мелькали горящие глаза, кирпичи соседнего здания с табличкой «Лэйн-роуд» и шипящий кот с забавным бантиком на конце хвоста, а где-то там, за туманом, голос мамы звал:

– Ара, где ты? Девочка моя, ты где?..

Ара хотела откликнуться, но не могла. Совсем не было сил, а рот закрывали чужие горячие сомкнутые губы. Наконец пальцы разжались, и Ару аккуратно опустили на землю. Мгновение спустя раздался истошный женский визг:

– Ара, доченька. Кто-нибудь, на помощь, бога ради, на помощь!! На мою дочь напали! Констель! Констель!

Ару трясли, растирали ей щеки, заледеневшие руки, и где-то далеко слышался звук убегающих подошв.

* * *

Ара подняла веки и встретилась с глазами, которые только, что видела так близко.

– Это был ты... – прошептала она склонившемуся над ней мужчине. – Тогда... десять лет назад на «Лэйн-роуд», ты был тем раненым юношей...

– Которому ты спасла жизнь, – докончил за нее маркиз, осторожно заправляя ей за ухо прядь.

– И, когда я спросила, за, что ты так со мной, почему именно я, ты ответил, что это расплата за мои добрые дела... вот, что ты имел в виду.

Маркиз мягко провел подушечкой большого пальца по ее губам – сразу по верхней и нижней, – и наклонился, словно хотел поцеловать, но в последний момент передумал.

– Наверное, я солгал... Потому, что расплачивалась ты не за доброе дело, а за то, что еще никогда я не испытывал такого гнева, такой всепоглощающей ярости, как в день, когда ты мне отказала... Даже не лично, а передала записку с ответом через слугу. Готова была принимать ухаживания этих идиотов: Невила, Стопарда и остальных, терпела их занудство, откровенную глупость и потные ладони Рамштона, а меня отвергла сразу, ничего обо мне не зная. Даже у этого пижона с яблоками было больше шансов, чем у меня...

– Я знала, что говорили о тебе в обществе, и мне не хотелось становиться женой человека столь....

– ... неприличного?

– Безнравственного. Подожди, – нахмурилась Ара, – откуда ты знаешь про этих господ, и про Ирвина, которого я не видела уже четыре года, и... еще ты знал, что мой учитель латыни был вредным стариком! – Внезапно все кусочки мозаики собрались воедино. – Ты следил за мной. С самого моего детства следил!

– Присматривал, – поправил маркиз. – Всего лишь присматривал, чтобы никто не причинил тебе зла.

– Кроме тебя? – Она заметила, как мужчина дернулся от этих слов, и его глаза загорелись ярче. – Врачи говорили, что я останусь парализованной до конца жизни из-за потрясения, ставшего следствием нападения и отключившего, какие-то участки мозга. И, что по этой же причине я ничего не помню... Но я лишь проболела всю осень, а потом встала на ноги к изумлению докторов, которым пришлось признать меня полностью излечившейся. Про мой недуг и невероятное выздоровление один уважаемый профессор даже хотел написать диссертацию, но отец ему не позволил, сказал, что тот будет только зря мучить ребенка, который все равно ничего не помнит... Но я помнила: помнила, как кто-то приходил ко мне, пока я еще была прикована к постели, брал за руку, клал ладонь на лоб, и от этого становилось легче, словно силы по капельке возвращались... Только его лицо оставалось темным размытым пятном, и рассказать о нем взрослым мне почему-то даже в голову не приходило.

– Я умею не только забирать, – тихо ответил Асгарт на невысказанный вопрос. – Но сразу делать большой выброс силы побоялся – ты могла не выдержать. Тем более я никогда не делал этого для ребенка. Вот и пришлось... постепенно, дозируя и отслеживая усвоение. А, когда ты полностью поправилась, просто навевался раз в пару недель-месяц проверить, как твои дела. Можно было уйти из твоей жизни... нужно было уйти, но я хотел вернуть долг. И следующие несколько лет присматривал издали. Потом еще несколько лет, убеждая себя, что по-прежнему лишь хочу отдать долг...

– Жестоко же ты мне его отдал, – прошептала Ара.

– Жестокость у нас в крови, – ответил он, уже не глядя ее губы, а водя по ним краем ногтя, с нажимом, еще чуть-чуть, и станет больно, но мужчина не переходил это «чуть-чуть», тонко чувствуя границу. – Я столько лет приходил к тебе, видел, как ты растешь, меняешься, хорошеешь, как кормишь голубей пшеном на площади вместе с той блондинистой болтушкой, твоей Сесиль, знал, что каждый вечер перед сном читаешь молитвенник, злился, что нацепляешь на себя эти уродские тряпки, поскольку считаешь, что невзрачность убережет от беды, наблюдал, как хоронишь себя заживо, неделями не отходя от совершенно здоровой матушки и беспрекословно исполняя все ее капризы, потому, что считаешь, что

именно твое слушание в тот день и подорвало ее здоровье... И хотел убить каждого, кто на тебя смотрел и, подобно мне, видел твою красоту, и желал забрать ее себе. Но забрать тебя я долгое время не мог – слишком шатким и опасным было мое положение, слишком много заработал врагов, – поэтому оставалось лишь удерживать тебя от опрометчивых шагов с теми, кто никогда не увидит настоящую Ару, не сможет оценить всех... оттенков. А может, я просто хотел тебя до безумия, до зубовного скрежета, до полной потери контроля, и лишь искал оправдания и причины, почему ты должна быть только моей. И вот, когда мои дела наконец более-менее поправились, а тебе исполнилось двадцать один... ты мне отказала. После стольких лет ожидания, практически у тебя на службе, моя роза не пожелала стать моей. – Пальцы у нее на губах замерли, и Ара почувствовала, что даже сейчас он едва сдерживается. Но Асгарт лишь осторожно погладил ее щеку, обрисовал скулу. – Такая живая и теплая с родными и друзьями, и такая ледяная со мной. И после десяти лет, что я приходил к тебе, я захотел, чтобы ты впервые пришла ко мне. Чтоб пожелала меня так же сильно, как я тебя...

Его взгляд, слова, прикосновения заставляли девушку дрожать от сильного чувства, охватывающего не только тело, но все ее существо, прорастающего в душу. Но оставалось еще, что-то, ускользающее, однако Аре удалось ухватиться за эту мысль:

– Ты сказал: «Жестокость у нас в крови». Кого, кроме себя, ты... – Воспоминание обрушилось внезапно: кружка воды, тянущаяся рука, бешеные удары сердца, противоестественная похоть, крылья, царапающие стены, и чудовищный рев. – Тот юноша! – дернулась она, цепляясь за мужчину. – Тот пленник, он...

– Тш-щ, – прижал ее к себе Асгарт, и Ара поняла, что лежит у него в объятиях, все еще закутанная в плащ, под которым ничего нет, а сам он сидит в кресле у себя в спальне. – Тш-щ, – повторил маркиз, успокаивая ее и укачивая, как маленькую, даже по голове гладил. – Не бойся, все позади, он тебя больше не тронет.

– Но этот человек...

– Он не человек.

– А кто? – шепнула Ара, пряча лицо у него на груди.

– Этих... существ называют по-разному, но чаще всего «инкубы». Они лишь внешне похожи на людей, но суть совсем другая. У инкуба только один инстинкт – спариваться. Они так питаются: забирают энергию жизни, выпивают девочек, девушек, женщин – им без разницы, – досуха, до сморщенной кожи и рассыхающихся костей, не переставая совокупляться до последних секунд их жизни и даже дольше. Хотя предпочитают девственниц: при дефлорации происходит мощнейший выброс силы, плюс у них это считается деликатесом.

После всего пережитого Ара даже не смутилась на такую откровенность. Вспомнила руки подвального чудовища на себе, его влажный холодный язык, ответную волну омерзения и наслаждения, несущую ее в объятия к монстру, и теснее прижалась к надежному теплу маркиза.

– Он казался таким юным и чуть живым, очень слабым, измученным... а потом я... меня так... потянуло к нему. И, когда все началось, следовало убежать, сопротивляться, попытаться ударить его, вырваться, а вместо этого я... – она закрыла лицо ладонями.

– Бесплезно, – маркиз осторожно отвел ее руки, сжал их, – все это было бы бесполезно, ты бы уже не вырвалась. Говорю же, сходство с людьми обманчиво. С только, что насосавшимся под завязку инкубом дай бог если десяток мужчин справится, с просто сытым

– в лучшем случае трое-четверо, но даже против этой оголодавшей особи у тебя не было ни единого шанса. Или не было именно потому, что он оголодал, а в таком состоянии инкубы полностью теряют страх и чувство самосохранения. К тому же, чем старше особь, тем сильнее. А данной конкретной было около двухсот пятидесяти лет: после определенного возраста они перестают меняться внешне. Большинство выглядит юношами от шестнадцати до двадцати, и ты никогда не узнаешь, что этот «юнец» заглядывался еще на твою пра-пра-прабабку. Сопротивляться ты не могла, потому, что так они действуют на слабый пол, мужчины к ним невосприимчивы. Есть хищные насекомые, которые впрыскивают яд в тело жертвы и, когда ее полностью парализует, принимаются за пир. Вот считай, что попала к такому хищнику. И красота его служит все той же цели – заманивать наивных мошек. Эти твари – дьявольски хитрые бестии.

Ара зажмурилась, оглушенная. А потом выхватила из этого потока информации коротенькое слово:

– «Было» около двухсот пятидесяти лет? То есть ты... убил его?

В глазах маркиза полыхнул огонь бешенства.

– О, безумно этого хотел. А перед тем переломать ему каждую кость, дать срастись и переломать снова, но... – он глубоко вдохнул, успокаиваясь, – нет. Просто снова связал: они очень не любят особый вид металла – титанид, только такими цепями их и можно удержать. А завтра утром заедут Чейн с Диком, и мы его увезем. Должны были еще два дня назад, но мне не хотелось делать это перед нашей поездкой к матери. Моя ошибка, моя вина. Но ты. Ты...

Огонь в глазах снова полыхнул, на этот раз выплескиваясь на Ару, и маркиз вдруг встряхнул ее за плечи, до звона в ушах, до мотнувшейся головы.

– Что я сказал не делать?! – рявкнул он, переходя на низкое утробное рычание, уже слышанное ею в театре и в лесу. – Р-разве не велел дер-ржаться подальше от подвала?! Еще бы пара минут, и...

Он резко поднялся, продолжая держать ее на руках, пересадил в кресло, а сам принялся нервно расхаживать туда-сюда, обжигая Ару яростными взглядами.

– Хорошо, что не стал задерживаться во второй раз в Картвилле до утра, как сперва планировал.

Он снова ездил в Карвилль? Зачем?

– Если бы не ты, он...

– Затрахал бы тебя до смерти! – прорычал Асгарт, резко останавливаясь напротив кресла и сверля ее глазами, пылающими так ярко, что в них больно было смотреть. – В самом прямом смысле, Ара! Хотя скорее всего ты бы умерла раньше – от разрыва сердца из-за нарушения договора. Глупая девчонка! Твоя неуместная доброта чуть дважды тебя не сгубила!

Ара съежилась, обхватив себя за плечи, но не от страха, а потому, что его эмоции буквально сносили, обрушивались осязаемыми потоками.

– Зато, когда-то она спасла тебя... – девушка потянулась, взяла его за руку и, поддавшись порыву, прижалась щекой к раскрытой ладони. – И ты не опоздал, ты успел вовремя и спас мне жизнь, – прошептала она, прикрыв глаза и чувствуя, как он опустил на колени перед креслом.

Потом медленно подняла ресницы и заключила его лицо в ладони, лаская щеки, на которых уже пробивалась щетина. Пригладила ему взерошенные волосы, стерла поцелуем

вертикальную складку меж бровей, нежностью прогоняя ярость из глаз, видя, как расслабляются крепко стиснутые челюсти. Провела пальчиком по его верхней губе, жесткой и теплой, потом нижней. Задумалась.

– Я видела, как его раны затягиваются прямо на глазах, и словно бы прибавляется сил, хотя он всего лишь трогал меня... – Маркиз по-звериному зарычал на это заявление, и Ара поспешила коснуться его губ своими – не поцелуй, а извинение, успокаивающая ласка. – Это значит, что инкубы могут забирать силы... питаться, не убивая?

– Могут, – Асгарт потянулся к держащим его лицо ладоням, словно хотел накрыть их своими, но в последний момент опустил руки. И не отрывая от нее взгляда, жестко закончил: – Но мы не любим сдерживаться. А если сильно голодны, то просто не в состоянии.

– Мы?

– Ты ведь уже все поняла, Ара. Поняла, что я тоже не человек, что такой же, как они. Так зачем спрашивать?

Да, наверное, поняла, и уже давно. Еще с той минуты, когда впервые увидела, как лицо маркиза заостряется, и в нем проступает жадный голод с примесью вожделения, на который, что-то внутри нее откликается...

– Нет, не такой, – покачала головой она. – Совсем не такой. Ты оставил меня в той подворотне, но не убил и не стал... пробовать деликатес. Хотя мог бы мгновенно излечиться выбросом силы, если он настолько мощный, как говоришь... А я ведь видела, что твоя рана перестала кровоточить, но не затянулась до конца. Ты взял ровно столько, сколько понадобилось, чтобы выжить. А потом вернулся вылечить меня. Тот монстр в подвале так бы не сделал, он бы не остановился, он бы не делился потом со мной своей силой. Ведь я права? Во мне сейчас нет и следа физической усталости, даже голова не кружится, хотя совсем недавно я даже шевельнуться не могла от слабости. И он совершенно точно собирался выпить меня досуха, до сморщенной кожи и рассыхающихся костей.

– Я такой, как они, – с нажимом повторил маркиз, снова поднявшись на ноги и отходя от нее. Даже руки за спину заложил, словно стремясь убрать их подальше от Ары. – По своей природе... почти. Полукровка. Отец был инкубом. Его вовремя успели стащить с матери. Или не вовремя, это, как посмотреть, – криво усмехнулся он, но за этим оскалом угадывалось вовсе не веселье.

– Ее волосы... – вспомнила Ара. – Ты говорил, Бланш поседела именно в ту ночь.

– Да, он много успел выжрать, – в голосе рассказчика прорвалась неподдельная ненависть. – В итоге сбежал, тварь, а она была так слаба, что думали, не выживет. Но она не только выкарабкалась, но, как довольно скоро выяснилось, еще и понесла, что крайне редко, но все же случается. Редко, потому, что девушки почти никогда не выживают после встречи с инкубом, особенно молодые красивые девушки. Но Бланш не пожелала сойти в могилу раньше времени, и эту жажду жизни поставили ей в укор. Куда приличнее было б помереть, а не покрывать позором семью. Плод скверны, как заявил ее отец, не веривший, что все случилось не по согласию, ведь, когда инкуба оттащивали, она, уже сама полумертвая, все кричала и рвалась к нему...

Ара вспомнила, как жаждала отдаться монстру из подвала, и, какую боль испытала, когда Асгарт его оттащил. Как заходился в агонии ужаса разум, и, как безвольно было тело. И содрогнулась.

– Отец Бланш ведь был мужчиной, – презрительно фыркнул маркиз, – причем не из

лучших. Не обременен балластами вроде сострадания и милосердия. Но все-таки мужчиной, а, значит, невосприимчивым к силе инкуба и не способным понять, как она действует на женщин. Что этому глубинному... зову невозможно противиться. Он решил, что ее падение стало следствием ее же распущенности.

– И выгнал Бланш из дома, – тихо dokonчила Ара.

– Едва успевшую оправиться после нападения, – скрипнул зубами Асгарт. – Без гроша в кармане. И это один из богатейших людей континента!

– Но потом одумался? И даже передал тебе титул маркиза?

– О нет! – рассмеялся Асгарт. Смехом, от которого в комнате стало холоднее, и в камине с шорохом взвились искры. – Он тут вообще не при чем. Я никогда его не видел, мать тоже с тех пор не видела. И трогательного семейного воссоединения уже никогда не случится: старый хрен скончался два года назад от апоплексического удара, прикованный последние четыре года к постели в своем большом шикарном доме, так и не дозвавшись сиделку, которая в тот момент развлекалась этажом ниже со своим дружкой. Завещал все состояние единственной дочери за неимением других наследников. Ее разыскивал семейный стряпчий через газеты и даже нанимал сыщиков. Но нам эти проклятые деньги не нужны, Бланш больше ни в чем не нуждается и никогда не будет. А титул мне пожалован высочайшим указом Ее Величества за особые заслуги перед страной. Заслуги, о которых не рассказывают в великосветских гостиных, не пишут в газетах и не хвастают перед хорошенькими девушками, которых хотят соблазнить.

Ара нахмурилась, пытаясь понять.

– Хочешь сказать ты... на государственной службе?

– Чую в вашем голосе изрядную долю скепсиса, мисс Эштон. – Он приблизился, протянул руки и, обхватив ее за талию, поставил девушку на ноги. Руки не убрал, продолжая обнимать, хоть и не прижимался. – А ты думала, я, что делаю с отловленными инкубами? Варю нам на ужин?

Аре понравилась перемена его настроения: лучше игривый Асгарт, чем отравленный болью и горечью, от которой ей самой хочется выть, потому, что с некоторых пор его боль стала восприниматься, как собственная. Или даже ближе собственной. Как единая.

– Фу! То-то мне показалось, я видела в позавчерашнем супе чей-то коготь! – в тон ему ответила она и рассмеялась, когда мужчина заломил бровь. А потом полубопытствовала: – Значит, вот в чем заключается служба на благо короны: отлавливаешь инкубов...

– Сперва выслеживаю.

– Выслеживаешь, отлавливаешь и передаешь дальше...

– Куда следует. И я не из худших ловцов: между прочим, даже орденом награжден.

Сказал, и отчего-то сам помрачнел.

– А, что с ними происходит потом? И ты, получается, только ловишь, не убиваешь?

– Больше не убиваю, – ответил он на второй вопрос, игнорируя первый.

Помолчав, Ара тихо спросила:

– Значит, раньше... случалось?

Маркиз криво усмехнулся.

– Случалось. И до сих пор порой... случается – ненароком, при самообороне, или если совсем нет другого выхода.

Хотел убраться руки с ее талии, но девушка не позволила, прижав обратно.

– Расскажи, – предложила она.

Не для того, чтобы утолить свое любопытство, а, чтоб разделить с ним чувство, вновь прочертившее меж его бровей изгнанную было складку.

– Что ж, орден, раз уж начал хвастать, я получил за убийство отца.

Ара, хоть и была готова к нелегким признаниям, непроизвольно вздрогнула.

– Это случилось в тот день десять лет назад. Памятный подарочек когтями в живот, от которого подыхал в подворотне, получил, как раз от него... но не только. Он был осторожный – говорю же, хитрые твари, – и топтал землю уже порядка четырехсот лет... а выглядел на шестнадцать. И к тому моменту на его счету было уже более трехсот убитых девочек и девушек в возрасте от десяти до двадцати пяти. Я имею в виду убитых уже после случая с моей матерью...

Ара чувствовала, как к горлу подступает тошнота, но не отвернула лицо, не опустила глаза, безмолвно поддерживая. Чувствуя, что ему это сейчас нужно – нужно сказать.

– После полутора лет поисков я наконец-то выследил его, но просчитался: он был не один, там оказалось гнездо. А гнездо нападает сообща. К тому же полукровки, хоть и почти равны по силам полнокровным инкубам, но все же лишь «почти». А я не только выглядел на семнадцать, но, в отличие от них, и был семнадцатилетним.

– Как можно?! – вырвалось у Ары. – Ты ведь был его сыном! Или он не понял? – дошло до девушки. – Он мог не знать про тебя, никогда не видел, вот и...

– Все он понял, – спокойно возразил маркиз. – Сразу почуял. Но говорю же: они устроены совсем по-другому, вроде паразитов. Для них люди – лишь источник вкусной питательной энергии, не более. Все остальное – побочный эффект...

Ара сглотнула, понимая, кого он имел в виду под упомянутым эффектом.

– Я в тот период был совсем дикий, а после этого случая и вовсе, как с цепи сорвался, инкубов еще не ловил – убивал, всех, кого мог убить... нажил себе кучу врагов. Не знаю, до чего докатился бы, наверное, попал бы через годик-другой в западную или напоролся на очередное гнездо и уже не выбрался. Но мне посчастливилось встретить человека, направившего мою... ярость в нужное русло и научившего их ловить, для изучения и прочих нужд. Прежде я и не думал, что такое возможно... Вижу, ты хочешь еще о чем-то спросить? – усмехнулся маркиз. – Не тошнит от моих откровений?

– Хочу, – ответила Ара, стараясь казаться спокойной. – Скажи, Асгарт, а ты сам, когда-нибудь... убивал девушек?

Он помолчал, не спеша с ответом. Бесстрастно посмотрел.

– Не боишься услышать правду?

– Боюсь, – призналась Ара. – Но все равно хочу услышать.

– Что ж... нет, Ара, никогда.

И она сразу поверила, сердцем чувствуя, что не солгал.

– К тому же, я, кажется, уже говорил тебе, что не связываюсь с девственницами. Наверное, потому, что мой отец перевыполнил план по их части на много поколений вперед.

– Не связываешься за одним исключением, – улыбнулась она, невольно поддразнивая.

– За одним исключением, – согласился маркиз, улыбаясь в ответ своей хорошо знакомой медленной соблазнительной улыбкой, и притянул ее ближе, поглаживая талию, спину, но без намека на, что-то большее.

– Значит, ты питаешься, как они? Но я ведь видела, как ты ел вместе со мной...

– Питаться я могу обоими способами, но предпочитаю человеческий. А второй использую в экстренных случаях – для быстрого восстановления.

Ара помрачнела, вспомнив, как стояла, оглушенная, под дверью кабинета.

– Таких, как вчерашний? Значит, те четыре женщины были... для тебя одного?

Маркиз моргнул, не сразу сообразив, каких женщин она имеет в виду. А, когда понял, откровенно расхохотался:

– Вот, что тебя волнует! Думала, мы сообразили там вечеринку на четверых? О, бедный док... дома его ждали внуки, от которых я безжалостно оторвал ради этой оргии!

Щеки опалило жаром, но смеяться вместе с ним Ара не спешила. Понимала, что это было лишь «восстановление», но не могла так легко закрыть глаза ни на физиологию процесса ни на, как ни крути, его бесчеловечность. А маркиз лишь подлил масла в огонь, небрежно добавив:

– Не волнуйся, донорам заплатили достаточно за это неудобство. Максимум проваляются теперь неделю-другую с гриппом из-за ослабления организма или промаются головной болью, и все. Такого, как у тебя, не будет, поэтому и понадобились четыре. А в памяти останется лишь ассистирование доктору в уходе за больным, без деталей.

«Доноры», «неудобство»... вот, как он это видит. Все-таки Асгарт правда не человек, наверное, поэтому искренне не понимает, что ее смущает. Дело ведь не только в деньгах... Вот Ара бы ни за, какие деньги не согласилась, чтоб ее снова использовали, как источник «вкусной питательной энергии» – разве, что добровольно, ради близкого человека. Впрочем, может, те женщины с ней бы не согласились и разделили бы точку зрения маркиза, но... их мнения никто не спрашивал. А ей, наверное, нужно научиться смотреть на некоторые вещи глазами Асгарта или выработать общий взгляд, потому, что подходить к его делам исключительно со своих позиций тоже неправильно.

Да, рассудок прекрасно умел раскладывать все по полочкам, но, что делать с сердцем, которому плевать на эти выкладки?

– Понимаю, что ты... был с теми женщинами не ради развлечения. Но Асгарт... младшей на вид не сравнялось и шестнадцати.

Он снова моргнул, потом нахмурился, словно до него начало, что-то доходить:

– Под «был» ты имеешь в виду «спал»?

– Я...

– Не хотел, чтобы ты видела, но раз дело приняло такой оборот, – скрипнул зубами он и положил ладони ей на виски.

В следующий миг Ара уже стояла в кабинете, стискивая испуганное лицо давешней девочки-нищенки, из зеленых глаз которой катились крупным горохом слезы, прокладывая светлые дорожки на чумазых щеках. Тошнило, зверски кружилась голова, руки дрожали от слабости, и анестезия в виде бурбона не заглушала разрывающей боли в груди, где горели промытые от яда и свежешащенные раны. И Ара жадно заглатывала странный полупрозрачный поток, тянущийся тонкими нитями из носа, открытого рта и зареванных глаз.

– Нет, пожалуйста, не надо! – вскрикнула девушка и, вырвавшись, метнулась к двери. Ударилась о нее, как мотылек о стекло, задергала ручку. Ее тут же скрутили и оттащили обратно к Аре док с Чейном. Снова потянулся поток из тысяч дымных нитей...

– Потерпи, милая, – пропыхтел доктор. – Тебе хорошо заплатят.

– Не-ет!!

Еще несколько мгновений жертва билась в их хватке, а потом вдруг затихла, задышала чаще, глядя на Ару затуманившимися глазами, бледные щеки порозовели, и рот приоткрылся, исторгнув сладострастный стон. Тонкие руки потянулись обнять, а губы

приблизилась поцеловать Ару, продолжающую невероятным прямо-таки титаническим усилием удерживать девчонку на расстоянии. И с каждой секундой сдерживать их обеих становилось все труднее. Не потому, что силы закончились, а потому, что... не хотелось. Совсем. Зачем, если процесс доставляет обеим такое ослепительное удовольствие? С каждым глотком Ара чувствует себя все лучше, голова больше не кружится, и изнутри поднимается, как пена от шампанского, восхитительная эйфория. Да и девушка уже беспрерывно стонет от наслаждения, хотя под глазами пролегли тени, и веснушки бледнеют. Не хочется думать, что это значит, не хочется останавливаться, не хочется... ничего. Лишь пить и пить чистый свет, дарующий избавление от боли и ощущение бессмертия.

И она уже сама не понимает, почему не пускает их друг к другу, ведь чем теснее контакт, тем лучше. А еще лучше сорвать с источника дрянную юбочку и вбиться в нее, чтоб выпить все залпом, а не цедить по капле.

На заднем плане кричат:

– Что происходит?!

– Выпустите!!

Но Ара не понимает ни слова.

А потом – синеющее лицо девушки и, как холодный душ из бочки, осознание: не дарует наслаждение – убивает. Ну и, что с того? Что значит жизнь, какой-то там попрошайки? Нет, нельзя... Почему нельзя? Ведь это восхитительно.... Нет!! Еще только глоточек... И еще, и еще... Нет, надо за, что-то зацепиться, вспомнить, почему нельзя... И перед глазами вдруг вспыхивает лицо – ее собственное. А на нем за одно мгновение – сотня эмоций: задумчивое, хмурое, хохочущее, грустное, сердитое, чуть лукавое, задышающееся от страсти, пылающее от смущения, нежно улыбающееся... И Ара диким болезненным рывком обрубаёт поток между собой и нищенкой, выкачивающий из той жизнь, чтоб мгновение спустя услышать:

– Хватит, ты убьешь ее!

На, что выдавливает хриплым мужским голосом:

– Давай... следующую...

Вернувшись обратно в спальню, Ара целую минуту молчала, пытаясь справиться с чувствами, зная, что за непроницаемым взглядом и бесстрастным лицом наблюдающего за ней маркиза прячется напряжение. Когда-то эта ледяная маска могла ее обмануть, но не теперь. Он ждал, ждал реакции на свое признание. Нет, то, что Асгарт ей сейчас показал, что позволил увидеть, было интимнее любых слов, откровеннее тысячи признаний. Он показал не просто мысли, а обнажил кусочек души, без утайки, без прикрас, дал почувствовать то, что чувствовал он. И от пронзительности этого жеста, от сокрытого в нем безграничного доверия перехватило дыхание.

Разумом Ара не могла оправдать его методов, а сердцем не могла винить.

– Тебе нужно понять одно, – произнес он, не выдержав паузы, – я не горжусь тем, как выживаю. Но и не стыжусь. Едва ли я, когда-нибудь смогу соответствовать твоим идеалам, даже если захочу, однако...

Не дав договорить, Ара прильнула к нему губами. И вскоре почувствовала на себе мягкие, но крепкие объятия. Этот поцелуй не походил на предыдущие: он был не про нежность или страсть, а словно безмолвный диалог. Асгарт целовал ее серьезно и так, будто за, что-то благодарил и о чем-то спрашивал.

Ара же вдруг вспомнила прикосновения того инкуба из подвала и почувствовала себя нечистой, какой-то оскверненной. Стало тошно, словно его пальцы до сих пор были на ней.

Ей не хотелось, чтобы Асгарт дотрагивался до нее такой, даже через плащ.

– Мне нужно... в ванную, – произнесла она, разрывая поцелуй.

– Я приготовил тебе, пока еще не пришла в себя, – спохватился маркиз, – но, наверное, все уже остыло.

Вода действительно оказалась едва теплой, но Ара удовлетворилась и такой. Когда маркиз вышел, притворив дверь купальни, скинула плащ и с наслаждением погрузилась в ванну. Наверное, никогда еще она не мылась так тщательно. Покончив с процедурой, слегка подсушила полотенцем волосы, промокнула тело и, помешкав возле домашнего платья, которое, должно быть, принесли сюда по приказу Асгарта, снова накинула плащ.

Маркиз, когда Ара вошла, сидел на корточках перед камином и ворошил угли. Тихое пламя отбрасывало на него красновато-золотистые отблески, подчеркивая решительную линию подбородка и плавную – губ, резкость скул и мягкие складки одежды, силу мускул под закатанным рукавом и вкрадчивую гибкость движений, словно дивясь гармонии составляющих этого мужчину противоречий.

При ее появлении Асгарт встал, откладывая кочергу:

– Уже поздно, ты наверняка устала. Проводить тебя в твою комнату или останешься спать здесь? Я тогда пойду в гостевую.

Ара покачала головой.

– Ты перестарался, вкачивая в меня силу. Мне совсем не хочется спать...

И мягко потянула тесемки плаща. Ткань опала к ногам с тихим шорохом, оставив ее полностью обнаженной. Никогда еще Ара не чувствовала такой смеси робости и возбуждения, как под его взглядом. Впрочем, взгляд быстро выжиг смущение, оставив лишь пульсирующее в каждой клеточке тела, разума, всего ее существа желание. Сердце колотилось, как сумасшедшее, а в животе сладко сжималось, посылая теплые томительные волны. Маркиз же, кажется, просто перестал дышать, рассматривая ее залитое мягким светом камина тело. Смотрел так, будто пытался навеки запечатлеть в памяти этот образ, каждую ее черточку и изгиб.

Наконец, с трудом и будто стряхивая сладостную грезу, произнес:

– Ты сегодня много пережила и сейчас... сама не своя.

А у самого голос хриплый, а в глазах беснуется такая горячая смесь, что Ару опалило до мурашек.

– Не своя, – согласилась она, приблизившись вплотную, встала на цыпочки и прошептала ему в губы: – Я твоя, Асгарт. Целиком и полностью твоя!

– Ты этого... действительно хочешь? Скажи, чего ты хочешь, Ар-ра, – и тончайшая полоска воздуха между их ртами плавится от этого звука, от их обоюдного испепеляющего желания.

Ара попятилась, словно напоминая, что может и правда передумать, и маркиз настороженно следил за каждым ее движением, как хищник – за добычей, которая пытается ускользнуть.

– Чего ты хочешь, Ар-ра? – настойчиво повторил он низким рокочущим голосом, не сводя с девушки глаз и делая шаг вслед за ней, словно притягиваемый невидимой, но прочнее цепи из титанида, нитью.

Ара замерла, задыхаясь от его взгляда, голоса, вибрирующего у нее между бедер, и повисшего в воздухе безумного обжигающего напряжения. С вызовом посмотрела прямо в пьянеющие глаза и сама почувствовала себя пьяной, когда произнесла:

– Трахни меня. Если хочешь – затрахай меня до смерти.

Секунда, и маркиз одним движением сократил расстояние между ними, положил ладонь ей на горло, погладив большим пальцем бьющуюся жилку.

– Зря ты это сказала... Или не зря – как посмотреть.

И вжался, впился, вгрызся в ее губы, выбрасывая их обоих из этой реальности и швыряя во вселенную, где были лишь они двое: бешеный пульс, ее пальцы, торопливо и неумело

расстегивающие его пуговицы, мужской рот, обжигающий ее нежную шею, скользящий по ключицам, терзающий ее рот, восторг от вкуса его кожи, когда Ара распахнула рубашку, обнажая мускулистую грудь и, не удержавшись, прижалась к ней губами, выцеловала ими признание, а потом лизнула, его ответный стон, от которого снесло остатки разума, перевернувшаяся комната и кровать, ударившая в спину, жар его тела, нависшего сверху. Ее пальцы, лихорадочно оглаживающее дрожащий от напряжения плоский живот, его рельефность, изучающие, трогающие, ощупывающие стальные мышцы рук и ставшее вдруг таким родным лицо, бесстыже спускающиеся вниз, стягивающие с него брюки и, так и не стянув до конца, возвращающиеся наверх, к шее, скулам, зарывающиеся в короткие жесткие волосы и притягивающие его голову к ее груди...

Они были словно два слепых, внезапно прозревших и не знающих, за, что схватиться в первую очередь, какой участок кожи и тела заласкать. Впрочем, их ласки были далеки от стыдливой деликатности, которые Ара, когда-то почитала неизменным атрибутом близости между мужчиной и женщиной. И сейчас ее это полностью устраивало, сейчас она не желала ни осторожности, ни тем более краснеющей робости. Она хотела, чтоб он не сдерживался. Чтоб потерял контроль, упал в эту алую бездну вместе с ней, сторел в том же огне, где плавилась она. Хотела почувствовать его мощь, силу, страсть, все, что он может ей предложить, и самой отдаться без остатка. И это желание, накладываясь на полную неопытность, находило решение в чутком отклике на его действия и следовании интуиции.

Когда горячий рот мягко втянул сосок, Ара выгнулась всем телом, застонав, чувствуя, как Асгарт водит по маковке кончиком шелковистого языка, слегка надавливает, выталкивает под ее протестующий всхлип, чтоб подуть прохладным воздухом, тут же согреть жарким дыханием и снова вобрать, не забывая гладить ее вторую грудь, зажимать вершинку между пальцами, собственнически сминать упругое полушарие ладонью. А его бедро вдвинуто между ее ногами, словно для того, чтобы Ара и не думала их сомкнуть. И Ара не думает, она вообще не способна думать, лишь на доли секунды выныривать из этого дурмана, чтобы не сойти с ума окончательно. Или она уже сошла, потому, что кусает его за плечо и, распахнув ноги, трется о твердое мужское бедро, желая, жажда... сама не зная, чего. Чего-то, что еще никогда не испытывала, а теперь умрет, если не испытает.

И пряжка мужского ремня царапается о нее, пока они вместе не избавляются окончательно от его брюк, белья и остатков рубашки – кто ее порвал: он, она, вместе? Ара уже не различает границ между их телами, действиями, дыханиями, все слито в единое сладостное бесконечно правильное «они». И, когда наконец ее мужчина оказывается полностью обнажен, как и она, хочется прильнуть к нему, как можно теснее, ощутить всей кожей, опутать руками и ногами, что она и делает.

И он, что-то хрипло бормочет в ответ, опираясь о постель по бокам от ее головы, ищет ее губы, но Ара уворачивается, недовольно кусает его за шею, ухо, настойчиво тянет на себя, потому, что желает, чтобы он лег полностью, почувствовать его тяжесть. А, когда их рты наконец встречаются, мир снова гаснет и взрывается миллионами новых оттенков на его горячем гладком языке, борющемся с ее языком, на сладких, жадных губах, на сталкивающихся зубах и головах, пытающихся найти положение, из которого взаимопроникновение окажется глубже всего, пока мужская пятерня не фиксирует жестко лицо Ары, кладя конец этой борьбе и заставляя только принимать ласки, которые теперь, когда власть установлена и признана, чередуют напор с нежностью.

Но в, какой-то момент просто принимать становится мало, бесконечно мало, ведь

хочется и самой дарить наслаждение, и свободная рука ныряет вниз, на сей раз зная, что делать, охватывает твердое и горячее, и, пока их рты движутся и соприкасаются десятками способов, пальцы Ары тоже движутся. Вскоре Асгарт перехватывает ее руку с прерывистым выдохом:

– Я никуда не тороплюсь...

И начинает спускаться вдоль ее тела, покрывая поцелуями – то легкими, как прикосновения крыльев бабочки, то жарко-влажными, от которых бегут мурашки, – ключицы, затем поочередно правый и левый сосок, обрисовывает пальцами чуть выступающие ребра, обжигает губами живот и переходит на внутреннюю сторону бедра. И тогда начинает торопиться Ара, потому, что его рот, будучи так близко от средоточия агонии, дразняще и чувственно проходит по самой кромке, не трогая горящий влажный бутон, потом возвращается обратно к животу и проделывает то же самое с внутренней поверхностью второго бедра. Мучитель словно не замечает, что девушка изгибается, как в лихорадке, комкая простыни раскинутыми руками, неосознанно приподнимая таз, безмолвно умоляя сжалиться, и начинает прокладывать цепочку поцелуев к коленке...

Не выдержав, Ара запускает руку в короткие волосы и подтягивает голову обратно, к месту смыкания своих ног.

– Говорил же, что жадина... – обжигает нежное местечко смеющееся дыхание, и ее ноги оказываются на широких плечах, соски – зажаты между большими и указательными пальцами мужчины, а в самое желанное место наконец проникает его язык, раздвигая лепестки, задевая бугорок, проходится сладостным трением вдоль расщелины раз, другой, а на третий зажигает искру, пожирающую бикфордов шнур, подведенный к ее удовольствию, с безумной скоростью.

Еще пара лижущих движений, и Ара кричит от взрыва, настолько сладкого, что это почти больно. Но лишь «почти», и пока тело девушки ломается и вздрагивает от заступающих судорог, он силой удерживает ее бедра и продолжает сосать и лизать внизу, продлевая экстаз и наблюдая за ее лицом. И от одного этого взгляда она, кажется, готова взорваться во второй раз... Но такого одностороннего соития вдруг становится мало. Наверное, она и правда жадина, потому, что рядом с этим мужчиной ей постоянно мало. И чем больше она получает, тем большего хочет: брать и отдавать.

Поэтому Ара убирает ноги с его плеч, тянет своего мужчину наверх.

И он снова понимает ее без слов, целует в косточку бедра.

– Как ты это хочешь?

– Так, как хочешь ты...

Эти слова зажигают в его глазах огоньки, от которых сердце Ары стучит тяжело, с замираниями. И между грудями выступает капелька пота, которую он слизывает, а потом одним плавным движением оказывается над ней, снова нависая, глаза в глаза, но, когда она хочет шире раскрыть бедра, чтобы принять его, переворачивает ее на живот со словами:

– Тогда сделаем вот так...

Целует ее ягодицы, нежные ямки на пояснице.

И Ара мгновенно тоже хочет так, заражаясь его желанием, его уверенными действиями, наслаждаясь своей открытостью и полной покорностью, отдаваясь в его власть. Ей совсем не страшно и не стыдно. Потому, что все, что произойдет с этим мужчиной – правильно, точно так, как и должно быть.

И, когда она чувствует на себе его тело, ощущает, как его руки приподнимают ее бедра,

то моментально откликается, послушно подставляет все сокровенные места, до которых он хочет добраться, вжимается ягодицами в его жарко пульсирующий давно готовый член. Прогибает спину, когда горячая ладонь надавливает между лопаток, и не может сдержать чувственную дрожь, когда он наматывает ее волосы на кулак, заставляя прогнуться еще больше.

Единственным своеволием – поворачивает голову вбок, чтобы видеть его лицо. И, когда их взгляды встречаются, ощущает давление его плоти, раздвигающей ее плоть, чтобы соединиться так глубоко, как только могут два существа.

Сесиль, знающая подробности со слов замужних подруг и страниц романов, говорила, что это будет «раз, и все».

«Раз, и все» стало у Ары неожиданно долгим и, несмотря на ее готовность, очень болезненным, вынуждая дышать часто и поверхностно, кусать костяшки пальцев. Но даже эта боль казалась правильной, потому, что соединяла ее с любимым мужчиной, устанавливала между ними самую древнюю и тесную связь. И, когда преграда наконец порвалась под давлением, Ара почувствовала себя так непривычно, как только может почувствовать себя девушка, только, что ставшая женщиной, чтобы через секунду понять, что уже привыкает к ощущению полного единения. А к выражению напряжения и наслаждения на лице Асгарта и привыкать не пришлось – хотелось видеть его снова, и снова, только уже без напряжения... Второе движение было плавным и сильным, словно закрепляющим эффект. И следующие несколько мгновений они хватали ртом воздух, пытаясь отдышаться и приходя в себя.

Ара первая шевельнулась, чувствуя по его дрожи, скованности мышц, что сдерживаться Асгарту едва ли не так же больно, как было ей при проникновении. И его тело благодарно отозвалось мягким осторожным толчком, потом еще одним. С каждым последующим боль утихала, пока не исчезли даже ее отголоски, и на смену пришло желание двигаться – быстрее, сильнее, резче. Еще быстрее!

Ара и не думала, что это так сладко – слышать, как рычит и стонет любимый мужчина, вламываясь в твоё тело. И, что этого достаточно, чтобы воспарить к небесам второй раз за ночь, дернувшись от упругой горячей волны, хлестнувшей между ног и переместившей к звездам до полной потери себя и пространства, до звона в ушах, до зубов, кусающих покрывало. А первое, что она почувствовала, вернувшись в их разделенную на двоих реальность, были губы, целующие ее в шею, накрывающие ее рот, и крепко стискивающие бедра пальцы, на концах которых вытягивались и втягивались когти, словно их хозяин боролся с собой.

Миг, и она оказалась на спине, с разведенными и высоко задранными ногами. Погружения теперь неглубокие и осторожные. Откровенность позы все-таки смутила, хотя, казалось, после всего случившегося между ними для смущения не должно было остаться места. Но стоило увидеть его задыхающееся от страсти лицо, затянутые поволокой глаза, и стеснение бесследно смело ответным звериным желанием, на которое Ара не считала себя способной.

– Не сдерживайся, – всхлипнула она, видя, как Асгарт кусает губы, ранит их до крови заострившимися зубами. Чувствуя, что этих осторожных погружений ему мало.

Опустила ноги, обхватила его ими за пояс.

– Боюсь... больно... – неразборчивый рык, хотя во фразе ни одной «эр», а лицо уже меняется, когти больше не втягиваются, оставаясь постоянно выпущенными, и зрачки

впервые истончаются в вертикальные нитки, что пугающе, но красиво. В нем все красиво: и мощное тело, и звериная суть, и обжигающая страсть.

– Хочу тебя всего, – стонет Ара в ответ, сминая ладонями каменные ягодицы, толкая его на себя. – Целиком... без остатка. Обе... ипостаси.

И чудовище откликается на этот зов, сменяя страстного, но нежного любовника. Рывком переворачивает ее обратно на живот и, не дав опомниться, входит одним толчком до упора, тянет назад за волосы и, когда она выгибается, кладет ладонь на горло. Берет на этот раз, как животное самку, показывая грубое обладание, безжалостно врываясь в нежное податливое тело, вдавливая его каждым толчком в кровать, полностью подминая под себя. И нет ничего прекраснее, чем принимать от него наслаждение и боль, принимать его во всех проявлениях. И впервые услышать, как он хрипит, извергаясь в нее и не прекращая последних судорожных движений...

Отдохнуть немного, водя руками по разгоряченным телам друг друга, сплетаясь языками, и начать все заново...

До смерти – не до смерти, а под конец она была чуть живой от усталости и удовлетворения и чувствовала легкое жжение и натертость там, где не привыкла их ощущать. И пока Ара лежала, покачиваясь на легких волнах неги и возвращаясь в реальность, этот неугомонный продолжал покрывать мягкими поцелуями ее плечо, шею, поглаживать то живот девушки, то бедро, словно не в силах перестать трогать ее.

Они лежали поверх влажных сбившихся простыней. Угли уже почти догорели и теперь вспыхивали и гасли в полумраке комнаты, похожие на россыпь драгоценных камней. Ара повернулась лицом к маркизу и, протянув руку, коснулась его скулы, повторила линию бровей, спустилась ниже и со смехом отдернула пальцы, когда он попытался поймать их губами.

Приподнялась на локте, рассматривая чуть улыбающегося мужчину, с которым разделила сегодня больше, чем постель, и во всем облике которого царила такая же ленивая удовлетворенность. Прищурилась.

– Скажи... а ты, когда-нибудь использовал на мне свои инкубские чары?

Асгарт приподнял бровь.

– Ладно, не чары, а... внушение? Влияние? Тебе лучше знать, как это называется. Я имею в виду состояние той девушки в твоём кабинете. Это было похоже на... анестезию.

Мысленно Ара поставила зарубку непременно отыскать девочку, убедиться, что с ней все в порядке, и вернуть деньги, которые та обронила.

– Я понял, о чем ты.

Маркиз все-таки поймал ее пальцы, правда уже рукой, и, прежде чем ответить, провел ими по своим губам.

– Сознательно – никогда.

– А неосознанно?

На этот раз кончики ее пальцев прикусили.

– Случилось... один раз. Помнишь, ты натерла кожу ремнем от стремени, а я смазывал ссадины.

Еще бы Ара забыла. Даже сейчас почти ставшие мягкими соски снова напряглись при одном лишь воспоминании о том, как сохло горло, пульсировало лоно, а в голове плыл алый туман от совершенно невероятного сумасшедшего запаха, исходившего от маркиза. Или соски напряглись, потому, что он раздвинул ее указательный и средний пальцы и провел

кончиком языка по контуру между ними, задержавшись в ложбинке? Вот же... неугомонный! Но Ара не жалуется, ни капельки.

– Вот оно, как! – шутливо поджала губы она. – Значит, пока я была, можно сказать, в беспомощном состоянии и воспринимала вас исключительно, как доктора, вы, лорд Кройд, пользовались ситуацией?

– Ты всегда возбуждаешься на приеме у врача?

– Что?!

– Эти... – он насмешливо глянул, – чары сработали непроизвольно, оттого, что я возбудился. А возбудился я потому, что возбудилась ты. Любой бы на моем месте тронулся от такого мощного сексуального зова, который ты источала. Ты буквально пахла сексом, кричала всем телом «возьми меня», так, что я проявил поистине феноменальную сдержанность. Чтобы было понятнее: эта сила – часть меня, моей природы, напрямую зависящая от моего эмоционального состояния. Люди ведь тоже не всегда могут контролировать свои эмоции или в одну секунду их обуздать.

Он потянул Ару на себя, усадив сверху. Девушка, поддразнивая, чувственно провела ладонями по его груди, глядя сверху вниз.

– Ох, если б я знала, о чем ты думал, врачюя с таким серьезным лицом мои ужасающие раны...

– Если б ты знала, о чем я в тот момент думал, бежала бы от меня без оглядки, отбиваясь молитвенником, и запиралась каждую ночь на замок, придвинув к двери всю имеющуюся мебель.

– И это бы помогло? – с сомнением спросила Ара, вспомнив выбитую одним пинком дверь.

– Конечно же, нет. Но если бы мне было безразлично, как взять тебя, ты бы еще в первую ночь под внушением умоляла сделать это с тобой всеми известными способами.

Его слова отозвались теплом: ему было важно, как Ара почувствует себя после близости, что говорило о многом. Хорошее настроение бурлило внутри пузырьками шампанского, прорывалось непривычной игривостью.

– Кстати о способах: думаю, сегодня ты продемонстрировал мне если не все, то почти все из тех своих мыслей...

– Даже не надейся. Источник моей грязной фантазии сидит на мне, делая ее поистине безграничной. И если уж тебе так нравятся мм... врачебные процедуры, можем, как-нибудь повторить.

– Только уже без седла.

– Без седла, – согласился он. – А начиная с того момента, где твои ноги раздвинуты и закинута на подлокотники, – огладил ее бедра, переместил ладони на упругие ягодицы и стиснул, вжимая девушку в себя. – Впрочем, с раздвиганием я и сам справлюсь, да и против тебя в роли наездницы тоже ничего не имею...

Ара тихо рассмеялась и, наклонившись вперед, пощекотала его упавшей волной волос. Любопытство не желало замолкать.

– А, когда-нибудь тянул из меня силы? Кроме того случая десять лет назад?

Кажется, вопрос оскорбил маркиза. Ответил он на этот раз сразу и резким тоном.

– Нет. – Рывок, и она уже под ним. – Я привез тебя сюда не для того, чтобы жрать.

Ара мягко провела у него между лопатками, успокаивая нежными поглаживаниями, и сменила тему:

– А крылья у тебя есть? Может, тоже появятся в определенные моменты?

Сработало: маркиз слегка растерялся, потом задумался, забыв про гнев.

– Нет, крыльев нет.

– Жаль, – вздохнула она и, не удержавшись, добавила, – тебе бы пошли: небольшие такие, как у купидончика. И, чтоб поменьше разрушений в доме...

Маркиз фыркнул, отменяя предложенный дизайн:

– Боже упаси от такого! – И снова стал задумчиво-серьезным. – Наверное, из-за моей полукровной сути. Хотя порой так зудит там, – он передернул лопатками, – что я проверяю в зеркале, не прорезались ли. И ощущения... знаешь, говорят, у потерявших конечность годами сохраняются боли в несуществующей руке или ноге. Вот и у меня, только наоборот: боль от отсутствия того, чего никогда и не было. Еще иногда снится, что летаю...

Ара затаила дыхание, залюбовавшись своим мужчиной и жалея, что нельзя остановить момент. Смакуя невероятное чувство счастья и тепла, оттого, что любимый делился с ней не только страстью, но и сокровенными мыслями.

Потянулась, коснулась губами его губ и тут же почувствовала мягкий нежный отклик. Он отстранился, посмотрел на нее непонятым взглядом, но от этого взгляда защемило в груди. А потом вдруг произнес:

– Я его не убивал.

– Кого? – не поняла Ара.

– Того идиота в карточном доме, Энгерта.

– Но прежде ты говорил обратное. Что убил его из своего же пистолета, – тихо ответила она.

Мужчина раздраженно смял простынь.

– Нет, я лишь сказал, что пуля в его лбу оставлена моим пистолетом, и это так: когда понял, что проиграл, он заорал, что я мухлевал, и схватился за мой пистолет. Заряженный. В подобных местах не я один кладу оружие на стол во время игры...

Наступила тишина. Потом Ара погладила его щеку.

– Почему ты мне сразу не сказал? Ты ведь понял, как именно я восприняла твои слова, но не стал разубеждать. Почему, Асгарт?

– А ты бы поверила?

– Я... – Ара осеклась, потому, что не знала ответа на этот вопрос. С языка рвалось «да», но рвалось уже с высоты всего пережитого, с учетом того, что она узнала о маркизе. А в тот момент... в тот момент, в самом начале, он был ее врагом, который не заслуживал ни симпатии, ни доверия, ни понимания.

– Вот поэтому и не сказал, – заключил маркиз, наблюдавший за сменой эмоций у нее на лице. – Но не только поэтому, Ара... Дело ведь не в одном поступке. На моем счету и без него много такого, что не украсило бы меня в твоих глазах. Взять хотя бы твоего отца... И знаешь, раньше мне было плевать, что я оставляю после себя. Однако сейчас... – снова этот взгляд, от которого щемит в груди, – сейчас мне почему-то хочется хоть одним поступком заслужить твое одобрение, стать именно таким мужчиной, какого ты ждала.

– Ты уже такой, и всегда был. Просто я не сразу поняла, что ждала именно тебя. И спасибо, что рассказал мне теперь.

Вскоре обоих сморило и, засыпая лицом к лицу с Асгартом, переплетаясь с ним руками и ногами, Ара думала о том, что не хочет мыться до конца жизни: чтоб оставить навсегда запечатленной на себе эту их первую непередаваемо восхитительную ночь физической и

духовной близости.

Проснулась Ара в следующий раз незадолго до рассвета: небо посветлело, и звезды побледнели, но еще не покинули небосклон. Наверное, она тут же заснула бы снова, но инстинктивно протянутая рука нащупала пустоту в том месте, где рассчитывала найти горячее тело. Девушка снова открыла глаза, потерла их и убедилась, что маркиза действительно нет ни в кровати, ни вообще в комнате. Разумеется, это был пустяк – он мог отлучиться за стаканом воды или... да за чем угодно! – но внутри стало тревожно. Примятая на его половине постель уже растеряла тепло, а, значит, покинул он ее все-таки не минуту назад.

Ара попыталась убедить себя, что нужно просто снова уснуть, и утром она уже опять проснется в его объятиях, но сон слетел бесследно. Девушка села в кровати, раздумывая, как следует поступить, а потом услышала, какой-то шум внизу. Ах да, Асгарт же говорил, что утром приедут Чейн с Диком, чтобы помочь с транспортировкой того инкуба из подвала... но утро еще не наступило, да и обычных звуков, по которым Ара узнавала приятелей-коллег маркиза, она не различала. Что если Асгарт решил снова навеститься к пленнику, в одиночку? А ведь тот успел напиться от Ары и, значит, не так уж и слаб...

Девушка решительно выбралась из постели, забрала из купальни и накинула на себя домашнее платье и вышла в коридор.

Голоса раздавались на первом этаже, из-за приоткрытой двери библиотеки. Узнав интонации маркиза, Ара взялась за дверную ручку, но вдруг поняла, что второй голос принадлежит женщине. И не просто женщине, а мисс Коннорс. Та действительно стояла в библиотеке, лицом к двери, тогда, как Асгарт, в сорочке навыпуск, брюках и босой, практически спиной к ней. Беседа была в самом разгаре.

– ... мой ребенок, и ему нужен настоящий отец, – произнес маркиз. – Я не лгу, Патриша, наша свадьба состоится завтра, вернее, уже сегодня в часовне Картвилля. Я договорился с пастором.

Счастлирое известие явно оглушило красавицу. Но вряд ли сильнее, чем Ару.

– Сегодня? – ошеломленно переспросила мисс Коннорс. – Но к чему такая спешка? Разве ты не знаешь, что столь важное событие требует времени на подготовку? Я уж не говорю о том, что невесте нужно подобающее случаю платье!

Очевидно, соответствующим платьем мисс Коннорс озаботиться не успела, вот и переживала.

Стоящий в треть оборота к двери Асгарт шевельнулся, и Ара увидела, что его рука прижата к животу девушки и накрыта сверху ее узкой затянутой в перчатку со множеством пуговиц ладонью.

– Детали не твоя забота, платье будет, – отрезал он. – Обстоятельства не располагают к промедлению. Да и я не вижу смысла откладывать, мое решение не изменится.

В этот момент мисс Коннорс слегка откинула голову, качнув перьями на шляпке, и их с Арой взгляды встретились. Уголки губ без пяти минут миссис Кройд слегка приподнялись в торжествующей улыбке, и она накрыла руку маркиза и второй своей ладонью.

Ара поняла, что пятится, когда была уже в холле. А там развернулась и, дернув тяжелую дверь на себя, выскочила наружу, совершенно позабыв, что на ней лишь легкое платье и домашние туфли. Ветер сразу надул ткань ледяным колоколом, отбросил назад волосы,

швырнул в лицо горсть колючих капель, но Ара не чувствовала ни пронизывающего холода, ни дождя, ни того, что матерчатые туфли насквозь промокли в первой же луже. Она чувствовала лишь, как на месте сердца разверзается огромная полная боли воронка, разрывая ее изнутри. И девушка бежала, бежала от этой боли, от которой невозможно было убежать.

«Знаешь, раньше мне было плевать, что я оставляю после себя... Однако сейчас... сейчас мне почему-то хочется хоть одним поступком заслужить твое одобрение...»

Да, мужчины, которые берут на себя ответственность за совершенные поступки, всегда заслуживали ее одобрение. И, наверное, запоздалое раскаяние Асгарта и его желание загладить вину перед мисс Коннорс – это хорошее достойное деяние... У невинного дитя теперь будут оба родителя, и ему не придется страдать, из-за того, что собственный отец им пренебрег... Да, так лучше... так правильнее... только почему Аре хочется умереть?

Бежать, бежать без оглядки из этого места, иначе она просто сойдет с ума! Следующей вспышкой девушка осознала себя в конюшне, седлающей Пленницу. Словно почувствовав состояние хозяйки, лошадка стояла смирно, позволив Аре подготовиться и взнудать себя, только косилась фиалковыми глазами. Опять вспышка, и Ара уже мчится верхом не видя ни зги за летящей в лицо дождевой завесой, сжимая окоченевшими пальцами скользкие поводья. Все вперед и вперед, но легче не становится. А в голове крутится:

...Ладонь Асгарта на животе мисс Коннорс...

...Торжествующая улыбка на красивых губах...

... Я не лгу, Патриша, наша свадьба состоится завтра ...

Наверное, странно, но за весь вечер и ночь Ара ни разу не вспомнила про нее. И отдаваясь Асгарту, нежась потом в его объятиях, думала лишь о том, что так хорошо просто не бывает...

Действительно не бывает.

Следующий обрывок воспоминаний оглушил:

«...Детали не твоя забота, платье будет...» Рука непроизвольно дергается, едва не разрывая удилами рот Пленницы, и несчастная лошадь, резко забрав влево, попадает копытом в колдобину. И Ара летит на землю, ударяется так, что целую минуту не может дышать, лишь беззвучно открывает и закрывает рот, а рядом жалобно ржет и всхрапывает упавшая лошадь, пытается встать, но из-за поврежденной задней ноги раз за разом заваливается обратно, стонет почти по-человечьи.

А девушка, поняв, что поднять животное не получится, просто бежит дальше сама, не в силах остановиться, в темноту, не замечая, как промокнутое насквозь платье липнет к дрожащему телу, а с бьющих по спине и плечам волос ручьями течет вода.

Детали... Значит, решение было не спонтанным. Не навеянным, как она сперва подумала, их последним разговором – Асгарт просто не успел бы позаботиться о церемонии за те несколько часов между их засыпанием в объятиях друг друга и беседой с мисс Коннорс... Патришей. Значит, позаботился раньше. Должно быть, за этим и ездил в Картвилль – договориться с пастором, а подходящее платье... уж ей ли не знать, что в женских нарядах Асгарт разбирается превосходно. И тогда, получается, всю ночь, будучи с ней, он уже знал, что утром сочетается браком с другой...

Господи, как он мог?! Как мог смотреть ей в глаза с такой нежностью и страстью? Как мог улыбаться так по-особенному? Как мог брать ее, зная, что следующей, брачной, ночью будет ласкать уже другую женщину? Хотя, – вырвался из горла судорожный смех-рыдание, – почему бы не взять то, что Ара сама предложила? Он ведь не заставлял и даже не

использовал внушение... это она по собственной воле пришла к нему и предложила себя. Все, как он и желал: Ара захотела его до безумия, каждой клеточкой тела и души, и уж точно не была в постели бревном...

«...никогда я не испытывал такого гнева, такой всепоглощающей ярости, как в тот день, когда ты мне отказала...»

Наверное, она должна была сейчас злиться на него, наверное, должна была ненавидеть всеми фибрами души, но Ара ощущала только бесконечную разрывающую боль, а еще пустоту на месте сгоревших чувств и знала, что это уже навсегда. Что больше никогда в жизни она не сможет поверить ни одному мужчине, не сможет снова полюбить – нечем. Асгарт все-таки вырвал ей сердце...

А еще стало ясно, что адская резь в груди – не только из-за душевной боли, но и вполне реальной, физической, ибо прямо сейчас, сбжав из дома маркиза, Ара нарушала в третий и последний раз договор, который должен был истечь сегодня с восходом солнца, то есть уже с минуты на минуту.

Но Ары не станет чуть раньше, через считанные мгновения. Нет, не Ары, а пустой выжженной дотла, выгрызенной разочарованием оболочки. Рассвет сегодня наступит для всех, кроме нее: она уже слишком далеко, чтоб повернуть назад... Да и не хочет поворачивать, она лишь хочет, чтобы эта агония прекратилась. Уже скоро... в глазах темнеет, в виски будто ввинчиваются шурупы, а вдохи полосуют легкие, словно кинжалами.

Наверное, сознание тоже отключалось, потому, что в, какой-то момент почудилось, будто ее зовут: «Ар-ра!»

Сквозь истончающуюся завесу дождя проступил знакомый пейзаж, и девушка поняла, что Пленница вывезла ее к обрыву над рекой, куда они, бывало, ездили с Асгартом, несколько раз даже встречали здесь закат, и маркиз не пускал Ару слишком близко к краю из-за опасности оползней...

Дождь почти прекратился, и небо стремительно раскрашивалось розовато-лиловыми всполохами зарождающегося утра. Да, рассвет здесь тоже прекрасен... Особенно если смотреть с самого края.

– Ара!! – Она резко обернулась, осознав, что голос ей все-таки не мерещится.

И увидев, как маркиз на ходу соскакивает с неоседланного Голиафа, как и был, босой и в такой же насквозь промокшей рубашке, бежит к ней, еще успела удивиться:

– Асгарт?

А в следующую секунду почва под ногами провалилась, заставив неловко всплеснуть руками, и небо обрушилось на Ару многотонной тяжестью, помчав ее вниз с дикой высоты.

* * *

– Ты даже не предложишь мне сесть и не спросишь, чему обязан визитом?

Незваная гостыя плавным жестом провела по каминной полке, словно смахивала невидимую пыль, и повернулась к маркизу. В рассеянном свете свечей капли влаги на ее одежде и локонах горели алмазной крошкой, однако того, к кому она пришла, казалось, совсем не трогали ни ее красота, ни хрупкая беззащитность облика, всегда безотказно действовавшая на мужчин.

Этот конкретный мужчина усмехнулся, хотя веселья в глазах не было. Скорее в них сгущалась опасная тьма.

– Сесть я предлагаю только тем, кого звал и кому рад, твои мотивы меня давным-давно не интересуют, Патриша, а о твоих перемещениях мне и так с некоторых пор докладывают. Впрочем, хорошо, что заглянула. Я и сам собирался нанести визит со дня на день, и ты упростила мне задачу, приехав сюда сама.

– Ты хотел меня видеть? Правда? – Девушка старалась говорить ему в тон, но, не удержавшись, нервно сглотнула.

– Хотел, – он неспешно двинулся к гостье, – чтобы сказать: брюнеткой тебе быть не идет, а вот мушку над губой я оценил, пикантно. Неужели ты думала, я не узнаю тебя за театральной маской? А еще хотел предупредить: держись подальше от Дэйнары Эштон.

– Не понимаю, о чем ты.

– Я помогу понять, – мягко произнес маркиз, останавливаясь вплотную, и положил ладонь ей на горло, погладил большим пальцем голубую жилку под тонкой кожей. Гостья не шелохнулась и не попыталась скинуть руку. Смотрела на него завороченно, с примесью, какого-то отчаянного болезненного восторга. – Еще раз попробуешь увидеться с Дэйнарой или передать послание, или еще, как-то заморочить ей голову, и твоего ребенка будет воспитывать дед. – Пальцы чуть сжались на горле. – Случайно окажешься в том же городе, что и она, и так же случайно зайдешь в ту же кофейню, и твоего ребенка будет воспитывать дед, – пальцы стиснули женскую шею еще немного. – Если до нее снова будут домогаться, а тем паче попытаются похитить нанятые тобой люди, и даже если Дэйнара просто случайно прольет на себя чай, когда ты будешь проезжать мимо... ты ведь уже поняла, что произойдет? Теперь я внятно объяснил? – Из тона маркиза окончательно ушла обманчивая мягкость, а рука теперь стискивала шею так, что девушка уже сипела и синела, но по-прежнему не пыталась отлепить его пальцы.

Улыбнулась, как человек, которому нечего терять.

– Ты правда убьешь меня, Асгарт? После всего, что между нами было? – Она вдруг накрыла его руки своими, усилия нажим. – Тогда сделай это, давай. Давай, что же ты медлишь? Убедись лично, что я больше не приближусь к твоей шлюшке!

Маркиз оттолкнул ее, не скрывая брезгливости.

– Сказал бы, что мне тебя жаль, Патриша, но мне не жаль. Тебе нужно лечиться.

– Что, неужто она так хороша в постели? Даже лучше меня? Ничего, Асгарт, я подожду. Подожду, пока она тебе надоест, и ты вспомнишь про меня.

– Этого не будет: я женюсь на Дэйнаре. Так, что можешь не ждать с отчетом своего человека, который дежурил сегодня ночью. Он сейчас на полпути в Дархэм и очухается в трюме не раньше утра, уже милях в сорока вверх по течению.

Девушка побледнела.

– Ты... ты лжешь! – Она быстро шагнула к нему и прижала его руку к своему животу. – А, как же наш ребенок? Ты лишишь его отца?

– Перестань ломать комедию, мы оба знаем, что это не мой ребенок, и ему нужен настоящий отец. Я не лгу, Патриша, наша свадьба состоится завтра, вернее, уже сегодня в часовне Картвилля. Я договорился с пастором.

– Сегодня? – ошеломленно переспросила та и тут же попыталась взять себя в руки. – Но к чему такая спешка? Разве ты не знаешь, что столь важное событие требует времени на подготовку? Я уж не говорю о том, что невесте нужно подобающее случаю платье!

Маркиз хотел убрать руку, но гостья держала неожиданно крепко.

– Детали не твоя забота, платье будет. Обстоятельства не располагают к промедлению.

Да и я не вижу смысла откладывать, мое решение не изменится.

В этот момент визитерша посмотрела на кого-то за его спиной, однако маркиз, занятый тем, что высвобождал руку, не заметил ни взгляда, ни полуулыбки, зазмеившейся на ее губах при виде бледной пятящейся от дверей библиотеки девушки. Гостья прижала его ладонь и второй рукой, но уже через секунду он раздраженно сбросил обе и отошел.

Поведение собеседницы неуловимо изменилось. Она прошлась по библиотеке, лениво потянулась всем телом, как кошка.

– Обстоятельства? – усмехнулась. – Ты, верно, о безобразной сцене в заведении уважаемой мадам Луизы? И скандальных статьях, которые вот-вот появятся в газетах и уничтожат репутацию бедняжки мисс Эштон? Хотя нет, это ты ее уничтожил, собственноручно, когда выволок свою драгоценную Дэйнару из кофейни у всех на глазах. А теперь пытаешься спасти пепел этой нелепой скоропалительной свадьбой.

– Тронут твоей заботой, но вынужден разочаровать: сплетен не будет. Видишь ли, перед тем, как завернуть к пастору, я поболтал с каждым из бывших в той кофейне, и они лично признались мне, что ничего не видели.

Лицо девушки исказилось от гнева, она резко остановилась.

– Одного не пойму, – продолжил маркиз, – почему ты помешалась именно на мне? Дело ведь не в любви. Или правда искренне веришь, что ребенок мой? Не-е-ет, – протянул он, наблюдая за выражением ее лица, – скорее сомневаешься, кто отец: граф Эверс или лакей, который обычно сопровождает тебя в поездках и сидит рядом с кучером. Разрешу твои сомнения, – маркиз втянул носом воздух, – это лакей. Поздравляю, дитя обрело отца. Даже удивительно, как я успел проскочить между этими двумя. Что, вижу, не рада новости? Неужели потому, что твой отец обещал лишить приданного, если выяснится, что ребенок зачат с простолюдином?

Девушка шагнула к нему.

– Да, признаюсь, я не святая, но все они ничего для меня не значат, Асгарт! Я любила и люблю только тебя! – Она прильнула к нему всем телом, положила руку на пах, но маркиз, поморщившись, отодвинул ее за плечи. Тогда сузила глаза, злобно прошипев:

– Это ты виноват! Я... я стала такой после того существа из подвала!

– Дорогая, нимфомания в сочетании с маниакально-депрессивным расстройством не передаются воздушным путем, а то существо из подвала тебя и пальцем не тронуло и вообще лежало себе смирно в ящике, а вот совать нос в мои дела не стоило. Как и подвергать жизнь Ары опасности, советуя наведаться вниз. А теперь считаю до трех, и если к последней цифре ты не успеешь убраться из моего дома, то я дополню наш контракт приложением, обязывающем тебя молчать не только о виденном здесь, но просто молчать до конца жизни. И не забудь перед уходом оставить кольцо: не люблю, когда вещи моей матери берут без спроса.

Девушка попятилась, машинально прикрыв руку, на которой поверх перчатки сверкал ободок с черным камнем в окружении бриллиантов.

– А ведь твоя шлюшка не знает, что ребенок не твой? Ты ей не сказал, верно?

Мужчина молчал, и она усмехнулась.

– Верно... Почему? Считаешь ниже своего достоинства оправдываться? Или потому, что рыльце-таки в пушку, и ребенок вполне мог оказаться и твоим? Или... думал, что она все

равно тебе не поверит?

Лицо маркиза дернулась, и девушка расхохоталась, приподняв брови.

– Ох, Асгарт-Асгарт-Асгартона готова спать с тобой, но не доверять. Может, потому, что ты не доверяешь самому себе? Я ведь знаю, каким ты можешь быть... Не боишься однажды проснуться в луже ее крови?

Лицо мужчины потемнело.

– Раз, – отчеканил он, направившись к ней.

Девушка, зарывав, схватила с каминной полки статуэтку и швырнула в него.

– Сволочь-мразь-подонок-ненавижу!! – Маркиз уклонился, не прекращая двигаться в ее сторону.

– Два.

Запустив в него кочергой, с тем же результатом, гостья метнулась прочь, а потом резко остановилась и развернулась к нему, расстегивая ряд пуговиц у себя на груди, сдирая платье.

– Ну же, давай сделаем это прямо здесь, напоследок, в память о былом! Мой свадебный подарок тебе... Шлюшке мы не расскажем, честно-честно!

Мужчина сделал еще один шаг и замер, услышав донесшееся снаружи ржание.

– Три! – расхохоталась гостья, раскинув руки и запрокинув голову, закружилась на месте. – Девочка лети!

Но маркиз уже не услышал, рванув наружу, вслед стремительно удаляющемуся стуку копыт.

* * *

Ветер свистел в ушах, забивался в нос, рот, не давая сделать вдох, руки бестолково хватались за воздух, а мир кувыркался и переворачивался, пока невероятно тяжелое тело влекло Ару вниз, в реку, похожую на блестящий панцирь. При ударе с такой высоты она и будет, как стальной панцирь...

Говорят, в подобные минуты вся жизнь проносится перед глазами, ее самые значимые моменты. Но у Ары почему-то мелькали только последние три недели рядом с Асгартом, словно в них уместилась целая жизнь, или словно настоящая жизнь началась только с них: теплые руки в ее волосах, упоительные поцелуи с ароматом роз, глаза, горящие нездешним светом для нее одной, низкий бархатный голос, от которого замирает сердце, и бегут мурашки... и бледное, искаженное ужасом лицо в то последнее мгновение перед падением, когда она обернулась. Получается, даже последнее ее воспоминание на земле было о нем... И почему-то с ним умирать не так страшно. Даже красиво – когда вокруг только бескрайнее небо.

В котором внезапно появляется тень. Сперва далекая, она приближается так же быстро, как Ара падает. Или даже быстрее...

И в самый последний миг, перед тем, как заслонить собой небо, тень распаивает огромные прекрасные крылья, хватая Ару, замедляя неизбежное падение, и рывком переворачивает на себя, чтобы в следующую секунду первой врезаться спиной в реку.

От страшного удара о воду с тошнотворным хрустом ломаются крылья, дыхание выбивает из груди Ары, вокруг смыкаются ледяной холод и темнота, и девушка

захлебывается, путается в одежде, пытаясь всплыть на поверхность, вертась в бурном потоке, держится за кого-то, кто тащит ее сквозь буйство стихии, и вечность спустя они оба ударяются ладонями и коленями о твердый берег.

Ара кашляет бесконечно долго, надрывно, выворачивая из себя воду, которой успела наглотаться, и трясась всем телом, промерзшим до костей. А рядом кашляет кто-то еще. Потом этот кто-то, сам клацающий зубами, растирает ей плечи, спину, прижимает Ару к себе, лихорадочно гладит, стискивает в объятиях, словно не в силах поверить в ее материальность. А над ними занимается теплый золотой рассвет.

Девушка поднимает глаза и не может сдержать рыданий при виде изломанных торчащих под неестественными углами крыльев. И кровоточащих ран на спине в тех местах, где они сегодня впервые прорезались, прорвав кожу и рубашку.

– Твои крылья, Асгарт...

– Ничего, до свадьбы заживут.

– Откуда ты знал, что они раскроются?

– Я и не знал... Просто прыгнул следом за своей жизнью.

– Зачем? Зачем ты меня спас? Зачем вытащил из реки? Ведь ты сегодня женишься...

Он стиснул ее лицо с посиневшими от холода губами и произнес такими же:

– Потому, что не успел спросить невесту Ты выйдешь за меня?